

ВЕСТНИК

ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МИИТ

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 2013 ГОДА | № 1 (29) 2020

Международное право

Гражданское право

Уголовное право
и уголовный процесс

Трудовое право

Административное право

Право социального
обеспечения

Право и экономика

Вопросы образования

Зарубежный опыт

Исторический экскурс

Электронный научный журнал «Вестник Юридического института МИИТ» 2020. № 1 (29)

Дата размещения — 29 апреля 2020 г.

Журнал издается с 2013 г.

Научное направление издания: 12.00.00 Юриспруденция.

Адрес редакции: 127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9.

Телефон: 8 (495) 681-90-19.

Факс: 8 (495) 684-2849.

E-mail редакции: albinadg@mail.ru

Официальный сайт в сети Интернет: <http://vestnik-ui-miit.ru>.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «**Российский университет транспорта**».

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журналу присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN) **2542-1573**.

Периодичность: четыре раза в год.

Главный редактор — **КОРЯКИН Виктор Михайлович**, доктор юридических наук (20.02.03), профессор (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru).

The online scientific journal «Bulletin of the Law Institute of MIIT» 2020. № 1 (29)

The date of the issue is the 29-th of April, 2020.

The journal has been published since January 2013.

The research area of the publications is 12.00.00 Jurisprudence.

The official address of the editorial board is Obrastsov Str., 9/9, Moscow, 127994.

Tel.: 8 (495) 681-90-19;

Fax.: 8 (495) 684-2849;

Email: albinadg@mail.ru.

The official site in the Internet is URL: <http://vestnik-ui-miit.ru/>

The founder and publisher is the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «**Russian University of Transport**».

The journal is introduced into the system of the Russian Science Citation Index (RSCI) according to the contractual agreement № 381-06/2016 of June 24, 2016.

The journal is assigned an international standard serial number (ISSN) **2542-1573**.

The journal is issued 4 times a year.

The editor-in-chief is **KORYAKIN Viktor Mikhailovich**, Doctor of Law (20.02.03), professor (12.00.03) (e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru).

<p><i>Председатель редакционного совета:</i> Духно Николай Алексеевич <i>доктор юридических наук, профессор</i></p> <p><i>Заместитель председателя редакционного совета:</i> Корякин Виктор Михайлович <i>доктор юридических наук, профессор</i></p> <p><i>Члены редакционного совета:</i> Борисов Андрей Викторович, <i>кандидат юридических наук, доцент</i> Землин Александр Игоревич, <i>доктор юридических наук, профессор</i> Лобачев Сергей Львович, <i>доктор технических наук, профессор</i> Рудакова Елена Николаевна, <i>доктор политических наук, профессор</i> Слышкин Геннадий Геннадьевич, <i>доктор филологических наук, профессор</i> Чеботарева Анна Александровна, <i>доктор юридических наук, доцент</i> Сидоркин Александр Иванович, <i>доктор юридических наук, профессор</i></p>	<p><i>Chairman of the Editorial Council</i> Dukhno Nikolay Alekseevich <i>Doctor of Law, professor</i></p> <p><i>Deputy chairman of the Editorial Council</i> Koryakin Viktor Mikhailovich <i>Doctor of Law, professor</i></p> <p><i>Members of the Editorial Council:</i> Borisov Andrey Viktorovich <i>Candidate of Law, docent</i> Zemlin Aleksandr Igorevich <i>Doctor of Law, professor</i> Lobachev Sergey Lvovich <i>Doctor of Technical Sciences, professor</i> Rudakova Elena Nikolaevna <i>Doctor of Political Sciences, professor</i> Slyshkin Gennadiy Gennadievich <i>Doctor of Philological Sciences</i> Chebotareva Anna Aleksandovna <i>Doctor of Law, docent</i> Sidorkin Aleksandr Ivanovich <i>Doctor of Law, professor</i></p>
<p>© Law Institute of MIIT, 2019</p> <p>When using materials from the journal, it's necessary to refer to the «Bulletin of the Law Institute of MIIT»</p>	<p>The official site of the Law Institute is www.ui-miit.ru</p>

С о д е р ж а н и е

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Мальцев В. А.

Материальная ответственность государства
и ее основные формы в международном праве..... 11

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Долгов В. В.

Корпоративный договор в системе корпоративных
отношений 21

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бажанов С. В.

Культура письменной речи законодателя как фактор,
благоприятно сказывающийся на качестве уголовно-
процессуальных норм 31

Новиков В. А.

Невыплата заработной платы, пенсий и иных социальных
пособий как преступление против конституционных прав
и свобод человека и гражданина..... 44

Бобовкин М. В., Ручкин В. А.

Электрографические копии документов — объекты
судебно-почерковедческой экспертизы 53

Орлов Ю. Ю.

Нематериальные блага в системе уголовного права 59

Грамоткина С. А.

Объект преступления и проблемные вопросы
его определения 66

Мельникова С. А.

За и против смертной казни..... 74

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Гавриш И. В., Гавриш Р. И.

О четырехдневной рабочей неделе и праве на отдых..... 79

Кроликов А. П.

Проблемы правового регулирования трудовых отношений
работников предприятия, передаваемого в аренду 86

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Правкин С. А., Смирнова В. В.

Значение института административного контроля (надзора)
в условиях применения рискориентированного подхода
и «регуляторной гильотины» 93

ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Тимонина И. В.

Правовое регулирование социальных льгот
в Российской Федерации 101

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Кузьмин В. Н.

Малое и среднее предпринимательство как инструмент
реализации экономической функции государства 107

Шатская И. И.

Изменения бухгалтерского и налогового законодательства
в 2020 году 118

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Груздева Л. М.

О формировании цифровых компетенций при подготовке специалистов юридического профиля127

Лещев Г. Ю.

Концепция создания саморегулируемых организаций в сфере подготовки специалистов в области транспорта133

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Петров Ю. И.

Историография истории внутренних водных путей России с древних времен139

Глебов С. С.

Правовые основы взаимодействия полиции Российской империи с другими государственными органами (XIX — начало XX века)146

Памяти ученого159

Требования к материалам, представляемым для опубликования в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»160

Contents

INTERNATIONAL LAW

Maltsev Vitaliy An.

The state liability for breakage and its basic forms
in international law..... 11

CIVIL LAW

Dolgov Valeriy V.

Corporate agreement in the system of corporate relations 21

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

Bazhanov Stanislav V.

Written language culture of a legislator as a factor beneficially
affecting on the quality of criminal procedure norms 31

Novikov Valeriy An.

Non-payment of wages, pensions and other social allowances
as a crime against the constitutional rights and freedoms
of a citizen 44

Bobovkin Mikhail V., Ruchkin Vitaliy An.

Electrographic copies of documents as the objects of forensic
handwriting analysis..... 53

Orlov Yuriy Yu.

Intangible benefits in the criminal law system 59

Gramatkina Svetlana Al.

An object of crime and problems with its definition 66

Melnikova Svetlana Al.

Pro and Cons of death penalty 74

LABOUR LAW

Gavrish Igor V., Gavrish Ruslan Ig.

On a four-day work week and the right to rest..... 79

Krolikov Aleksandr P.

The problems of legal regulation of labor relations
of employees of a leased enterprise..... 86

ADMINISTRATIVE LAW

Pravkin Sergey Al., Smirnova Vera V.

The importance of the administrative control (supervision)
institution in the application of a risk-based approach
and “regulatory guillotine” 93

SOCIAL SECURITY LAW

Timonina Irina V.

Legal regulation of social benefits in the Russian Federation.....101

LAW AND ECONOMICS

Kuzmin Valeriy N.

Small and medium businesses as a tool to implement
the state economic function.....107

Shatskaya Irina Iv.

The changes in accounting and tax legislation in 2020.....118

ISSUES OF EDUCATION

Gruzdeva Lyudmila M.

On the formation of digital competencies in training
of legal specialists127

Leshchev Gennadiy Yu.

The concept of setting up self-regulatory organizations in the field of training transport specialists	133
---	-----

HISTORICAL OVERVIEW

Petrov Yuriy Iv.

Historiography of the history of Russian inland waterways since ancient times.....	139
---	-----

Glebov Sergey S.

The legal basis for the police interaction of the Russian Empire with other state institutions (XIX — early XX century)	146
--	-----

To the memory of the scientist	159
---	-----

Requirements

for the materials submitted for publication in the journal «Bulletin of the Law Institute MIIT»	161
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 341.9

© Мальцев Виталий Анатольевич

— кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного, финансового и международного права Академии труда и социальных отношений

Материальная ответственность государства и ее основные формы в международном праве

Аннотация. В статье исследуются основные аспекты системы правового регулирования ответственности государств в международном праве. Рассматриваются понятия материальной формы ответственности, и отмечается ее отличие от нематериальной. Дается обоснование того, что материальная ответственность является одной из самых сложных и проблемных форм в международном праве. На основе анализа положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН выявлены особенности содержания материальной ответственности, а также освещены основания ее возникновения. Подробно раскрываются формы материальной ответственности государств, к которым отнесены репарация, реституция, субституция, ресторация, компенсация, проценты и усугубление вреда. При этом отмечается проблема, существующая в международном праве, которая связана с различными подходами к отнесению некоторых из них к самостоятельной форме или как отдельному способу в рамках одной из основных форм. Также при характеристике каждой из форм указывается проблематика в их обоснованности практического применения, в том числе в отношении международно-противоправных деяний физических лиц. В статье отмечены проблемы в определении содержания и применения, так называемых, смешанных форм материальной ответственности государств. Особенности применения форм материальной ответственности показаны на примерах из международной практики и прецедентных решениях международных судебных органов.

Ключевые слова: материальная ответственность; формы ответственности; репарация; реституция; субституция; ресторация; компенсация; проценты.

© Vitaliy An. Maltsev

— Candidate of Law, docent, head of the department of administrative, financial and international law of the Academy of Labour and Social Relations

The state liability for breakage and its basic forms in international law

Abstract. The current paper has studied the main aspects of the system of legal regulation of state liability in international law. There have been considered the concepts of the liability for breakage and its difference from the intangible liability. There has been substantiated that liability for breakage is one of the most complex and problematic forms in international law. According to the analysis of the provisions of the Resolution of the UN General Assembly, there have been identified the features of the content of liability for breakage, as well as the reasons for its occurrence. There have been considered the forms of state liability in detail, which include reparation, restitution, substitution, restoration, compensation, interest, and aggravation of damage. At the same time, there has been noted a problem in international law, which deals with different approaches to classifying some of them as an independent form or as a separate method within the framework of one of the main forms. Also, when characterizing each of the forms, there have been indicated the problems in the validity of their practical application, including internationally illegal acts of individuals. The current paper has presented the problems in determining the content and application of the so-called mixed forms of state liability for breakage. The features of the application of forms of liability have been shown on examples from international practice and case-law of international judicial bodies.

Keywords: liability for breakage; forms of liability; repairing; restitution; substitution; restoration; compensation; interest.

Ответственность в международном праве понимается в качестве негативных последствий юридического характера, которые наступают для виновного в совершении международно-противоправного деяния субъекта международного права за нарушение им своих обязанностей и прав других субъектов международного права. Материальная ответственность (как и политическая или нематериальная) является слагаемым международно-правовой ответственности и служит защитным правовым механизмом восстановления нарушенных прав. При этом оба вида международно-правовой ответственности в определенных случаях могут быть связаны между собой и образуют единый комплекс лишений, который должен претерпеть виновный субъект. Следует отметить, что вопросы материальной ответственности государства являются одними из самых сложных и проблемных в международном праве. Это связано как с недостаточно четкой их регламентацией в международных актах, так и с не столь обширной практикой их применения.

Материальная ответственность наступает в случае нарушения государством и иным субъектом международного права своих международных обязательств, связанных с причинением материального ущерба потерпевшему субъекту в результате международного правонарушения. Можно сказать, что материальная (в науке ее еще называют экономической, что представляется не совсем точным) ответственность виновного субъекта международного права представляет собой юридические последствия материального характера, наступающие для виновного в совершении международно-противоправного деяния субъекта международного права, нарушившего действующие нормы и принципы международного права, а также свои обязательства по международному договору. Результатом такого международно-противоправного деяния является нанесенный материальный ущерб потерпевшему субъекту международного права [1, стр. 9—10].

Статья 31 Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» устанавливает, что вред включает в себя любой ущерб, в том числе материальный. Возмещение вреда, причиненного в результате международно-противоправного деяния, представляет собой реализацию прав и обязанностей, вытекающих из правоотношений ответственности. Выражается данный вид международно-правовой ответственности в следующих формах или способах: репарация; реституция; субституция; ресторация; компенсация; проценты; усугубление вреда.

Материальная ответственность чаще всего наступает в форме репараций. Репарация (от лат. *«reparation»* — восстановление) представляет собой возмещение материального вреда или ущерба деньгами, валютными ценностями, промышленными товарами, оборудованием, услугами и т.д., например, за разрушение зданий, инженерных коммуникации, дорог и т.п. Частным случаем репарации является возмещение материального ущерба, нанесенного государством-агрессором в результате международно-противоправного деяния по отношению к потерпевшему государству, подвергшегося с его стороны военной агрессии. В этом случае необходимо отличать репарации от контрибуций (дань победителю в войне), т.е. произвольных выплат со стороны проигравшего в войне государству-победителю, независимо от того, кто был агрессором, и от суммы нанесенного ущерба, причиненного международно-противоправным деянием.

В денежной форме репарации могут оформляться как государственные облигации или как особый государственный долг, выплачиваемый из конкретных источников, например, оформление репараций в виде доли прибыли от продажи природных ресурсов. Репарации, как форма материальной ответственности виновного субъекта международного права, выплачиваются путем передачи потерпевшему субъекту сырья, станков и оборудования, для последующего восстановления на своей территории, а

также патентов, строительных материалов и иных материальных ценностей в заранее оговоренных объемах.

Реституция представляет собой восстановление фактического положения, которое существовало до совершения виновным субъектом международного правонарушения. Статья 35 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 «устанавливает, что «государство, ответственное за международно-противоправное деяние, обязано ... восстановить положение, которое существовало до совершения противоправного деяния». Данный способ материальной ответственности реализуется в различных формах, например: возвращение имущества, освобождение задержанных лиц (материальная реституция); отмена правового акта (юридическая реституция) и др. При этом реституция осуществляется в такой ситуации, когда она материально возможна, т.е. объект обязательства не утерян безвозвратно в силу его физического уничтожения или необратимого повреждения [2, стр. 239].

Любые сделки в отношении неправомерно изъятого имущества, передача и вывоз его в третьи страны считаются недействительными, а само имущество подлежит возвращению потерпевшему государству, которому был нанесен ущерб в результате международно-противоправного деяния, и в чьем владении оно (имущество) находилось до совершения международно-противоправного деяния. Реституция не должна возлагать на несущее ответственность государство бремя, которое непропорционально выгоде потерпевшей стороны. Данное положение применяется только тогда, когда существует серьезная диспропорция (отсутствие пропорциональности и соразмерности, а также несоответствие между частями целого) между бременем, связанным с реституцией, и выгодой, которую получит в последующем потерпевшая сторона.

Обязательство обеспечить реституцию не является абсолютным. Это значит, что реституция, как форма материальной ответственности, может быть частичной и сопровождаться компенсацией. В случае полной невозможности ее выполнения она может целиком заменяться компенсацией. В то же время в реституции может быть отказано, если ее осуществление несет за собой бремя, совершенно несоразмерное с выгодой от реституции вместо компенсации. Указанное положение основано на принципе справедливости и на соображениях целесообразности. Так, например, в деле «О храме Преах-Вихеар» Международный Суд ООН постановил, что Таиланд обязан вернуть Камбодже все объекты (скульптуры, стеллы, фрагменты монументов, модели из песчаника и старинную керамику), которые могли быть вывезены тайскими властями из храма или с его территории с начала оккупации храма Таиландом в 1954 г. [<http://www.icj-cij.org>]

Из сказанного выше можно сделать вывод, что реституция осуществляется как:

1) материальная форма, т.е. освобождение незаконно задержанных лиц, возвращение потерпевшему государству в результате международно-противоправного деяния виновным субъектом международного права морских и воздушных судов или иного вида имущества;

2) правовая форма, которая используется, как правило, в случаях, требующих изменений либо в рамках правовой системы, либо в его правоотношениях с потерпевшими государствами в результате международного правонарушения. Правовая форма реституции выражается в применении таких мер, как: изменение или отмена закона, принятого в нарушение международного обязательства, и другие;

3) компенсационная форма, применяемая в случаях, если осуществление ответственности виновного в форме обычной реституции невозможно. Данная форма ответственности заключается в обязанности виновного субъекта компенсировать причиненный материальный ущерб путем передачи ему (потерпевшему субъекту) предметов того же рода, что и разграбленные и незаконно вывезенные виновным субъектом международного права с территории потерпевшего государства. Или путем изъятия потерпевшим государством или иным субъектом международного права в свою пользу данных ценностей.

Субституция (от лат. «*substituto*» — ставлю вместо, передаю взамен) является одной разновидностью реституции. Она представляет собой замену неправомерно уничтоженного или поврежденного имущества в результате совершенного международного правонарушения, а также зданий, транспортных средств, художественных ценностей, личного имущества, а также любого вида имущества, равноценного по стоимости утраченному.

Особая форма материальной ответственности — ресторация, которая представляет собой восстановление ответственным государством или иным виновным субъектом международного права прежнего состояния какого-либо материального объекта или же оплата такого восстановления. В общем плане, целью ресторации является ликвидация последствий международного правонарушения. В то же время ресторация может сопровождаться и другими способами ответственности, например, компенсацией и сатисфакцией, но в этом случае происходит ее слияние с политической (нематериальной) формой ответственности.

Если ресторация невозможна или недостаточна, то потерпевшее государство и иной субъект международного права имеет право получить от виновного субъекта, совершившего международно-противоправное деяние, компенсацию за ущерб, причиненный в результате нарушения обязательства. Следовательно, согласно ст. 36 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 компенсация, как способ ответственности виновного субъекта международного права, представляет собой обязанность государства или иного виновного субъек-

та, ответственного за международно-противоправное деяние, компенсировать ущерб, причиненный таким деянием в объеме исчислимого в финансовом выражении ущерба, включая упущенную выгоду. Таким образом, несущее ответственность государство обязано возместить причиненный ущерб в той мере, в какой он не возмещается реституцией [3, стр. 58].

В качестве примера можно привести одно из решений Международного Суда ООН, который определил, что существует прочно устоявшаяся норма международного права, согласно которой потерпевшее государство или иной субъект международного права имеет право на получение компенсации от виновного субъекта международного права. При этом компенсация возможна только в том случае, если совершенное международно-противоправное деяние нанесло ущерб потерпевшему субъекту [<https://www.un.org>].

Размер компенсации может устанавливаться как самими сторонами, при подписании специального международного договора, так и международными судами при принятии ими решений по делу, и специально создаваемыми международными комиссиями. При этом четкой методики определения размера компенсации на сегодняшний день не существует. Однако, по мнению А. Фердросса, «размеры подлежащих возмещению убытков определяются в соответствии с общепризнанными принципами права, поскольку международное право не создало никаких специальных норм по этому вопросу» [4, стр. 382].

Однако за последнее время широко распространена практика решения вопросов компенсации путем взаимного соглашения. Таким путем был решен целый ряд случаев противоправного нападения на морские суда. Примером может служить решение вопроса об уплате Кубой компенсации Содружеству Багамских Островов за потопление кубинским самолетом в открытом море багамского судна. Аналогичным образом был решен вопрос о выплате Израилем компенсации за нападение в 1967 г. на военный корабль США «Либерти», в результате которого среди членов экипажа были раненые и погибшие. Еще одним примером может служить выплата Ираком 400 млн долл. США за 37 погибших в 1987 г. и нанесение серьезных повреждений американскому военному кораблю «Старк» ракетой, выпущенной с иракского военного самолета [<https://ria.ru>].

Некоторые общие подходы к определению размера компенсации были выработаны в международной судебной практике, связанной с защитой интересов частных лиц. Так, например, Комиссия международного права отметила следующее: «Если претензии подаются в связи со смертью лица в результате противоправных действий, то ущерб, как правило, основывается на оценке потерь оставшихся в живых наследников или правопреемников. Компенсация в данном случае рассчитывается в соответствии с известной формулой третейского судьи Д. Паркера, которую он высказал еще в 1923 году в деле “Лузитания”. К ним добавляются суммы:

а) которые погибший, если бы он остался в живых, мог бы передать истцу,

б) денежная стоимость личных услуг покойного, которые могли быть предоставлены истцу в рамках его обеспечения, образования или надзора, и

в) разумная компенсация за такие психические страдания или потрясения, если таковые имели место, вызванные разрывом семейных связей, которые истец мог фактически пережить в результате такой смерти. Сумма этих оценок, сниженная с учетом их нынешней денежной стоимости, и будет, как правило, представлять собой ущерб, причиненный истцу» [5, стр. 12—13].

Исчисляемый в финансовом выражении ущерб означает ущерб, причиненный субъекту международного права, в частности государству и впоследствии его гражданам и компаниям. Государство в таком случае вправе требовать компенсацию за ущерб, который был причинен международно-противоправным деянием здоровью его должностных лиц и граждан. Компенсируются в результате совершенного международно-противоправного деяния не только материальные убытки, но и моральный ущерб, например, потеря родных и близких, боль и страдания, оскорбления. То есть государство, как один из основных субъектов права международной ответственности, в данных случаях выступает от их имени в порядке дипломатической защиты и имеет право требовать компенсацию за причиненный ущерб. При этом довольно часто выплаты производятся не в порядке выполнения международных обязательств, порождаемых ответственностью, а «по доброй воле» (*ex gratia*). Так, между США и Китаем было достигнуто соглашение о выплате 4,5 млн долл. семьям убитых и раненных при бомбардировке китайского посольства в Белграде в 1999 г. В процессе переговоров китайская сторона также потребовала от США компенсацию за уничтоженное здание посольства. В результате американская сторона выплатила Китаю еще почти 24 млн долл.

Необходимо отметить, что стоимость уничтоженного в результате международно-противоправного деяния имущества, как правило, определяется на основе его «справедливой рыночной стоимости». Определение этой стоимости зачастую оказывается весьма серьезной проблемой. Многое зависит от характера имущества, целей использования, места его нахождения и других факторов. Наиболее просто решается вопрос, если соответствующее имущество является предметом купли-продажи на открытом рынке, например, здание, сооружение, транспортные средства и т.п. Значительно сложнее решается вопрос, когда дело касается имущества уникального характера, например, культурных ценностей. Здесь международное право до сих пор сталкивается с существенными проблемами, которые вытекают из различий в

национальных оценочных категориях в отношении исторических и культурных ценностей, а также отсутствием общих критериев их оценки на международном рынке.

Проценты, как один из способов материальной ответственности виновного субъекта, выплачиваются в целях обеспечения полного возмещения вреда, причиненного международным правонарушением, и стимулируют своевременную выплату возмещенного вреда. Проценты начисляются тогда, когда это необходимо для обеспечения полного возмещения вреда потерпевшей стороне. Вопрос о процентах, которые необходимо будет выплатить виновному субъекту международного права, за совершенное им международно-противоправное деяние, является обычно отдельным положением в претензиях и судебных решениях. Дата, с которой начинают начисляться проценты, является датой, когда должна была быть выплачена, но не была выплачена основная сумма, т.е. с даты, когда ущерб был причинен потерпевшему субъекту международного права в результате совершенного по отношению к нему международного правонарушения. Датой прекращения начисления процентов является выполнение обязательства. Процентная ставка и методика исчисления процентов должны определяться с учетом необходимости обеспечения полного возмещения объема выплат за вред, причиненный международно-противоправным деянием. Речь в данном случае идет только о тех процентах, которые засчитываются в установленную судебным решением общую сумму компенсации. Она не касается процентов, которые выплачиваются виновным субъектом международного права после судебного решения.

Новым способом материальной ответственности государства является возмещение усугубленного вреда. Такой вред возникает тогда, когда потерпевшее государство или иной субъект международного права своими действиями способствовали увеличению ущерба. В данном случае необходимо также учитывать, что не всякое действие или бездействие виновного субъекта, которое усугубило уже причиненный вред, принимается во внимание. Речь, в данном случае, идет лишь о действии или бездействии, которые можно квалифицировать как сознательные или неосторожные. Имеются в виду случаи отсутствия должной осмотрительности (от лат. *«due diligence»*) со стороны жертвы правонарушения в отношении собственного имущества или прав.

При этом действие или бездействие не обязательно должно достигнуть уровня, когда его можно квалифицировать как серьезное. Все определяется тем, в какой мере они способствовали усугублению ущерба, с учетом, разумеется, и других обстоятельств конкретного взятого случая. К тому же действие или бездействие может быть совершено не только государством, но и любым лицом или образованием, в отношении которого истребуется возмещение (ст. 39 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 56/83). Этим положением охватываются такие случаи, когда государство в поряд-

ке дипломатической защиты предъявляет требование от имени своего гражданина. Более того, оно относится и к любой другой ситуации, при которой одно государство призывает к ответственности другое в связи с поведением, непосредственно затрагивающим права или интересы какой-либо третьей стороны.

В большинстве случаев вопросы, связанные с усугублением ущерба потерпевшим государством решаются при определении размера компенсации по отношению к потерпевшему субъекту международного права в результате совершенного международно-противоправного деяния. Вместе с тем, норма об усугублении ущерба может иметь значение и при определении иных способов возмещения причиненного вреда потерпевшему субъекту международного права. Возможны ситуации, когда вред целиком обусловлен поведением потерпевшего государства [6, стр. 231]. В этом случае возмещение не предоставляется, поскольку вред не был причинен международно-противоправным деянием другой стороны.

Таким образом, среди указанных форм материальной ответственности наиболее распространенными в международной практике принято считать: реституцию, репарацию и субституцию. Это объясняется тем обстоятельством, что при единстве стоящих перед ними целей они осуществляются разными способами (хотя и могут сочетаться в определенных случаях с другими), но в любом случае их применение будет максимально способствовать возмещению вреда потерпевшему субъекту. В то же время за последнее время стало использоваться так называемая «смешанная форма ответственности», которая как бы включает в себя одновременное применение политических (нематериальных) и материальных форм (или их отдельных способов), в частности, при введении санкций в отношении государства-нарушителя.

Литература

1. Лукашук, И. И. Право международной ответственности. — Москва : Волтер Клувер, 2004.
2. Международное право : учебник для бакалавров / ответственные редакторы Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков. — Москва : Статут, 2017.
3. Гура, М. М. Международно-правовая ответственность государства как юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права // Государство и право. — 2015. — № 4.
4. Фердросс, А. Международное право / под редакцией Г. И. Тункина ; перевод с немецкого Ф. А. Кублицкого, Р. Л. Нарышкиной. — Москва : Инстр. лит., 1959.
5. Ежегодный доклад Комиссии международного права на 53 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 8 декабря 1998 г. — Том II. — Часть 2. — Нью-Йорк : ООН, 1998.
6. Международное право : учебник / ответственный редактор С. А. Егоров. — 5-е издание. — Москва : Статут, 2014.

References

1. Lukashuk, I. I. Pravo mezhdunarodnoy otvetstvennosti [The law of international responsibility]. — Moskva : Volter Kluver, 2004.
2. Mezhdunarodnoye pravo [International law]: uchebnik dlya bakalavrov / otvetstvennyye redaktory R. M. Valeyev, G. I. Kurdyukov. — Moskva : Statut, 2017.
3. Gura, M. M. Mezhdunarodno-pravovaya otvetstvennost' gosudarstva kak yuridicheskoye sredstvo obespecheniya soblyudeniya norm mezhdunarodnogo prava [The international legal responsibility of the state as a legal means of ensuring compliance with international law] // Gosudarstvo i pravo. — 2015. — № 4.
4. Ferdross, A. Mezhdunarodnoye pravo [International law] / pod redaktsiyey G. I. Tunkina ; perevod s nemetskogo F. A. Kublitskogo, R. L. Naryshkinoy. — Moskva : Inostr. lit., 1959.
5. Yezhegodnyy doklad Komissii mezhdunarodnogo prava na 53 sessii General'-noy Assamblei OON 8 dekabrya 1998 g. [Annual report of the International Law Commission at the 53rd session of the UN General Assembly on December 8, 1998]— Tom II. — Chast' 2. — N'yu-York : OON, 1998.
6. Mezhdunarodnoye pravo [International law]: uchebnik / otvetstvennyy redaktor S. A. Yegorov. — 5-ye izdaniye. — Moskva : Statut, 2014.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 346

© Долгов Валерий Владимирович

— кандидат философских наук, доцент кафедры
«Гражданское право, гражданский процесс, международное
частное право» Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)

Корпоративный договор в системе корпоративных отношений

Аннотация. Корпоративное право и корпоративные отношения находятся на стадии активного становления и развития и являются предметом дискуссий российских и зарубежных ученых. Важным шагом в развитии гражданского законодательства явилось включение в предмет гражданско-правового регулирования корпоративных отношений Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ. В указанной статье автор исследует правовую категорию корпоративного договора, его правовую сущность, виды и значение в системе корпоративных отношений, а также правоприменительную практику при рассмотрении судами корпоративных споров. Автором также осуществлен анализ предмета и сторон корпоративного договора, а также судебная практика рассмотрения корпоративных споров.

Ключевые слова: корпоративный договор; корпоративные отношения; корпорация; участник корпоративного договора.

© Valeriy V. Dolgov

— Candidate of Philosophical Science, associate professor
of the department of civil law, civil procedure and international
private law of the Law Institute of the Russian University of Transport

Corporate agreement in the system of corporate relations

Abstract. Corporate law and corporate relations are at the stage of active formation and development and are the subject of discussions between Russian and foreign researchers. An important step in the development of civil law was the inclusion in the subject of civil law regulation of corporate relations by the Federal Law of May 5, 2014 No. 99-ФЗ. In the current paper the author has studied the legal category of a corporate agreement, its legal nature, types and significance in the system of corporate relations, as well as law enforcement

practice to solve corporate disputes by courts. The author has also analyzed the subject and parties of the corporate agreement, as well as the judicial practice of solving corporate disputes.

Keywords: corporate agreement; corporate relations; corporation; a party of a corporate agreement.

Корпоративные отношения представляют собой систему взаимосвязей, складывающихся между участниками объединения (акционерами) и обособленным от акционеров аппаратом управления и другими заинтересованными лицами такого объединения (работниками, партнерами, государственными органами и проч.) и являющихся результатом компромисса интересов объединения, его участников.

Субъективные права и обязанности участников корпоративных правоотношений осуществляются в соответствии с требованиями законодательства на основе юридического равенства, недопустимости злоупотребления корпоративными правами. При этом единство интересов участников корпорации является важной предпосылкой формирования эффективной модели корпоративного управления в сочетании с требованием социальной справедливости и социальной ответственности.

Термин «корпоративный договор» был введен в законодательную систему для предотвращения возможных конфликтов в случае возникновения противоречий у партнеров, например, участников или акционеров компании. Предварительно оформленный контракт позволяет не только определить оптимальную базу для формирования стратегии развития бизнеса, но и минимизировать риски распада корпорации. По сути, корпоративный договор — это соглашение между бизнес-партнерами о порядке осуществления и реализации ими своих корпоративных прав.

В целях внутреннего регулирования корпоративных отношений, предотвращения возможных противоречий и конфликтов в ГК РФ было закреплено понятие «корпоративный договор» как договор участников хозяйственного общества об осуществлении принадлежащих корпоративных прав (акционерное соглашение, соглашение об осуществлении прав участника общества с ограниченной ответственностью). В соответствии с таким соглашением они обязуются осуществлять свои права определенным образом:

- согласованно осуществлять свои действия по управлению предприятием;
- голосовать определенным образом на общем собрании участников;
- приобретать или отчуждать доли в уставном капитале по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств воздерживаться от отчуждения долей.

Корпоративные договоры могут заключаться в обществах с ограниченной ответственностью (далее — ООО) и акционерных обществах (далее —

АО) с двумя и более акционерами (участниками). Подписать такой контракт можно в любое время, но целесообразнее всего сделать это в начале деятельности, во избежание в дальнейшем разногласий. Подписывается договор между всеми участниками (акционерами) или между некоторыми из них. Договоры могут быть заключены в случае смены кого-то из акционеров (участников) или при вводе в ООО или АО новых участников (акционеров).

Необходимо отметить тот факт, что в последние годы развитие корпоративного права идет по пути усиления диспозитивности. Для участников корпоративных отношений наиболее актуальным становится вопрос об обращении к договорному способу регулирования возникающих между ними отношений, так как договор позволяет в большей степени обеспечить самостоятельную и эффективную организацию корпоративного управления. Основным механизмом договорного регулирования корпоративных отношений выступает институт корпоративного договора.

Необходимо отметить, что заключение корпоративного договора на согласованных условиях возлагает на участника соответствующие обязанности, которые акционеру (участнику) будет сложно оспорить, если он прежде согласился его исполнять. Так, в соответствии с разъяснениями, содержащимся в п. 37 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» согласно п. 7 ст. 67.2 ГК РФ стороны корпоративного договора не вправе ссылаться на его недействительность в связи с его противоречиями положениям устава хозяйственного общества. Например, при рассмотрении спора в суде, опираясь на положения корпоративного договора, с нарушителя взыскали 5 млн руб. компенсации (определение Верховного Суда РФ от 3 октября 2016 г. по делу № А45-12277/2015). В другом случае, рассматривая спор участников, суд принял решение о взыскании 100% рыночной стоимости активов общества за нарушение договоренностей (решение Арбитражного суда г. Москвы от 2 сентября 2016 г. по делу № А40-65834/2011).

Предметом корпоративного договора могут быть договоренности о порядке управления компанией, порядок включения новых акционеров и выхода старых, особенности имущественных отношений между участниками хозяйственного общества. При этом важно отметить, что корпоративный договор не может подменять устав, а всего лишь дополняет его, не создавая дополнительных прав и обязанностей, которые предусмотрены законодательством об ООО и АО, а расширяя спектр управленческих средств.

Корпоративный договор конкретизирует способы осуществления прав и обязанностей участников. Например, корпоративный договор может регулировать особенности осуществления прав долями в уставном капитале, накладывая ограничения на период времени (наступления события), в те-

чение которого участники не будут отчуждать и любыми способами обременять доли (акции).

К предмету корпоративного договора могут быть отнесены вопросы управления АО и ООО. В частности, в корпоративном договоре можно конкретизировать особенности формирования органов управления или закрепить требования к лицу, претендующему на должность единоличного исполнительного органа общества.

Правовая природа корпоративного договора в настоящее время представляет предмет дискуссии в отечественной цивилистике. Популярной является точка зрения о двойственной природе такого рода соглашений. Например, Е. В. Глухов применительно к договору о порядке осуществления прав участников ООО отмечает: «Рассматриваемое соглашение представляет не просто гражданско-правовой договор, а соглашение, которое пусть и порождает обязательства в пользу его стороны, но при этом большое значение для самого ООО, его корпоративной структуры и иных участников (при их наличии), не являющихся стороной такого соглашения» [1].

С двойственной природой корпоративных соглашений (корпоративно-правовой и обязательстваственно-правовой) согласен В. Г. Бородкин [2]. На сложность и неоднозначность корпоративного договора указывает Л. Б. Сидтикова, отмечая, что «Следует признать корпоративный договор разновидностью гражданско-правовой сделки... Вместе с тем этот договор, несомненно, обладает своей спецификой, вытекающей из того обстоятельства, что он регулирует особую группу гражданских правоотношений — корпоративные правоотношения» [3]. М. С. Варюшин рассматривает корпоративный договор как правовое явление, договорное по форме, но корпоративное по содержанию [4].

Определенную противоречивость и распространенность такого рода подходов объясняется попыткой совместить континентально-европейский и англо-саксонский подходы к правовому регулированию корпоративных отношений. С одной стороны, ГК РФ определяет корпоративный договор в качестве соглашения о порядке осуществления корпоративных прав, а с другой, позволяет ему при определенных обстоятельствах приобрести статус внутреннего документа, субсидиарного уставу непубличного хозяйственного общества (АО).

Анализируя правовую природу корпоративного договора, В. Г. Бородкин пришел к выводу, что конструкция такого договора представляет собой собирательный договор, состоящий из нескольких обязательств, в связи с чем выделение единого предмета корпоративного договора не представляется возможным [2]. При дифференциации корпоративного договора по предмету его регулирования исследователи в большинстве своем обращают внимание на соглашение о порядке корпоративного управления («*shareh agreements*»), характерного для английского корпоративно-

го права и применяемого в закрытых корпорациях. Участники такого соглашения имеют возможность в диспозитивном порядке урегулировать широкий круг вопросов: изменить объем прав управления пропорционально количеству принадлежащих акционеру акций; установить определенные требования к лицам, подлежащим избранию в органы управления; установить ограничения для полномочий совета директоров или упразднить его; решить вопрос о наделении полномочиями для текущего управления обществом одного или нескольких участников корпорации.

В качестве особенностей корпоративного договора исследователи выделяют договоры, в которых определяется порядок формирования органов управления обществом (*provision of control*), и здесь важно различать понятия «корпоративный договор» и «внутренние документы корпорации, регулирующие порядок созыва и проведения общего собрания».

Например, суд, рассматривая доводы истца о существенных нарушениях порядка созыва и проведения общего собрания, отметил, что положение о совете директоров является внутренним документом корпорации, регулирующим корпоративные отношения в части полномочий в области хозяйственной деятельности, но при этом не является учредительным документом общества. Исходя из буквального толкования ст. 67.2 ГК РФ, суд пришел к выводу, что положение о совете директоров не является корпоративным договором (решение Арбитражного суда Красноярского края от 13 июня 2019 г. № А33-8034/2018).

Важным выводом в указанном случае является то, что основной целью корпоративного договора является упорядочение прав участников корпорации, а установление порядка функционирования органов управления корпорации не входит в предмет его регулирования.

Отечественная модель корпоративного договора на сегодняшний день представляет собой, на наш взгляд, противоречивое сочетание континентально-европейского и англосаксонского подходов: с одной стороны, ГК РФ определяет корпоративный договор в качестве соглашения о порядке осуществления корпоративных прав, с другой, позволяет ему при определенных условиях де-факто приобрести статус субсидиарного устава внутреннего документа непубличного хозяйственного общества; существенной спецификой наделен корпоративный договор, заключенный всеми участниками хозяйственного общества (может порождать «корпоративный эффект»); наконец, за любым корпоративным договором признается приоритет перед уставом юридического лица и другими совершенными его сторонами сделками.

Вместе с тем положения закона не должны вводить в заблуждение. Несмотря на то что корпоративный договор был наделен многими нехарактерными для обычных гражданско-правовых договоров особенностями, его правовая природа не сделалась в одночасье сложной или смешанной. Сущность корпоративного договора как соглашения о порядке осуществ-

ления членских прав осталась прежней. Что же касается искусственно привнесенных законодателем несвойственных ему признаков, то их закрепление необходимо рассматривать как результат влияния на правотворческий процесс субъективного фактора, роль которого нельзя недооценивать.

Корпоративный договор, таким образом, представляет собой не что иное, как гражданско-правовой договор о порядке осуществления корпоративных прав. По традиции гражданско-правовой договор в отечественной цивилистике рассматривается в трех значениях: во-первых, как основание возникновения правоотношения (юридический факт); во-вторых, как само возникшее правоотношение; в-третьих, как форма, которую соответствующее правоотношение принимает (документ).

Говоря о договоре как о правоотношении, зачастую имеют в виду обязательство. Однако обязательство — лишь одно из возможных юридических последствий заключения договора. Так, определенное распространение имеют договоры, объектом которых служат не действия обязанного лица, а непосредственно вещи, как это свойственно правоотношениям вещным, — так называемые вещные договоры.

Господствующей в отечественной правовой доктрине на сегодняшний день является точка зрения, что корпоративный договор порождает обязательства. Как уже отмечалось ранее, об обязательственно-правовой природе корпоративных соглашений говорилось в Концепции развития законодательства о юридических лицах (п. 2.4 § 3 подраздела 6 раздела II). Формальные основания для указанного подхода дает и действующее законодательство: так, п. 2 ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах» гласит, что предметом акционерного соглашения не могут быть обязательства сторон голосовать согласно указаниям органов управления общества; согласно п. 7 этой же статьи, акционерным соглашением могут предусматриваться способы обеспечения исполнения вытекающих из него обязательств и меры гражданско-правовой ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Позиция, что акционерное соглашение является видом гражданско-правового договора, к которому применяется гражданское законодательство РФ, в том числе общие положения части первой ГК РФ о сделках, обязательственном праве и о договорах, была высказана Минэкономразвития России.

Как следует из п. 1 ст. 307 ГК РФ, обязательство есть правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от совершения определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Иначе говоря, обязательство рассматривается как простая правовая связь, состоящая из одного субъективного права и одной корреспондирующей этому праву обязанности.

Согласно п. 1 ст. 67.2 ГК РФ корпоративным является договор участников хозяйственного общества об осуществлении принадлежащих им корпоративных прав, в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления.

Сопоставление приведенных определений вызывает серьезные сомнения относительно обязательственной природы порождаемых корпоративным договором правоотношений. Традиционно в науке гражданского права каждому договору дается общая характеристика. При этом, как правило, происходит отнесение договора к определенным группам, исходя из таких классификационных критериев, как характер распределения прав и обязанностей между сторонами, наличие или отсутствие встречного предоставления, момент заключения договора.

По признаку распределения прав и обязанностей между сторонами договоры делят на односторонне обязывающие и синаллагматические, или взаимные. Если договор влечет возникновение у каждой из сторон как прав, так и обязанностей, то он признается взаимным (участники одновременно выступают и должниками, и кредиторами по отношению друг к другу). Если же в результате заключения договора одна сторона наделяется лишь правами, а другая — только обязанностями, он является односторонне обязывающим. Корпоративный договор порождает у каждой из сторон обязанность осуществлять определенным образом свои корпоративные права, а также право требовать от остальных участников исполнения данной обязанности. В то же время обязанность осуществления определенным образом корпоративных прав не тождественна обязанности совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие в смысле ст. 307 ГК РФ.

В отличие от опосредующих товарно-денежные отношения соглашений, в рамках которых интересы контрагентов направлены противоположно, интересы участников корпоративного договора в известной мере совпадают и удовлетворяются посредством согласованного осуществления принадлежащих им корпоративных прав. Иначе говоря, удовлетворение интересов одной стороны происходит не за счет, а наряду с удовлетворением интересов другой. Фигуры должника и кредитора в традиционном понимании отсутствуют. О проявлении критерия взаимности, таким образом, в данном случае нельзя вести речь.

Корпоративный договор можно отнести к категории многосторонних сделок, поскольку его конструкция позволяет участвовать в нем в качестве самостоятельных сторон не только двум, но и более лицам, тогда как в двусторонних сделках возникает множественность лиц на стороне должника либо на стороне кредитора.

По критерию наличия или отсутствия встречного предоставления договоры разграничиваются на возмездные и безвозмездные. Договор, по

которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. Безвозмездным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Стороны корпоративного договора в принципе не получают друг от друга каких-либо предоставлений. Они действуют сообща для удовлетворения общих интересов. Польза извлекается каждым от согласованных действий всех участников. Следовательно, говорить о возмездности или безвозмездности корпоративного договора также не приходится.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что корпоративный договор является основанием возникновения гражданско-правовых организационных, а не обязательственных отношений. Однако данное утверждение сразу же может вызвать возражение: в силу п. 1 ст. 67.2 ГК РФ одним из возможных условий корпоративного договора является обязанность его сторон приобретать или отчуждать доли в уставном капитале (акции) хозяйственного общества при наступлении определенных обстоятельств; договор, предметом которого станет соответствующее положение, явится основанием возникновения не организационного правоотношения, а обязательства по передаче имущества в собственность, будет консенсуальным, возмездным либо безвозмездным, односторонне обязывающим или взаимным.

Ответить на подобное возражение необходимо следующим образом: предмет корпоративного договора, в соответствии с которым его стороны обязуются приобретать или отчуждать доли в уставном капитале (акции) хозяйственного общества при наступлении определенных обстоятельств, полностью совпадает с предметом одного из договоров, направленных на передачу имущества в собственность (купли-продажи, дарения и др., в зависимости от наличия или отсутствия встречного предоставления, других обстоятельств), заключенного под отлагательным условием (п. 1 ст. 157 ГК РФ); к такому договору, соответственно, должны применяться положения части второй ГК РФ о купле-продаже, дарении или др., а его регламентация ст. 67.2 представляется излишней.

Корпоративный договор, будучи соглашением о порядке осуществления корпоративных прав, имеет определенное сходство с договором простого товарищества (договором о совместной деятельности), в силу которого двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели (п. 1 ст. 1041 ГК РФ). Как уже отмечалось ранее, характерным для немецкой и австрийской правовой доктрины является подход, отождествляющий корпоративный договор с договором простого товарищества.

Аналогичной позиции придерживаются и отдельные представители отечественной цивилистики.

Объединяющим признаком корпоративного договора и договора простого товарищества является совместная деятельность сторон для удовлетворения общих интересов. В то же время особенностью договора простого товарищества является наличие отношений, связанных с внесением товарищами вкладов в общее дело. Обязанность внесения вкладов в совместную деятельность корпоративным договором не предусматривается. Исходя из этого, даже с учетом единства правовой природы корпоративного договора и договора простого товарищества, первый нельзя признать разновидностью второго.

Такой вывод, однако, не исключает потенциальную возможность применения норм ГК РФ о договоре простого товарищества к отношениям сторон корпоративного договора по аналогии.

Общечеловой характер корпоративного соглашения отмечается многими исследователями. Однако констатацией того факта, что корпоративный договор является организационным, их рассуждения, как правило, и ограничиваются. Более того, такой вывод не мешает отдельным авторам одновременно утверждать, что указанное соглашение является обязательственным. В то же время отмеченное обстоятельство обуславливает существенные отличия порождаемых этим договором правоотношений от обязательств, а следовательно, и невозможность применения к ним большинства положений подраздела 1 раздела III ГК РФ («Общие положения об обязательствах»).

Таким образом, сущность корпоративного договора как соглашения участников хозяйственного общества о порядке осуществления своих корпоративных прав, состоит в том, что он является основанием возникновения не обязательно-правовых, а организационно-правовых отношений, детализирующих права и обязанности участников корпорации.

Литература

1. Глухов, Е. В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]. — Москва : М-Логос, 2017.
2. Бородин, В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2015.
3. Ситдикова, Л. Б. Услуги в гражданском праве России : курс лекций для магистров / Л. Б. Ситдикова, М. А. Волкова. — Москва : РГСУ, Галлея-принт, 2016.
4. Варюшин, М. С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ : монография. — Москва : Юрлитинформ, 2016.

References

1. Glukhov, Ye. V. Korporativnyy dogovor: podgotovka i soglasovaniye pri sozdanii sovместnogo predpriyatiya [Corporate agreement: preparation and coordination during the creation of a joint venture] [Elektronnoye izdaniye]. — Moskva : M-Logos, 2017.

2. Borodkin, V. G. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye korporativnogo dogovo-ra [Civil regulation of a corporate agreement]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Moskva, 2015.
3. Sitdikova, L. B. Uslugi v grazhdanskom prave Rossii [Services in the civil law of Russia]: kurs lektsiy dlya magi-strov / L. B. Sitdikova, M. A. Volkova. — Moskva : RGSU, Galleya-print, 2016.
4. Varyushin, M. S. Grazhdansko-pravovoye regulirovaniye korporativnykh dogovoro-rov: sravnitel'nyy analiz [Civil regulation of corporate contracts]: monografiya. — Moskva : Yurlitinform, 2016.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 808.2

© Бажанов Станислав Васильевич

— доктор юридических наук, профессор, академик
Петровской академии наук и искусств,
полковник юстиции в отставке

Культура письменной речи законодателя как фактор, благотворно сказывающийся на качестве уголовно-процессуальных норм

Аннотация. В настоящей статье автор подвергает научному анализу крайне актуальную проблему, состоящую в необходимости более тщательной разработки уголовно-процессуального законодательства РФ, его внедрения в правоприменительную практику. Автор считает, что парламентарии обязаны вдумчивее относиться к культуре письменной речи, сохранению и обоснованному дальнейшему развитию отраслевого понятийного аппарата. Дело в том, что неконтролируемое внедрение в сознание властных участников уголовного процесса (заведомо) ложных понятий и представлений впоследствии приводит к умножению непроизводительного, бесполезного труда следователей и судей. Механизмы негативного влияния подобного «опыта» на уголовно-процессуальную деятельность ее субъектов наглядно иллюстрированы на примере таких понятий, как «процессуальный документ», «процессуальный акт», «процессуальное решение», «процессуальное действие» и др. В статье утверждается, что непродуманная смысловая нагрузка, предопределяемая разработчиками всевозможных законопроектов для отдельных понятий, представлений, норм и институтов, приводит подчас развитие российского уголовно-процессуального законодательства в тупик. Данный тезис с избытком доказывается анализом стадии исполнения приговора (определения, постановления), длительное время остававшейся в центре внимания отечественных ученых. Автор статьи аргументировано доказывает, что данную стадию уголовного процесса следует именовать не стадией исполнения приговора, а стадией исполнения наказания, что принципиально значимо для целей дальнейшего полноценного совершенствования федерального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс; процессуальное решение; процессуальное действие; процессуальный документ; процессуальный акт; определение; приговор; постановление; стадия исполнения приговора;

процессуальная форма; уголовно-процессуальная деятельность; следователь; судья; федеральное законодательство.

© **Stanislav V. Bazhanov**

— Doctor of Law, professor, academician of the Peter's Academy of Science and Arts, retired colonel of justice

Written language culture of a legislator as a factor beneficially affecting on the quality of criminal procedure norms

Abstract. In the current paper the author has submitted a highly relevant problem to scientific analysis, which deals with the need for a more thorough development of the criminal procedural legislation of the Russian Federation and its implementation in law enforcement practice. The author believes that parliamentarians are obliged to be more careful to the written language culture, the preservation and justified further development of this conceptual apparatus. The fact is that the uncontrolled introduction of (knowingly) false concepts and ideas into the minds of powerful participants in the criminal process subsequently results in the multiplication of unproductive, useless work of investigators and judges. The mechanisms of the negative impact of such “experience” on the criminal procedural activity of its subjects are clearly illustrated by the example of such concepts as “procedural document”, “procedural act”, “procedural decision”, “procedural action”, etc. The current paper has proved that the ill-conceived semantic load, predetermined by the developers of all kinds of bills for individual concepts, ideas, norms and institutions, sometimes leads to the development of Russian criminal procedural legislation in a rush. This idea is proved by the analysis of the sentence (determination, decision) execution stage, which for a long attracted attention of domestic scientists. The author of the current paper has reasonably proved that this stage of the criminal process should not be called the sentence execution stage, but the punishment execution stage, which is fundamentally significant for the purpose of further full-fledged improvement of federal legislation.

Keywords: criminal trial; procedural decision; procedural action; procedural document; procedural act; definition; sentence; resolution; sentence execution stage; procedural form; criminal procedure activities; investigator; judge; federal law.

Досудебное производство по уголовным делам можно рассматривать как череду следственных ситуаций, алгоритм поступательной трансформации которых наглядно прослеживается в частных (конкретных) методиках расследования преступлений. В каждой из них правомочными

должностными лицами принимаются промежуточные и итоговые решения, видовое разнообразие которых представлено тематическими криминалистическими классификациями. Среди них выделяют решения процессуальные, оформляемые постановлениями (определениями), и тактические, не требующие особой письменной формы.

Старания российского ученого сообщества в части поддержания культуры письменной речи парламентариев, проявляющейся в текстах принимаемых ими федеральных законов, должны окупаться сторицей, упреждая всевозможные нарушения, допускаемые, часто по недоразумению, участниками уголовного процесса в условиях психологических конфликтов между ними, что умаляет случаи их последующего обжалования в прокуратуру или в суд. Для этого, собственно, и предусмотрена письменная процессуальная форма, воочию фиксирующая обстоятельства, приведшие к противостоянию сторон, и, в равной мере, правомерность решений и действий представителей исполнительной (следственной) и судебной власти.

Вкупе с термином «процессуальный документ» в теории уголовно-процессуального права употребляются и другие словообразования: «процессуальное решение», «процессуальный акт» и «процессуальное действие».

Первый из перечисленных означает любой документ, приобщенный к материалам уголовного дела (подшитый в нем). К этой же категории относятся: заключение эксперта, обвинительное заключение, приговор. Наличествуют и акты: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительный акт. Отдельную группу составляют протоколы следственных и судебных действий, отражающие их ход и результаты; они носят удостоверительный характер.

Особняком от названных документов стоит отдельное поручение следователя, направляемое им в оперативно-розыскные органы в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 1 ст. 38 УПК РФ, несмотря на то что предложения о необходимости его оформления, по общему правилу, постановлением, в юридической литературе конца 1970-х гг. высказывались.

В настоящей статье исследуется юридическая природа, главным образом, процессуальных решений, за вычетом других, относящихся к сфере оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения предварительного расследования и судебного разбирательства.

Письменная форма решений, принимаемых следователями или судьями, служит надежной гарантией от злоупотреблений с их стороны, обусловливаемых вынужденным вторжением в сферу прав и законных интересов граждан, вовлекаемых в орбиту уголовно-процессуальных правоотношений. Цели, вынашиваемые властными участниками уголовного процесса при планировании и проведении следственных (судебных) действий, достигаются ими, как правило, в условиях повышенного риска так-

тико-правовых ошибок, заметно снижающегося в бесконфликтной обстановке (до-) судебного производства.

Немалое значение имеет наличие у следователя (судьи) профессиональных знаний, достаточного опыта и устойчивых навыков в работе с доказательствами, особенно при осуществлении различного рода тактических комбинаций и их комплексов.

Риск воспринимается обычно как нежелательный, но неизбежный компонент расследования (судебного разбирательства). Он (абстрактно) форматирует правовое поле для подготовки и принятия следователями (судьями) альтернативных вариантов решений и действий, если, конечно, таковые в их распоряжении имеются.

Всякое решение ориентировано на достижение назначения уголовного процесса, очерченного в ст. 6 УПК РФ. «Материализующее» его постановление состоит из вводной, описательной и резолютивной частей. Оно должно отвечать требованиям законности, обоснованности, мотивированности и юридической точности формулировок, комментировать суть которых автор настоящей статьи в данном контексте не будет; вопрос этот не является оригинальным.

Согласно п. 33 ст. 5 УПК РФ процессуальным признается решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, органом дознания, начальником подразделения дознания, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом. Скоропалительная подготовка, несвоевременное принятие и небрежное его оформление порождают ненадлежащее исполнение. Способствует этому не только несовершенство федерального законодательства [9, стр. 19—26], ведомственных нормативных правовых актов, но и махровый нигилизм, свойственный отдельным представителям следственной, прокурорской и судебной власти.

В числе отличительных черт, приписываемых процессуальным решениям, как правило, выделяют:

- принятие их правомочными должностными лицами, ответственными за производство по уголовному делу;
- отражение в них властного веления закона;
- порождение и прекращение ими уголовно-процессуальных правоотношений;
- обоснование в них ответов на ключевые вопросы предварительного или судебного следствия;
- вынесение их в установленном законом порядке, в определенной технико-юридической форме.

Процессуальные документы и решения, как понятия, нередко отождествляются, что не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Так, в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» отмечается, что *приговором* является постановленное именем Российской Федерации *решение* суда

по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания.

Вдумчивое осмысление приведенного тезиса свидетельствует о смешении в нем ключевых понятий «приговор» и «решение». Можно ли с этим согласиться? В принципе — нет, без принципа — конечно. Однако подобное уравнивание различных, по юридической формуле, терминов порождает далеко идущие последствия, особенно тогда, когда описываемая практика приобретает массовый характер.

Подтверждением сказанному являются положения ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», где декларируется, что оперативно-розыскная деятельность осуществляется оперативными *подразделениями* государственных *органов* (далее — *органы*, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность). Нетрудно убедиться в том, что в комментируемой норме понятия «орган» и «подразделение» трактуются как взаимозаменяемые. Это вызывает серьезные возражения с позиций теории управления.

Не менее противоречивую тенденцию обозначил профессор Б. Я. Гаврилов. В одной из своих публикаций он подверг предметному обсуждению практику возбуждения следователями в рамках текущих производств уголовных дел о дополнительно выявляемых преступлениях, совершенных тем же обвиняемым или другими лицами, не вовлеченным до поры в уголовный процесс в подобающем качестве (при условии, конечно, что вновь выявленные эпизоды находились в причинно-следственной связи с ранее установленными) [12, стр. 150—165].

Среди ученых, к сожалению, поутихли дискуссии на предмет несоответствия процессуальной формы постановления о привлечении в качестве обвиняемого его содержанию. Современная модификация названного процессуального акта в лучшую сторону не изменилась. Права обвиняемому, как и прежде, разъясняются после предъявления обвинения, о чем делается отметка на оборотной стороне постановления, в конце страницы. Реже данный факт отражается в отдельном протоколе, приобщаемом к уголовному делу после выполнения рассматриваемой процедуры. В то же время разъяснение обвиняемому его прав (знать, в чем обвиняется, пользоваться услугами защитника, представлять доказательства, заявлять отводы и т.д.) должно осуществляться до предъявления обвинения с тем, чтобы он мог своевременно ими воспользоваться. Отметку об этом логичнее было бы делать во вводной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Двусмысленные понятия и представления, внедряемые разработчиками законопроектов в «светлые головы» парламентариев, впоследствии образуют источники права, умножающие, в смысле сказанного, бесполезный труд властных участников уголовного процесса, и исподволь потвор-

ствуя сверхнормативной формализации следственно-судебного производства.

Работа в судебных архивах, проведенная автором настоящей статьи в начале нулевых годов, среди прочего, показала, что во многих следственно-судебных материалах встречались, так называемые, «отсекающие постановления», число которых колебалось от одного-двух до пяти-семи на одно уголовное дело. Доходило до смешного: следователи выносили указанные постановления по поводу того, что ножницы не являются, видите ли, холодным оружием. В других ситуациях оценка давалась действиям преступника, прибывавшего на место не запланированного (ситуационного) преступления с компанией, остававшейся в машине и никаких преступных действий не совершавшей. Иногда в таких процессуальных документах отвергался хулиганский мотив в развитие дела частного обвинения, умысел на убийство при причинении тяжкого вреда здоровью пострадавшего с применением ножа и т.п. Аналогичные примеры с лихвой иллюстрированы в следующих уголовных делах: № 1-91/00, № 1-581/00; № 1-521/00, № 1-581/00 [Архив Ленинского районного суда г. Владимира].

Механическое восприятие следователями «буквы закона», начертанной «зоповым языком», хорошо прослеживается в названиях процессуальных документов, составлявшихся ими (в отсутствие бланков) самостоятельно. Исходя из установлений ст. 171—175 УПК РФ, ими выносились: постановление о прекращении уголовного дела «по эпизоду» (УД № 1-667/99), постановление «о квалификации действий обвиняемого» (УД № 256319; суд. № 2-391/99); УД № 254380; суд. № 2-388/399) [Архив Московского городского суда].

Подобный «опыт» избыточен; он поощряет непроизводительный труд. Почему? Ответ на этот вопрос можно найти в названиях комментируемых процессуальных документов: (просто) постановление; постановление о прекращении уголовного дела (преследования); постановление о прекращении уголовного дела в части; частичное прекращение уголовного дела.

Незавершенность последней, наиболее приближенной к тексту закона, формулировки, произвольно интерпретирующей положения, точнее — название ст. 175 УПК РФ, и способствует широкому распространению данной традиции в следственно-судебной практике. Если ознакомиться с содержанием ч. 2 ст. 175 УПК РФ, то никаких оснований для инсинуаций по ее свободному толкованию обнаружить не удастся; читаем: «Если в ходе предварительного следствия предъявленное обвинение в какой-либо его части не нашло подтверждения, то следователь своим постановлением прекращает уголовное преследование в соответствующей части, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, а также прокурора».

Стало быть, законодатель прямо указывает на то, что *постановление о прекращении уголовного дела в части предъявленного обвинения* должно наличествовать в его материалах лишь в том случае, если ранее инкрими-

нированный обвиняемому эпизод уже включался в описательную часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В противном случае, даже тогда, когда признаки преступления, предполагавшегося к последующему вменению, указывались в резолютивной части постановления о возбуждении уголовного дела, обязанности выносить постановление о прекращении уголовного дела (преследования) «в части» у следователя не возникает.

Следует исходить из того, что в описательной части постановления о привлечении в качестве обвиняемого дается (должна даваться) исчерпывающая квалификация противоправных действий обвиняемого, основывающаяся на анализе всех формальных доказательств, полученных на первоначальном этапе предварительного следствия. В случае ее неполноты или некачественности прокурор, а затем и суд первой инстанции обязаны обратить внимание следователя на допущенные им нарушения. В дальнейшем не исключается их исправление в стадиях апелляционного, кассационного и судебном-надзорного производства, посредством чего реализуется многоступенчатая система надзора (контроля), предмет которого составляет обоснованность промежуточных и итоговых процессуальных решений, принимаемых должностными лицами органов уголовной юстиции [4, стр. 52—54].

Безграничному разрастанию в следственно-судебной практике означенных разночтений потворствует и сам законодатель, не расставляющий должных акцентов в декларируемых им нормах. Подтверждением этому является некорректное название ст. 175 УПК РФ «Изменение и дополнение обвинения. *Частичное прекращение уголовного преследования*»; формулировка «частичное прекращение уголовного преследования» должна выглядеть иначе: «прекращение уголовного преследования в части предъявленного обвинения», на что, собственно, и обращает внимание сам законодатель в ч. 2 ст. 175 УПК РФ.

На важность соблюдения культуры письменной речи, приверженности устоявшимся языковым стандартам в части уголовно-процессуального понятийного аппарата автор настоящей статьи неоднократно указывал и ранее [5, стр. 172—174].

Для подтверждения актуальности этого вопроса к месту будет привести критические замечания к разъяснениям отдельных понятий, упоминаемых в ст. 5 УПК РФ.

Так, в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ провозглашается, что результатами оперативно-розыскной деятельности являются сведения о *признаках* преступления. Возникает вопрос, как это результатами оперативно-розыскной деятельности могут являться сведения о *признаках* преступления, которые обычно выступают в качестве формального повода для ее начала?

Адекватная неверная интерпретация прослеживается в ведомственном нормативном правовом регулировании (МВД России), где результа-

тами процессуальной проверки предписывается подчас признать *признаки* преступления, изначально являвшиеся поводами к ней [7, стр. 11—15; 8, стр. 47—51].

В п. 38 ст. 5 УПК РФ розыскные меры определяются как меры, принимаемые дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Подобные комментарии некорректны, ибо розыскные меры ориентируются на установление места нахождения скрывшегося подозреваемого, обвиняемого, т.е. известного участника уголовного процесса.

В п. 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного *органа* позиционируется как должностное лицо, возглавляющее следственное *подразделение*, хотя понятия «орган» и «подразделение», как уже отмечалось, взаимоисключающие.

В соответствии с п. 50 ст. 5 УПК РФ судебным заседанием признается процессуальная форма *осуществления правосудия в ходе досудебного* и *судебного производства*. В данном случае не ясно, о чем речь, поскольку правосудие в досудебных стадиях уголовного процесса не осуществляется.

В п. 56 ст. 5 УПК РФ словосочетание «уголовное судопроизводство» истолковывается как синоним досудебного и судебного производства, несмотря на то что с точки зрения семантики изречение «уголовное судопроизводство» означает уголовно-процессуальную деятельность и правоотношения, складывающиеся исключительно в суде (П. С. Элькин).

Апофеозом интеллектуальной мысли законодателя выступает содержание п. 58 ст. 5 УПК РФ, где *участники* уголовного судопроизводства подаются как лица, принимающие *участие* в уголовном процессе.

Вырванными из общего контекста выглядят положения ст. 53.1—53.3 УПК РФ, которые автор настоящей статьи специально оставил напоследок. Так, согласно п. 53.1 ст. 5 УПК РФ судебным *решением* признается *приговор, определение и постановление*, в то время как приговор следовало бы, строго говоря, декларировать как процессуальный документ или, по крайней мере, решение, облеченное в процессуальную форму.

Аналогичные замечания допустимы в отношении п. 53.2 УПК РФ, согласно которому итоговое судебное *решение* расценивается как *приговор*, иное решение, вынесенное в *ходе* (по результатам? — С. Б.) судебного разбирательства. (*Итоговое*) *решение* содержится в резолютивной части *приговора*, что имеет принципиальное значение.

В п. 53.3 УПК РФ промежуточные судебные *решения, определения* суда, *постановления* судьи в понятийном аспекте уравниваются, хотя они разнятся (как форма и содержание). Привередливый читатель мог бы, наверное, упомянуть крылатое изречение известного философа о том, что форма — это уже содержание (Гегель). «Темна вода», — так характеризовал вождь мирового пролетариата подобные оригинальные заключения.

Качество нормативного правового регулирования оказывает прямое воздействие не только на эффективность правоприменительной практики, но и на выбор оптимального вектора совершенствования федерального законодательства. Применительно к теме разговора, вынесенной в заголовок настоящей статьи, суть проблемы сводится к утверждению очевидного, но мало кем замечаемого, факта: исполняется не приговор (процессуальный документ) и даже не содержащееся в его резолютивной части решение (интеллектуально-волевой акт), исполняется наказание, провозглашенное судом в приговоре. Именно поэтому стадию исполнения приговора логичнее было бы именовать стадией исполнения наказания [10, стр. 32—34], которая к уголовно-процессуальному законодательству отношения не имеет и должна быть из него исключена.

Учеными юристами данная «нетрадиционная» стадия уголовного процесса (ст. 396—401 УПК РФ), обрамленная нетипичными процедурными сроками, давно подвергалась критическому осмыслению [13, стр. 46—48]. Высказывались заслуживавшие одобрения и поддержки суждения об окончании уголовно-процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу (В. В. Николюк).

Специфика неоднозначного нормативного правового регулирования стадии исполнения приговора в кодифицированных законодательных актах уголовно-правового блока такова, что многие ученые, пытавшиеся проникнуть в юридическую природу соответствующих правоотношений, с различными оговорками, но признавали ее относительную самостоятельность от традиционного уголовного процесса. Это позволяло им высказывать аргументированные соображения о необходимости наименования данной стадии «особым» (Т. Н. Добровольская) или «дополнительным» (Ю. К. Якимович) производством.

Тем не менее, по справедливому замечанию Л. Ф. Мартыняхина, дальнейшие попытки совершенствования законодательной регламентации судебного порядка разрешения отдельных вопросов в рамках стадии исполнения приговора представляются малоперспективными, как и реализация предложений о ее разделении на две самостоятельные: приготовления судебного решения к его исполнению и решение вопросов, возникающих в процессе реализации решения или после такового (В. Д. Адаменко). Подобного «косметического ремонта», убежден процитированный автор, явно недостаточно в условиях реформирования судебной системы [14, стр. 54—57].

За целесообразность более четкого законодательного определения компетенции суда в стадии исполнения приговора выступал упоминавшийся выше В. В. Николюк [16, стр. 85]. Карательно-восстановительный аспект исправительного процесса выделял А. Л. Реминсон; об исправительно-трудовом процессе писали А. Е. Наташев и Н. А. Стручков [15, стр. 90]. На назревшую потребность разграничения смежных правовых инсти-

тутов уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, касающихся обсуждаемых здесь вопросов, настаивает автор настоящей статьи [3, стр. 52—55], ратующий за разработку автономной отрасли уголовно-исполнительного процессуального права [1, стр. 95—99; 4, стр. 51—52].

С формально-этической точки зрения, приведенные соображения должны распространяться и на порядок обращения приговора к исполнению, в силу чего ст. 393 УПК РФ было бы полезно переименовать. В качестве рабочей версии ее обновленного названия можно было бы предложить следующее: «Порядок обращения к исполнению назначенного приговором суда наказания».

Таким образом, автор настоящей статьи присоединяется к мнению ученых об окончании уголовно-процессуальных правоотношений в момент вступления приговора суда в законную силу. Круг процессуальных вопросов, обыкновенно рассматривавшихся в стадиях судебного надзора производства и возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, мог бы разрешаться в рамках уголовно-исполнительного судебного процесса (на эту тему надо подумать отдельно).

К слову заметим, что в названии гл. 49 УПК РФ употребляются слова «новые» и «вновь», которые, несмотря на предполагаемые различия, понятные сами по себе, являются синонимами.

В последние годы некоторые ученые стали утверждать, что УПК РФ был принят без должных научных обсуждений (согласительных процедур), вследствие чего в него за последние годы и было внесено огромное количество поправок и дополнений, что деформировало структуру его Общей и Особенной частей. Исходя из указанных соображений, глашатаи «обновления» отраслевого законодательства начали инициировать скорейшую подготовку «другого» Уголовно-процессуального кодекса РФ. Очень хотелось бы, чтобы разработчики очередного кодифицированного законодательного акта не забывали о культуре письменной речи, о понятийном аппарате, составляющем его корневую основу.

Думается, что указанное направление совершенствования государственно-правовой политики Российской Федерации в области борьбы с преступностью достойно считаться приоритетным для фундаментальных научных изысканий ближайшего обозримого будущего.

Литература

1. Бажанов, С. В. Уголовно-исполнительный процесс: право на самоопределение / Концепция исполнения наказаний и пенитенциарная система в период реформирования России: сборник научных докладов. — Владимир : ВЮИ МВД России, 1998.
2. Бажанов, С. В. К вопросу о субординации норм Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального законодательства России // Пенитенциарная си-

- стема: настоящее и будущее : сборник материалов научно-практической конференции — Москва : НИИ УИС Минюста России, 2001.
3. Бажанов, С. В. Уголовно-процессуальная политика, экономика и право : монография. — Владимир, ВЮИ Минюста России, 2003.
 4. Бажанов, С. В. Чрезмерная формализация следственного производства // Законность. — 2004. — № 11.
 5. Бажанов, С. В. Юрислингвистика и проблемы юридической терминологии / С. В. Бажанов, О. А. Морохова // Вестник Владимирского юридического института. — 2006. — № 1.
 6. Бажанов, С. В. Семантическая несостоятельность термина «недопустимые доказательства» // Российский следователь. — 2007. — № 17.
 7. Бажанов, С. В. Несовершенство нормативного правового регулирования налоговых проверок организаций и физических лиц как фактор, способствующий их легальному противодействию расследованию преступлений в сфере экономической деятельности // Противодействие расследованию преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности: материалы межвузовской научно-практической конференции / ответственный редактор С. В. Бажанов. — Москва : Академия экономической безопасности МВД России, 2009.
 8. Бажанов, С. В. Правовой режим проверок финансово-хозяйственной, торговой и предпринимательской деятельности экономических субъектов Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. — 2010. — № 11.
 9. Бажанов, С. В. Несовершенство уголовно-процессуальных норм как фактор, предопределяющий их свободное толкование в правоприменительной практике // Следственная практика. — Москва : Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — Вып. 197.
 10. Бажанов, С. В. Целесообразность смыслового разграничения понятий «исполнение приговора» и «исполнение наказания» // Мировой судья. — 2016. — № 1.
 11. Володина, Л. М. Решения в уголовном судопроизводстве // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-тилетию кафедры управления органами расследования преступлений) : межвузовская научно-практическая конференция. — Москва : Академия управления МВД России, 2015. — Ч. 1.
 12. Гаврилов, Б. Я. Возбуждение уголовного дела: реалии судебного правоприменения // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-илетию кафедры управления органами расследования преступлений) : международная научно-практическая конференция. — Москва : Академия управления МВД России, 2015. — Ч. 1.
 13. Коломиец, В. К. О надежности доказательств исправления // Проблемы надежности доказательств в советском уголовном процессе. — Москва, 1984.
 14. Мартыняхин, Л. Ф. «Пенитенциарный» суд в системе уголовной юстиции // Применение нового законодательства в области борьбы с преступностью. — Домодедово, 1994.
 15. Наташев, А. Е. Основы теории исправительно-трудового права / А. Е. Наташев, Н. А. Стручков. — Москва, 1967.
 16. Николук, В. В. Взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного кодексов // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвузовский сборник научных трудов. — Красноярск, 1998.

References

1. Bazhanov, S. V. Ugolovno-ispolnitel'nyy protsess: pravo na samoopredeleniye [Criminal-executive process: the right to self-determination] / Kontseptsiya ispolneniya nakazaniy i penitentsiarnaya sistema v period re-formirovaniya Rossii: sbornik nauchnykh dokladov. — Vladimir: VYUI MVD Rossii, 1998.
2. Bazhanov, S. V. K voprosu o subordinatsii norm Ugolovno-ispolnitel'nogo i Ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossii [On the Subordination of the Standards of the Criminal Execution and Criminal Procedure Laws of Russia] // Penitentsiarnaya si-stema: nastoyashcheye i budushcheye : sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii — Moskva : NII UIS Minyusta Rossii, 2001.
3. Bazhanov, S. V. Ugolovno-protsessual'naya politika, ekonomika i pravo [Criminal procedure policy, economics and law]: mono-grafiya. — Vladimir, VYUI Minyusta Rossii, 2003.
4. Bazhanov, S. V. Chrezmernaya formalizatsiya sledstvennogo proizvodstva [Excessive formalization of investigative proceedings] // Za-konnost'. — 2004. — № 11.
5. Bazhanov, S. V. Yurislingvistika i problemy yuridicheskoy terminologii [Jurislingistics and problems of legal terminology] /S. V. Bazhanov, O. A. Morokhova // Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo insti-tuta. — 2006. — № 1.
6. Bazhanov, S. V. Semanticheskaya nesostoyatel'nost' termina «nedopustimyye dokazatel'stva» [Century. Semantic insolvency of the term "unacceptable evidence"] // Rossiyskiy sledovatel'. — 2007. — № 17.
7. Bazhanov, S. V. Nesovershenstvo normativnogo pravovogo regulirovaniya nalogovykh proverok organizatsiy i fizicheskikh lits kak faktor, sposobstvuyushchiy ikh legal'nomu protivodeystviyu rassledovaniyu prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti [Imperfection of normative legal regulation of tax audits of organizations and individuals as a factor contributing to their legal opposition to the investigation of crimes in the field of economic activity]// Protivodeystviye rassledovaniyu prestupleniy, sovershayemykh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti: materialy mezhvuzov-skoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / otvetstvennyy redaktor S. V. Bazhanov. — Moskva : Akademiya ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii, 2009.
8. Bazhanov, S. V. Pravovoy rezhim proverok finansovo-khozyaystvennoy, trgovoy i predprinimatel'skoy deyatel'nosti ekonomicheskikh sub"yektov Rossiyskoy Federatsii [The legal regime for audits of financial, economic, trade and business activities of economic entities of the Russian Federation] // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. — 2010. — № 11.
9. Bazhanov, S. V. Nesovershenstvo ugolovno-protsessual'nykh norm kak faktor, predopredelyayushchiy ikh svobodnoye tolkovaniye v pravoprimeritel'noy praktike [Imperfection of criminal procedural norms as a factor that determines their free interpretation in law enforcement practice] // Sledstvennaya praktika. — Moskva : Akademiya General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii, 2015. — Vyp. 197.
10. Bazhanov, S. V. Tselesoobraznost' smyslovogo razgranicheniya ponyatiy «ispolneniye prigovora» i «ispolneniye nakazaniya» [The expediency of the semantic differentiation of the concepts of "execution of the sentence" and "execution of punishment"] // Mirovoy sud'ya. — 2016. — № 1.
11. Volodina, L. M. Resheniya v ugolovnom sudoproizvodstve [Decisions in criminal proceedings] // Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskiye, pravovyye i kriminalisticheskiye aspekty (k 60-tiletiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy) : mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konfe-rentsia. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. — CH. 1.

12. Gavrilov, B. YA. Vozbuzhdeniye ugovnogo dela: realii sudebnogo pravoprimeneniya [Initiation of a criminal case: the realities of judicial enforcement] // Organizatsiya deyatel'nosti organov rassledovaniya prestupleniy: upravlencheskiye, pravovyye i kriminalisticheskiye aspekty (k 60-letiyu kafedry upravleniya organami rassledovaniya prestupleniy) : mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. — CH. 1.
13. Kolomiyets, V. K. O nadezhnosti dokazatel'stv ispravleniya [On the reliability of evidence of correction] // Problemy nadezhnosti dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse. — Moskva, 1984.
14. Martynyakhin, L. F. «Penitentsiarnyy» sud v sisteme ugovnoy yustitsii [“Penitentiary” court in the criminal justice system] // Primeneniye novogo zakonodatel'stva v oblasti bor'by s prestupnost'yu. — Domodedovo, 1994.
15. Natashev, A. Ye. Osnovy teorii ispravitel'no-trudovogo prava [Fundamentals of the theory of labor law] / A. Ye. Natashev, N. A. Struchkov. — Moskva, 1967.
16. Nikolyuk, V. V. Vzaimosvyaz' i vzaimozavisimost' ugovno-protsessual'nogo i ugovno-ispolnitel'nogo kodeksov [Interrelation and interdependence of the criminal procedure and penal enforcement codes] // Aktual'nyye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimenitel'noy praktiki : mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. — Krasnoyarsk, 1998.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.4

© Новиков Валерий Анатольевич

— кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Российского университета транспорта (МИИТ)
nva-2007@mail.ru

Невыплата заработной платы, пенсий и иных социальных пособий как преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат. На основе данных судебной статистики за последние четыре года показана динамика совершения преступлений данного вида. Автор анализирует криминообразующие, квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ. На основе материалов судебной практики, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ даны практические рекомендации по квалификации преступления. Рассмотрен вопрос об освобождении от уголовной ответственности в случаях погашения виновным лицом задолженности по выплате заработной платы, пенсий и иных социальных пособий.

Ключевые слова: полная или частичная невыплата заработной платы; пенсии; стипендии; пособия; иные установленные законом выплаты; руководитель организации; работодатель — физическое лицо; руководитель филиала, представительства; денежная компенсация; минимальный размер оплаты труда.

© Valeriy An. Novikov

— Candidate of Law, associate professor of the department
of criminal law, criminal procedure and criminalistics,
Law Institute of the Russian University of Transport

Non-payment of wages, pensions and other social allowances as a crime against the constitutional rights and freedoms of a citizen

Abstract. The current paper deals with the urgent issues of criminal liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments established by law. According to the data of judicial statistics over the past four years, there has been shown the dynamics of such crimes. The author has analyzed the crime-forming features of the offense being qualified under Art. 145.1 of the Criminal Code. Based on the materials of judicial practice, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, there have been given the practical recommendations on qualifying the crime. There has been considered the issue of exemption from criminal liability in cases of repayment of arrears of wages, pensions and other social allowances by a guilty person.

Keywords: full or partial non-payment of wages; pensions; scholarships; allowances; other statutory payments; head of the organization; relations between an employer and an individual; head of the branch/representative office; financial compensation; minimum wage.

В ст. 37 Конституции РФ закреплены важнейшие права человека в области трудовых отношений. В частности, каждому гарантируется право на вознаграждение за труд. Закреплено положение, в соответствии с которым заработная плата работника при его полной занятости не может быть ниже минимального размера, установленного федеральным законом. При наступлении нетрудоспособности или иных жизненных обстоятельств, препятствующих дальнейшей трудовой деятельности, нуждающимся лицам выплачиваются социальные пособия. Статья 39 Конституции РФ гарантирует социальное обеспечение гражданам, достигшим пенсионного возраста, имеющим ограничения в осуществлении трудовой деятельности вследствие инвалидности или болезни, а также при потере кормильца, воспитывающим детей и в иных случаях, предусмотренных законом. Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ).

Переход России к рыночным отношениям в конце XX в. был отмечен задержками и невыплатами заработной платы большому числу работников, особенно в частном секторе экономики. Принимая во внимание, что для большинства граждан заработная плата является единственным источником средств существования, законодатель отреагировал на указанные нарушения трудового законодательства самым строгим образом — введением уголовной ответственности. Федеральным законом от 15 марта 1999 г. № 48-ФЗ УК РФ дополнили ст. 145.1, предусматривающей ответственность за полную невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий, иных социальных выплат сроком более двух месяцев. Данная норма стала широко применяться, оказавшись весьма эффективным инструментом воздействия на недобросовестных работодателей. В 1999 г. за совер-

шение данного преступления было осуждено 3, а в 2010 г. уже 333 руководителя различных организаций.

С введением уголовной ответственности за полную невыплату заработной платы и социальных пособий участились случаи их частичной невыплаты. Федеральным законом от 23 декабря 2010 г. № 382-ФЗ и этот пробел в законодательстве был устранен путем распространения уголовной ответственности на деяния, состоящие в частичной невыплате заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат сроком более трех месяцев.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по ст. 145.1 УК РФ было осуждено: в 2015 г. — 166 человек, 2016 г. — 257 человек, 2017 г. — 327 человек, 2018 г. — 335 человек). Наблюдается рост числа осужденных за невыплату заработной платы. Росстат фиксирует увеличение просроченной задолженности по заработной плате. На 1 февраля 2020 г. в суммарном исчислении она составила 2,25 млрд руб. Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся в 2020 г., приходится 132,0 млн руб. (5,8%), в 2019 г. — 1147,2 млн руб. (51,0%), в 2018 г. и ранее — 972,1 млн руб. (43,2%).

В основном руководители учреждений и организаций, индивидуальные предприниматели привлекаются к ответственности за полную невыплату заработной платы по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ. Доля лиц, осужденных за частичную невыплату заработной платы по ч. 1 ст. 145.1 УК РФ, составляет примерно 1/5 часть (22%) от общего числа осужденных по данной статье УК РФ. За период с 2015—2020 гг. по ч. 3 ст. 145.1 УК РФ был осужден только один человек.

Как отмечает А. В. Курсаев, по ст. 145.1 УК РФ к ответственности привлекаются по большей части руководители организаций за частичную или полную невыплату заработной платы. Выплата пенсий и иных социальных пособий зависит от своевременного перечисления указанных средств из государственного или муниципального бюджета, а не от усмотрения конкретного должностного лица. Поэтому в этой части данная статья не нашла своего применения [4, стр. 61].

С точки зрения учения о составе преступления заработная плата, пенсии, стипендии, социальные пособия являются предметом данного преступления. Так, в соответствии со ст. 135 ТК РФ заработная плата устанавливается работнику трудовым договором. Заключение с лицом не трудового, а гражданско-правового договора, например, подряда или оказания возмездных услуг, в случаях невыплаты или просрочки выплаты денежных средств не влечет ответственности в соответствии со ст. 145.1 УК РФ. Исключения составляют случаи, когда гражданско-правовым договором маскируются трудовые отношения. Поэтому при решении вопроса о привлечении виновного лица к ответственности по ст. 145.1 УК РФ следует правильно определить характер правоотношений между сторонами, ак-

центрируя внимание на признаках, отличающих трудовой договор от гражданско-правового договора.

Иногда руководители организаций при приеме на работу не заключают с работниками письменных трудовых договоров. Однако это не означает, что трудовые отношения не установлены и нет оснований для выплаты работнику заработной платы. В соответствии со ст. 16, 61, 67 ТК РФ трудовой договор считается заключенным со дня фактического допущения лица к выполнению работы по поручению или с ведома работодателя или его представителя (ст. 16, 61, 67 ТК РФ).

Так, органами предварительного следствия глава крестьянского фермерского хозяйства обвинялась в невыплате заработной платы более двух месяцев нескольким работникам из корыстной заинтересованности. Вину в инкриминируемом деянии она не признала, мотивируя это тем, что трудовые договоры заключал ее муж, действуя по доверенности, в которой данное право специально не оговаривалось. Поэтому она считает заключенные трудовые договоры недействительными, не порождающими обязательств по выплате заработной платы. По приговору мирового судьи глава крестьянского фермерского хозяйства признана виновной в совершении преступления, предусмотренного по ч. 2 ст. 145.1 УК РФ, и ей назначено наказание в виде штрафа в размере 100 тыс. руб. [уголовное дело № 1-1/2012 // Архив мирового судьи судебного участка № 1 Городищенского района Пензенской области за 2012 г.]

Общественно опасное деяние в рассматриваемом составе преступления представляет собой бездействие в виде невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных выплат. Степень его общественной опасности зависит от размера невыплаты и периода времени, в течение которого заработная плата или другие, установленные законом, платежи не производились. В ч. 1 ст. 145.1 УК РФ ответственность предусмотрена за частичную невыплату свыше трех месяцев, а ч. 2 — за полную невыплату свыше двух месяцев. Полная невыплата будет иметь место в тех случаях, когда заработная плата или пособие выплачиваются в размере ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда. В соответствии с п. 1 примечания 1 ст. 145.1 УК РФ под частичной невыплатой понимается осуществление платежа в размере менее половины той суммы, которая подлежит выплате.

Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий и пособий должна быть непрерывной и превышать минимальные временные периоды, указанные в ч. 1, 2 ст. 145.1 УК РФ (два или три месяца). В пределах указанных сроков за невыплату заработной платы виновное лицо может быть привлечено к административной ответственности за нарушение трудового законодательства (ст. 5.27 КоАП РФ). При этом не исключается материальная ответственность в соответствии со ст. 236 ТК РФ за задержку выплаты заработной платы и иных выплат, причитающихся работнику.

Преступление считается оконченным в момент истечения двух календарных месяцев при полной невыплате и трех месяцев при частичной невыплате заработной платы или иных социальных выплат. Пленум Верховного Суда РФ в п. 19 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» разъяснил судам, что периоды невыплат за отдельные месяцы года не могут суммироваться в срок свыше двух или трех месяцев, если они прерывались периодами, за которые выплаты осуществлялись.

Частичная или полная невыплата заработной платы или иных социальных выплат относится к числу преступлений с формальным составом, за исключением ч. 3 ст. 145.1 УК РФ, в которой в качестве особо квалифицирующего признака указаны тяжкие последствия.

Статья 136 ТК РФ обязывает работодателя выплачивать заработную плату не реже, чем каждые полмесяца в день, установленный правилами внутреннего трудового распорядка, коллективным или трудовым договором. Поэтому отсчет сроков, указанных в ч. 1 и 2 ст. 145.1 УК РФ, начинается со следующего дня после даты, определенной в данной организации для выплаты заработной платы.

Преступления, предусмотренные ч. 1, 2 ст. 145 УК РФ, по характеру и степени общественной опасности являются деяниями небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ). В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ срок давности уголовного преследования по делам о преступлениях данной категории составляет два года и, как отмечает Пленум Верховного Суда РФ в п. 20 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46, исчисляется с момента фактического окончания преступления, в частности, со дня погашения задолженности, увольнения виновного лица или временного отстранения его от должности. Увольнение работника, которому не выплачивалась заработная плата, не влияет на исчисление срока давности уголовного преследования.

Субъект рассматриваемого преступления — специальный — руководитель организации, филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации, а также физическое лицо, выступающее работодателем (индивидуальный предприниматель, частный нотариус, адвокат глава крестьянского фермерского хозяйства и др.).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, характеризуется виной в виде прямого умысла и обязательным мотивом — корыстной или иной личной заинтересованностью. Руководители организаций и индивидуальные предприниматели невыплату заработной платы, как правило, объясняют объективными причинами производственного характера, например, необходимостью производства расчетов с поставщиками, оплаты электроэнергии, внесения арендной платы, ликви-

дации задолженности по кредитным договорам, приобретения оборудования и расходных материалов, без чего невозможна нормальная деятельность хозяйствующего субъекта.

Перечисленные обстоятельства, возникающие в повседневной хозяйственной деятельности любой организации, нельзя признать уважительными причинами невыплаты заработной платы. Денежные средства, составляющие фонд оплаты труда, должны резервироваться на расчетном счете организации для обеспечения гарантированной выплаты заработной платы работникам. Только при отсутствии реальной возможности произвести выплаты в срок можно говорить о невинности руководителя организации или индивидуального предпринимателя, использующего наемный труд.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 17 постановления от 25 декабря 2018 г. № 46 указал судам, что к числу обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и дающих основание для привлечения к ответственности по ст. 145.1 УК РФ руководителя организации или иного указанного в данной статье лица, относится наличие у него реальной финансовой возможности для выплаты заработной платы, иных выплат, предусмотренных законом, или отсутствие такой возможности вследствие его неправомерных действий.

Недостаток денежных средств на расчетном счете организации не во всех случаях является уважительной причиной невыплаты заработной платы. Для оценки реальной возможности производства оплаты труда анализу подвергается вся финансово-хозяйственная деятельность организации или индивидуального предпринимателя за период времени, в течение которого заработная плата не выплачивалась или выплачивалась частично. Выясняется размер поступивших денежных средств и проверяется обоснованность их расходования. Нередко денежные средства используются для совершения второстепенных, не вызванных производственной необходимостью хозяйственных операций, к примеру, приобретение дорогостоящей мебели для офиса, оплата медицинского сервиса для руководящего персонала и аренды спортивных залов, деловых завтраков и прочих официальных мероприятий. С целью выяснения обоснованности произведенных расходов в необходимых случаях можно назначить и провести судебно-экономическую экспертизу, получить заключение специалиста, что в совокупности с другими доказательствами позволит сделать окончательный вывод о виновности или невинности руководителя организации или иных лиц в невыплате заработной платы.

Как справедливо отмечает Я. Н. Ермолович, о направленности умысла могут свидетельствовать, например, выплата руководителем премий себе и другим лицам, а также иное, не вызванное необходимостью, отчуждение денежных средств организации в рассматриваемый период времени [2, стр. 70].

В качестве обязательного признака субъективной стороны преступления указан мотив — корыстная или иная личная заинтересованность. Данный мотив включен в составы значительного числа преступлений и разъяснен в ряде постановлений Пленума Верховного Суда РФ. В частности, в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» сказано, что корысть состоит в желании виновного получить материальную выгоду для себя, иных лиц или избавиться от материальных затрат.

Под иной личной заинтересованностью в соответствии с п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 16 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» понимается стремление лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, желание приукрасить действительное положение дел, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою профессиональную некомпетентность.

По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, личная заинтересованность проявляется в желании укрепить имидж успешного руководителя в лице учредителей, поддержать свой авторитет в кругу деловых партнеров, сохранить доверительные отношения с владельцем предприятия, избежать банкротства организации и потери работы. Мотив преступления может быть обусловлен личной неприязнью к работнику.

Так, мировым судьей Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 145.1 УК РФ. В судебном заседании установлено, что у него произошел конфликт с подчиненными ему работниками. На почве личной неприязни, воспользовавшись полномочиями руководителя организации, он отдал распоряжение бухгалтерии не выплачивать этим работникам заработную плату [уголовное дело № 1-28/2014 // Архив мирового судьи судебного участка № 2 г. Мончегорска Мурманской области за 2014 г.].

В научной литературе высказана весьма спорная точка зрения, в соответствии с которой включение данного мотива в число обязательных признаков состава преступления является излишним. Обосновывается это тем, что при невыплате заработной платы не важно, каким мотивом руководствовалось виновное лицо [1, стр. 100; 3, стр. 202; 7, стр. 103].

Нам представляется, что данный мотив не следует исключать из числа обязательных признаков состава рассматриваемого преступления. Указанием на корыстную или иную личную заинтересованность законодатель подчеркивает умышленную форму вины. Если мотив исключить из состава преступления, то в силу требований ч. 2 ст. 24 УК РФ появится возможность для привлечения к ответственности по ст. 145.1 УК РФ за бездействие, совершенное по неосторожности.

В ч. 3 ст. 145.1 УК РФ предусмотрена ответственность за полную или частичную невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных социальных выплат, если указанные деяния повлекли тяжкие последствия. Данный особо квалифицирующий признак преступления является оценочным. В научной литературе под «тяжкими последствиями» предлагается понимать: утрату трудоспособности, заболевание, инвалидность или иной вред здоровью, причиненный невыплатой заработной платы и иных платежей [5, стр. 543]. Т. И. Розовская полагает, что данным признаком охватывается массовая и длительная невыплата заработной платы, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, а также аварии, длительная остановка производственного процесса вследствие забастовки трудящихся, не получающих заработную плату [6, стр. 105].

Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ примечание к ст. 145.1 УК РФ дополнено п. 2, в который включена норма о деятельном раскаянии. Лицо, впервые совершившее данное преступление, освобождается от уголовной ответственности, если в течение двух месяцев в полном объеме погасило задолженность по выплате заработной платы, пенсии, стипендии или иных выплат, а также уплатило проценты (денежную компенсацию) в порядке, определяемом действующим законодательством. В соответствии со ст. 236 ТК РФ при задержке выплаты заработной платы работодатель обязан произвести денежную компенсацию в размере не ниже 1/150 действующей в это время ключевой ставки Банка России от не выплаченных в срок сумм за каждый день просрочки.

Таким образом, следует признать, что введение уголовной ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, иных социальных пособий было правильным законодательным решением. Следственная и судебная практика привлечения к ответственности за невыплату заработной платы стабилизировала ситуацию на рынке труда. Данная уголовно-правовая норма позволяет правоохранительным органам эффективно пресекать случаи необоснованной невыплаты заработной платы, оставляя возможность недобросовестным работодателям погасить в течение двух месяцев задолженность и избежать уголовной ответственности.

Литература

1. Батягина, Е. Ю. Ответственность за невыплату заработной платы // Бизнес в законе. — 2011. — № 3.
2. Ермолович, Я. Н. Актуальные вопросы квалификации невыплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145 УК РФ) // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2019. — № 2.
3. Костылев, С. П. К вопросу о квалификации преступлений за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат // Материалы Всероссийской научно-практической конференции на тему: «Гуманитарные про-

блемы современности». — Тюмень : Тюменский индустриальный университет, 2009.

4. Курсаев, А. В. Некоторые проблемы применения нормы об ответственности за невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (статья 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Алтайский юридический вестник. — 2019. — № 4 (28).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Я. Е. Иванова [и др.] ; под редакцией А. В. Бриллиантова. — Москва, 2010.
6. Климанов, А. М. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие / А. М. Климанов, Д. В. Пешков, Т. И. Розовская ; под общей редакцией З. И. Брижак. — Москва, 2015.
7. Макаров, Д. Ю. Корыстная или иная личная заинтересованность при совершении преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ // Вестник российского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 19.

References

1. Batyagina, Ye. YU. Otvetstvennost' za nevyplatu zarabotnoy platy [Responsibility for non-payment of wages] // Biznes v zakone. — 2011. — № 3.
2. Yermolovich, YA. N. Aktual'nyye voprosy kvalifikatsii nevyplaty zarabotnoy platy, pensiy, stipendiy, posobiy i inkh vyplat (st. 145 UK RF) [Actual issues of qualification of non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments (Article 145 of the Criminal Code of the Russian Federation)] // Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii. — 2019. — № 2.
3. Kostylev, S. P. K voprosu o kvalifikatsii prestupleniy za nevyplatu zarabotnoy platy, pensiy, stipendiy, posobiy i inkh vyplat [On the issue of qualifying crimes for non-payment of salaries, pensions, scholarships, allowances and other payments] // Materialy Vse-rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii na temu: «Gumanitarnyye problemy sovremennosti». — Tyumen' : Tyumenskiy industrial'nyy universitet, 2009.
4. Kursayev, A. V. Nekotoryye problemy primeneniya normy ob otvetstvennosti za nevyplatu zarabotnoy platy, pensiy, stipendiy, posobiy i inkh vyplat (stat'ya 145.1 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Some problems of applying the rule on liability for non-payment of wages, pensions, scholarships, allowances and other payments (article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)] // Altayskiy yuri-dicheskiy vestnik. — 2019. — № 4 (28).
5. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (itemized)] / A. V. Brilliantov, G. D. Dolzhenkova, YA. Ye Ivanova [i dr.] ; pod redaktsiyey A. V. Brilliantova. — Moskva, 2010.
6. Klimanov, A. M. Prestupleniya protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: nauchno-prakticheskoye posobiye [Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen: a scientific and practical manual] / A. M. Klimanov, D. V. Peshkov, T. I. Rozovskaya ; pod obshchey redaktsiyey Z. I. Brizhak. — Moskva, 2015.
7. Makarov, D. YU. Korystnaya ili inaya lichnaya zainteressovannost' pri sovershenii prestupleniya, predusmotrennogo st. 145.1 UK RF [Selfish or other personal interest in the commission of a crime under Art. 145.1 of the Criminal Code] // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. — 2012. — № 19.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.348

© **Бобовкин Михаил Викторович**

— доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс
и криминалистика» Российского университета транспорта (МИИТ)

© **Ручкин Виталий Анатольевич**

— доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заведующий кафедрой «Судебная экспертиза
и физическое материаловедение» Волгоградского
государственного университета

Электрографические копии документов — объекты судебно-почерковедческой экспертизы

Аннотация. На современном этапе потенциал судебного почерковедения широко используется при расследовании преступлений. Это связано с общим повышением документооборота в стране и высоким уровнем его вовлечения в криминальную сферу общественной жизни. В статье освещаются актуальные вопросы использования потенциала судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей в расследовании преступлений. Авторы определяют современное состояние и тенденции дальнейшего развития судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей, рассматривают возможности повышения эффективности данной сферы судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: электрофотографические изображения документов; повышение эффективности судебно-почерковедческой экспертизы; электрофотографические копии рукописей.

© **Mikhail V. Bobovkin**

— Doctor of Law, professor of the department of criminal law,
criminal procedure and criminalistics, Law Institute
of the Russian University of Transport

© Vitaliy An. Ruchkin

— Doctor of Law, professor, honored scientist
of the Russian Federation, head of the department
of forensic examination and physical materials science
of the Volgograd State University

Electrographic copies of documents as the objects of forensic handwriting analysis

Abstract. Currently the potential of judicial handwriting analysis is widely used in crime investigations. This is due to the general increase in the flow of documents in the country and the high level of its involvement in the criminal sphere of public life. The current paper has considered the urgent issues of using the potential of forensic handwriting analysis of electrophotographic copies of manuscripts in the crime investigations. The authors have determined the current state and trends of the further development of forensic handwriting analysis of electrophotographic copies of manuscripts, and considered the ways to increase the efficiency of this field of forensics.

Keywords: electrophotographic images/pictures of documents; increase the efficiency of forensic handwriting analysis; electrophotographic copies of manuscripts.

В любой системе используются большое количество документов, связанных с хозяйственной деятельностью [1]. Часть из них представляют электрофотографические копии — изображения рукописей, полученные с использованием средств оргтехники. В целом они составляют отдельную категорию объектов судебно-почерковедческой экспертизы [3].

Всестороннее изучение свойств копий почерковых объектов и закономерностей процесса их исследования началось на рубеже XXI столетия с развитием в криминалистике и судебной экспертизе отдельного направления научно-исследовательской работы. На его основе постепенно формировалась система знаний, образующая теоретические, методические и организационно-тактические основы судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей.

К числу первых отечественных работ в этой области судебного почерковедения относится подготовленное ГУ ЭКЦ МВД России в 2000 г. информационное письмо «Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов» [4]. В нем освещается устройство и функционирование копировально-множительной техники, приводятся сведения о механизме отражения идентификационных признаков почерка в изображениях отдельных категорий рукописей, полученных в результате прямого репродуцирования.

В 2005 г. РФЦСЭ при Минюсте России выпустил научно-практическое издание «Производство судебно-почерковедческих экспертиз подписей по электрофотографическим копиям» [2]. В нем рассматриваются теоретические и методические вопросы данного криминалистического исследования. При этом допускается возможность компьютерного и иного монтажа реквизитов документов в представленных копиях, на основе чего высказываются рекомендации о необходимости их предварительного анализа на предмет технической подделки.

Следует отметить, что в настоящее время предварительное технико-криминалистическое исследование является обязательным этапом частных методик судебно-почерковедческой экспертизы подписей и кратких записей. Обсуждается целесообразность распространения этой же процедуры на более значительные по объему рукописи — тексты, что вызвано современными достижениями кибернетики в области копирования и редактирования документов посредством использования специальной компьютерной техники и программного обеспечения.

Так, применение графопостроителей, плоттеров обеспечивает высокое качество копий рукописей с использованием аналогичных или близких орудий и материалов письма по отношению к оригиналу. Вместе с тем специальное программное обеспечение позволяет создавать изображения виртуальных — реально несуществующих документов на основе компьютерной редакции и формирования реквизитов, в том числе — графического материала.

Последующее изготовление электрофотографических копий таких документов существенно затрудняет решение вопроса о выполнении содержащихся в них рукописей оригинальным или техническим способом, что может привести к экспертным ошибкам.

В связи с этим большое научно-практическое значение имеют результаты экспериментального исследования «Современные подходы к исследованию копий документов», проведенного в 2015 г. ГУ ЭКЦ МВД России. Его цель состояла в определении эффективности идентификации исполнителей опытных подписей, изображения которых представлены реквизитами в выборке электрофотографических копий документов.

Первая часть опытных подписей была изготовлена с применением способов технической подделки — компьютерный монтаж, факсимиле, копирование на просвет. Вторую часть составили подписи, выполненные в условиях влияния сбивающих факторов,

Указанные объекты и сравнительные материалы были направлены для экспериментального идентификационного исследования в экспертные подразделения ЭКЦ МВД России, РФЦСЭ при Минюсте России, ФСКН России, Следственного комитета РФ.

Результаты эксперимента показали, что 30% экспертов дали выводы в форме НПВ — не предоставляется возможным ответить на поставленные

вопросы. 70% экспертов пришли к определенным (положительным и отрицательным) выводам — 5% правильным и 65% неправильным.

Анализ ошибочных выводов показал, что они обусловлены прежде всего тем, что электрофотографические изображения подписей часто воспринимаются экспертами как прямые копии рукописей, что при отсутствии иных версий (монтаж, факсимиле, копирование и др.) неизбежно приводит к неверным суждениям об их выполнении. Наряду с этим в изображениях оригинальных подписей, выполненных в необычных условиях письма, «нивелируются» — становятся менее выраженными диагностические признаки. Это существенно затрудняет или делает невозможным их дифференциацию с признаками квалифицированной подделки подписей с подражанием «на глаз» и с предварительной тренировкой.

С учетом изложенного организаторы эксперимента пришли к выводу о неэффективности современной методики судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей. Дополнительно к этому они справедливо критикуют условную форму выводов, которая широко используется в указанной сфере экспертной практики с оговоркой существования оригинала документа и рукописи, частью которого она является. Представляется, что такие решения не являются научно обоснованными, так как принимаются на гипотетической базе.

Таким образом, недостатки современной методики судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей заключаются в сложности и низкой эффективности решения следующих частных задач исследования.

1. Установление реального существования оригиналов рукописей, электрофотографические изображения (копии) которых представлены на исследование. Эти рукописи могут быть изначально выполнены в результате компьютерного монтажа и другими техническими способами.

2. Определение наличия (отсутствия) признаков предварительной технической подготовки при выполнении рукописей, представленных на исследование в виде электрофотографических изображений. Данные информативные признаки имеют в копиях документов малую степень выраженности, что весьма затрудняет констатацию технического или рукописного способа выполнения в них графического материала.

3. Определение наличия (отсутствия) диагностических признаков почерка в рукописях, представленных на исследование в виде электрофотографических изображений. Данная категория информативных признаков также имеет в копиях документов малую степень выраженности, что затрудняет констатацию обычных или необычных условий письма при выполнении графического материала.

4. Определение в рукописях, представленных на исследование в виде электрофотографических изображений, идентификационных признаков почерка, отражающих его динамические характеристики — скоростные,

ритмические, нажимные. Эти признаки имеют большое значение при отождествлении исполнителей подписей и кратких записей — малоинформативных почерковых объектов. С понижением качества электрофотографических изображений рукописей нарушается определение и других категорий идентификационных признаков почерка, что негативно влияет на производство и результаты исследования.

5. Дифференциация в электрофотографических изображениях рукописей информативных признаков предварительной технической подготовки и признаков необычных условий письма. Установление природы и разграничение данных информативных признаков является сложной экспертной задачей, учитывая погрешности отражения их в копиях документов, изготовленных с применением оргтехники.

Полагаем, что все указанные недостатки являются весьма существенными, но реально устранимыми. Об этом свидетельствует анализ судебно-экспертной практики и научных публикаций. В связи с этим вывод сотрудников ГУ ЭКЦ МВД России о непригодности для судебно-почерковедческого исследования электрофотографических изображений рукописей, выполненных с применением копировально-множительных устройств, является излишне категоричным.

Объективная ситуация в данной сфере имеет неоднозначный характер и требует всестороннего изучения на основе валидации — оценки пригодности методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей. Суть этой процедуры заключается в подтверждении эффективности указанного исследования и представлении объективных доказательств того, что выполняются конкретные требования к специфическому целевому использованию его методических средств в судебно-экспертной деятельности.

Основной формой валидации в судебной экспертизе являются межведомственная научная и практическая апробация с соблюдением единых условий проведения эксперимента и интерпретации результатов. В прикладном аспекте большое значение имеет репрезентативность по качеству и количеству опытных рукописей, электрофотографические изображения которых исследуются. Полагаем, что они должны быть представлены следующими категориями:

1) подлинные подписи, краткие записи, тексты, выполненные без искусственных (умышленных) и естественных изменений;

2) подлинные и неподлинные подписи, краткие записи, тексты, выполненные с использованием отдельных видов искусственных (умышленных) и естественных изменений;

3) подлинные и неподлинные подписи, краткие записи, тексты, выполненные с использованием отдельных способов и средств технической подделки.

Указанный экспериментальный массив охватывает все разнообразие электрофотографических изображений почерковых объектов и обеспечивает полноценную валидацию и сертификацию методических средств их криминалистического исследования. Полученные данные способствуют общему развитию судебно-почерковедческой экспертизы электрофотографических копий рукописей и повышению эффективности ее использования при расследовании преступлений.

Литература

1. Бобовкин, М. В. Возможности криминалистического исследования транспортных документов / М. В. Бобовкин, В. А. Ручкин // Вестник академии Следственного комитета. — 2018. — № 4. — С. 157—161.
2. Ефремова, М. В. Производство судебно-почерковедческих экспертиз подписей по электрофотографическим копиям: Информационное письмо / М. В. Ефремова, В. Ф. Орлова, А. Д. Старосельская // Теория и практика судебной экспертизы. — 2006. — № 1 (1). — С. 157—165.
3. Криминалистика. Исследование документов : учебное пособие для вузов / под редакцией М. В. Бобовкина, А. А. Проткина. — 2-е изд., пер. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2018.
4. Соколов, С. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов. Информационное письмо / С. В. Соколов, Е. А. Куранова, Е. В. Розанкова. — Москва : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000.

References

1. Bobovkin, M. V. Vozmozhnosti kriminalisticheskogo issledovaniya transportnykh dokumentov [Opportunities for the criminalistics investigation of transport documents] / M. V. Bobovkin, V. A. Ruchkin // Vestnik akademii Sledstvennogo komiteta. — 2018. — № 4. — S. 157—161.
2. Yefremova, M. V. Proizvodstvo sudebno-pocherkovedcheskikh ekspertiz podpisey po elektrofotograficheskim kopiyam: Informatsionnoye pis'mo [The production of forensic handwriting examinations of signatures on electrophotographic copies] / M. V. Yefremova, V. F. Orlova, A. D. Starosel'skaya // Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy. — 2006. — № 1 (1). — S. 157—165.
3. Kriminalistika. Issledovaniye dokumentov [Forensics. Documents' analysis]: uchebnoye posobiye dlya vuzov / pod redaktsiyey M. V. Bobovkina, A. A. Protkina. — 2-ye izd., per. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2018.
4. Sokolov, S. V. Ekspertno-kriminalisticheskoye issledovaniye faksimil'nykh kopiy pocherkovykh ob'yektov. Informatsionnoye pis'mo [Forensic investigation of facsimile copies of handwriting objects. Information letter] / S. V. Sokolov, Ye. A. Kuranova, Ye. V. Rozankova. — Moskva : GU EKTS MVD Rossii, 2000.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.2

© Орлов Юрий Юрьевич

— аспирант Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ)

Нематериальные блага в системе уголовного права

Аннотация. В статье рассматриваются виды нематериальных благ, отраженные в нормативно-правовом поле отечественного законодательства. Исследуются работы отечественных ученых в области нематериальных благ, их перечень, терминология и понятия, связанные с ними. Проведен анализ правовой защиты личных нематериальных благ, представляемой нормами уголовного права. Рассматривается возможность включения нематериальных благ в предмет коррупционных преступлений.

Ключевые слова: нематериальные блага; неимущественные блага; личные неимущественные права; объект преступления; предмет взятничества; предмет преступления; предмет нематериальных благ.

© Yuriy Yu. Orlov

— post graduate of the Law Institute
of the Russian University of Transport

Intangible benefits in the criminal law system

Abstract. The current paper has considered the types of intangible benefits, reflected in the regulatory field of domestic legislation. There have been studied the works of domestic researchers in the field of intangible benefits, their list, terminology and concepts associated with them. There has been conducted the analysis of the legal protection of personal intangible benefits, represented by criminal law. The current paper has considered the possibility of including intangible benefits as a subject of corruption crimes.

Keywords: intangible benefits; non-property benefits; personal non-property rights; object of crime; subject of bribery; subject of crime; subject of intangible benefits.

Исследуя институт нематериальных благ в системе уголовного права РФ, необходимо обратиться к его отражению в правовом поле Российской Федерации в целом. Нормы, затрагивающие нематериальные блага, за-

креплены в Декларации прав и свобод человека и гражданина, во гл. 1 Конституции РФ (Права и свободы человека и гражданина), а также в иных нормативных актах, таких как ГК РФ (гл. 6, 8, 59), УК РФ (раздел III), УИК РФ (гл. 2), Федеральные законы «Об охране окружающей среды» (гл. 3), «О почтовой связи» (гл. 2), «О связи» (гл. 9), «Об оперативно-розыскной деятельности» (гл. 1), «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 8), постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» и иных нормативно правовых актах.

В вышеуказанных документах нематериальные блага выражаются в благах, не подразумевающих под собой экономическую и материальную основу, также нематериальные блага тесно сопряжены с личностью или ее конституционными правами.

Согласно ст. 150 ГК РФ к числу неимущественных благ можно отнести следующие права: на жизнь и личную неприкосновенность, здоровье; имя, деловую репутацию и честь; неприкосновенность жилища; личную и семейную тайну; свободу передвижения, места жительства и иные.

Хотя и нематериальные блага изложены во многих законодательных актах РФ, налицо отсутствие четкой стандартизированной и регламентированной системы, регулирующей нематериальные блага. В ст. 150 ГК РФ дается общая характеристика нематериальных благ, нормативно-базовой основой для которой послужила Всеобщая декларация прав и свобод человека 1948 г. Однако законодатель, излагая нематериальные блага в ГК РФ, оставил возможность эволюционного развития данной нормы посредством включения в статью синтаксической конструкции — «иные нематериальные блага», что обязывает развивать норму, дополняя ее новыми видами нематериальных благ, которые выявляются в ходе взаимодействия субъектов гражданско-правовых отношений.

Также ГК РФ дает такие понятия, как «личные неимущественные отношения» и «нематериальные блага», которые по своей сути во многом схожи, но закон не дает терминологическое определение данным понятиям, что в свою очередь является следствием как неясности в правоприменении данных терминов, так и научных дискуссий, которые развернулись в указанной плоскости.

Примеры дискуссионных споров, которые развернулись в области сферы неимущественных благ, можно увидеть в научных работах отечественных ученых в области юриспруденции [1, стр. 171—174].

А. В. Амагиров в своей статье проводит анализ определения нематериальных благ, приводя точки зрения отечественных ученых, таких как Т. В. Трофимова, Н. А. Темникова, Д. В. Сараев, касательно определения сущности института нематериальных благ и его положения в поле гражданского права РФ, приходит к выводу, что из-за несовершенства нормативно-

правовой базы термины «нематериальные благо», «неимущественное благо» и «личные неимущественные права» не имеют четкого законодательного разграничения, вследствие чего в отечественной науке присутствует множество научных точек зрения на данную проблему [2, стр. 244—248]. Мы полностью солидарны с ученым и считаем, что гражданское законодательство в области нематериальных благ нуждается в конкретизации.

В статье М. Н. Малеиной, которая посвящена понятию и видам нематериальных благ как объектам личных неимущественных прав, автор провела анализ гражданского права и изложила более объемный перечень нематериальных благ, в который вошли: «...жизнь, здоровье, физическая и психическая неприкосновенность, окружающая среда, определяющая физическое и психическое состояние отдельного человека, имя, индивидуальный облик и голос, честь, деловая репутация, достоинство, тайна и неприкосновенность частной жизни, авторство автора и исполнителя, авторское имя, имя исполнителя, свобода определения судьбы произведения, автономия целостности произведения и его исполнения, свобода названия (обозначения) объекта промышленной собственности и его приоритет» [3].

Р. П. Тимешов в своей научной работе выделил три группы нематериальных благ. К первой группе он отнес жилищно-коммунальные и экологические условия, психическое и физическое благополучие. Ко второй группе были отнесены интеллектуальная и физическая неприкосновенность, право на трудовую и творческую деятельность, свободу предпринимательства, психическую неприкосновенность, свободу выбора места жительства и передвижения, свободу вероисповедания, слова и мысли, право на получение информации, неприкосновенность жилища, тайна частной жизни, семейная тайна, тайна телефонных приговоров и личной переписки, фото- и видеоизображение человека. В третью группу были включены: деловая репутация, доброе имя, честь, достоинство личности [4]. На наш взгляд Р. П. Тимешов наиболее подробно описал виды нематериальных благ в гражданском праве, которыми стоило бы расширить ст. 150 ГК РФ.

Нужно отметить, что из всего перечня нематериальных благ особняком в отечественном законодательстве стоят права на интеллектуальную деятельность и средства индивидуализации. По своей сути данное право является таким же нематериальным благом, как и авторство, за исключением того, что законодатель позволяет коммерциализировать права на интеллектуальную деятельность и средства индивидуализации. Подробно разбирает интеллектуальное право, как предмет гражданского оборота И. А. Зенин. Он указывает, что: во-первых, в состав интеллектуального права входит в первую очередь исключительное право, которое относится к имущественному праву, а только потом (и то лишь в отдельных случаях, предусмотренных законодательством) — личные неимущественные права

и иные права, во-вторых, оборот исключительного права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации значительно отличается от товарно-денежного оборота вещей, в-третьих, личные неимущественные интеллектуальные права (право на имя и т.д.) не отчуждаются и не передаются иным способом, гражданско-правовые способы приобретения и использования интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации целиком связаны с исключительным, т.е. имущественным интеллектуальным правом [5].

Проведя анализ отечественного законодательства, можно увидеть, что нематериальные блага широко представлены во многих его сферах права. В УК РФ нематериальные блага включены в орбиту объектов охраны и отражены во многих статьях. В разд. VII УК РФ включены преступления, объектом которых является личность, ее жизнь и здоровье, честь и достоинство, половая неприкосновенность, конституционные права и свободы.

Рассматривать предметно данный раздел стоит начать с гл. 16, так как жизнь и здоровье имеют наибольшую ценность в современном мире, как с законодательной, так с моральной точки зрения. В гл. 16 УК РФ входит 24 статьи, их можно разбить на группы по видовым объектам состава преступления: право на жизнь (ст. 105—110.1 УК РФ); право на здоровье (ст. 111—118, 120—125 УК РФ); право на психическую неприкосновенность (ст. 110, 110.1, 117, 119 УК РФ).

Глава 17 УК РФ направлена на защиту свободы чести и достоинства личности, что в свою очередь также входит в орбиту нематериальных благ. Видовой объект данной главы имеет большую значимость и важность в рамках конкретно взятого субъекта, несмотря на то что ценность жизни в рамках современного законодательства первостепенна. Данная глава включает в себя шесть статей: похищение человека, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда, незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клевета. В основной своей массе данными нормами защищаются такие нематериальные блага, как право на свободу передвижения и место пребывания, а также доброе имя и деловая репутация, достоинство личности и здоровье.

Личная неприкосновенность и свобода в части половой неприкосновенности и свободы попадают под защиту норм уголовного права, изложенных в гл. 18 УК РФ. К преступным деяниям отнесены такие действия, как: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, понуждение к действиям сексуального характера, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, а также развратные действия.

Большой круг нематериальных благ попадает под охрану статей, изложенных в гл. 19 УК РФ, само название главы характеризует ее широкую

применимость в области защиты нематериальных благ. Защищая конституционные права, свободы человека и гражданина, законодатель понимает под объектом преступления частную жизнь (ст. 137 УК РФ) и неприкосновенность жилища (ст. 139 УК РФ), на тайну частной жизни (ст. 138.1 УК РФ), телефонных переговоров и переписки (ст. 138 УК РФ), на право избирать и быть избранным (ст. 141—142.2 УК РФ), право авторства (ст. 146, 147 УК РФ), право на труд (ст. 144—145.1 УК РФ).

В гл. 20 описываются преступления против семьи и несовершеннолетних. Данная глава направлена на защиту института семьи и конституционных прав несовершеннолетних граждан. Среди нематериальных благ, которые защищает данная глава, присутствуют личная и семейная тайна (ст. 155 УК РФ), психическая и личная неприкосновенность (ст. 150, 151 УК РФ), жизнь и здоровье (ст. 151.1, 151.2, 156 УК РФ).

Помимо вышеизложенных подлежащих защите нематериальных благ, УК РФ включает главы, направленные на защиту таких нематериальных благ, как: жизнь и здоровье (гл. 25 УК РФ), окружающая среда и экология (гл. 26 УК РФ).

В современном уголовном законодательстве нематериальные блага выступают по своей сути объектами охраны. В качестве предмета преступлений нематериальные блага не выступают, однако научные дискуссии на эту тему ведутся. А. В. Шульга в своей статье, посвященной предмету преступления, пришел к выводу о целесообразности признания предметом преступления информацию имущественного характера и интеллектуальную собственность [6, стр. 65—69]. С ним можно согласиться в части трактования данных нематериальных благ как нематериальных активов, которые выступают предметом преступления в сфере экономики.

Можно утверждать, что нематериальные блага целесообразно включить в предмет преступления коррупционной направленности, так как современная коррупция в среднем и верхнем ее проявлениях уже давно отошла от простых материальных форм, с этим также согласны законодатели [<https://rg.ru/2017/07/24/v-zakonodatelstvo-predlozhili-vvesti-poniatiye-nematerialnoj-vziatki.html> (дата обращения: 21 декабря 2019 г.)]. Рассматривая нематериальные блага в канве предмета коррупционного преступления, можно значительно расширить спектр коррупционных действий, за которые будет наступать соразмерная совершенному деянию уголовная ответственность. Основной задачей ученых и законодателей в данном случае является разработка структурированного перечня нематериальных благ, которые могут выступать в качестве предмета взяточничества, а также методов их оценки.

Подводя итоги относительно нематериальных благ в системе уголовного права Российской Федерации, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, нематериальные блага широко изложены в отечественном правовом поле, хотя и нуждаются в дополнении и стандартизации терми-

нологии, которая смогла бы купировать такую проблемы как рассогласованность понятий, применяемых в разных нормативных правовых актах и научных трудах.

Во-вторых, нематериальные блага широко отражены в уголовном праве как объекты охраны, как так в них входят основополагающие права, изложенные в международных правовых актах и Конституции РФ.

В-третьих, следует рассмотреть нематериальные блага в качестве предмета коррупционных преступлений, так как расширение спектра применения нормы будет носить позитивный характер для объектов уголовно правовой охраны.

Литература

1. Афанасьева, О. Р. Нематериальные последствия насильственной преступности против личности: проблема определения, структуры и оценки / О. Р. Афанасьева, П. Б. Афанасьев // Взаимодействие науки и бизнеса : сборник научных статей по материалам междунар. науч.-практ. конференции. — Москва, 2015.
2. Амагыров, А. В. Понятие «нематериальное благо» в российском праве // Вестник Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та. — 2012. — № 2.
3. Малеина, М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. — 2014. — № 7. — С. 40—47.
4. Тимешов, Р. П. Нематериальные блага в гражданском праве и их защита : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2010.
5. Зенин, И. А., Исключительное интеллектуальное право, как предмет гражданского оборота // Известия юго-западного государственного университета. серия: история и право. — 2011. — № 1. — С. 19—35.
6. Шульга, А. В. Информация имущественного характера как предмет преступления против собственности // Уголовное право. — 2010. — № 1.

References

1. Afanas'yeva, O. R. Nematerial'nyye posledstviya nasil'stvennoy prestupnosti protiv lichnosti: problema opredeleniya, struktury i otsenki [Intangible consequences of violent crime against the individual: the problem of definition, structure and evaluation] / O. R. Afana-s'yeva, P. B. Afanas'yev // Vzaimodeystviye nauki i biznesa : sbornik nauchnykh statey po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii. — Moskva, 2015.
2. Amagirov, A. V. Ponyatiye «nematerial'noye blago» v rossiyskom prave [The concept of “intangible good” in Russian law] // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. — Ulan-Ude : Izd-vo Bu-ryat. un-ta. — 2012. — № 2.
3. Maleina, M. N. Ponyatiye i vidy nematerial'nykh blag kak ob"yektov lichnykh neimushchestvennykh prav [The concept and types of intangible goods as objects of personal non-property rights] // Gosudarstvo i pravo. — 2014. — № 7. — S. 40—47.
4. Timeshov, R. P. Nematerial'nyye blaga v grazhdanskom prave i ikh zashchita [Intangible benefits in civil law and their protection]: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2010.
5. Zenin, I. A., Isklyuchitel'noye intellektual'noye pravo, kak predmet grazhdan-skogo oborota [Exclusive Intellectual Law as a Subject of Civil Turnover] // Izvestiya yugo-

- zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. seriya: istoriya i pravo. — 2011. — № 1. — S. 19—35.
6. Shul'ga, A. V. Informatsiya imushchestvennogo kharaktera kak predmet prestupleniya protiv sobstvennosti [information of a property nature as an object of a crime by forgiving property]// Ugolovnoye pravo. — 2010. — № 1.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.23

© Граматкина Светлана Алексеевна

— студент Юридического института

Российского университета транспорта (МИИТ)

Объект преступления и проблемные вопросы его определения

Аннотация. В статье рассматривается понятие и содержание наиболее спорного элемента состава преступления — его объекта. Отсутствие в уголовном законе единообразного определения объекта преступления порождает появление самых различных его дефиниций — общественных отношений (единственного определения многих авторов), интересов и благ, которые охраняются законом от преступных посягательств, потерпевшего лица как объекта преступления. Кратко исследованы теории объекта в историческом ракурсе. Приводятся мнения различных теоретиков уголовного права об объекте преступления; аргументы признания объектом преступления интересов и благ, охраняемых уголовным законом.

Ключевые слова: объект преступления; общественные отношения; состав преступления; последствие преступного посягательства.

© Svetlana Al. Gramatkina

— student of the Law Institute of the Russian University of Transport

An object of crime and problems with its definition

Abstract. The current paper has considered the concept and content of the most controversial element of the crime, namely its object. The absence of a uniform definition of 'an object of crime' in the criminal law has given rise to its various definitions, e.g. public relations (the only definition given by major authors); interests and benefits protected by law from criminal encroachments; an injured person. There has been briefly investigated the theory of the object in historical perspective. There have been presented the opinions of various criminal law theorists on 'an object of crime'. There have been given the arguments of recognition of interests and benefits protected by criminal law as 'an object of crime'.

Keywords: an object of crime; public relations; Corpus delicti; consequence of a criminal encroachment.

Предметом данной статьи выступает такой многострадальный по причине отсутствия его единообразного понятия элемент состава преступления, как объект состава преступления. Нами рассматриваются положения уголовно-правовой науки, определяющие объект преступного посягательства. Кроме того, попытаемся раскрыть, с одной стороны, содержание общественных отношений, под которыми довольно многие теоретики уголовного права понимают объект преступления, а с другой — проведем критический анализ этого понятия и попытаемся определить объект преступления как благо, интерес, охраняемый уголовным законом и подвергаемый преступному посягательству.

Как же определяли объект преступления теоретики уголовного права задолго до признания его общественными отношениями?

Н. С. Таганцев выступал за признание одинакового значения в качестве объекта преступления и интереса, и конкретного блага. По его мнению, общественная опасность отдельного преступления (как он пишет, «сравнительная тяжесть») против правопорядка определяется значимостью того *интереса*, который подвергается преступному посягательству [1, стр. 33—34] (выделено нами — *С. Г.*). Он определяет в качестве объекта преступления правовую норму «в реальном ее бытии» [1]. Н. С. Таганцев, выступая за признание одинакового значения в качестве объекта преступления и интереса, и *конкретного блага* утверждает, что «сравнительная тяжесть отдельных преступных деяний для правопорядка определяется не противодействием праву, даже не проявленной виновным энергией этого противодействия, а значением правоохраняемого интереса, на который направлялось посягательство» [1].

Любое преступление, по мнению дореволюционных теоретиков, имеет двоякую направленность, поэтому и при определении объекта преступления они исходили из этого. «Только соединение обоих моментов, — указывает Н. Д. Сергиевский, — образует понятие объекта и обосновывает состав преступного деяния: нарушение нормы закона невозможно без посягательства на конкретные блага или интересы; одно же посягательство на эти последние, если за ними не стоит нарушение нормы закона, не будет преступным» [2].

Думается, что данное мнение небесспорно, поскольку вряд ли можно говорить о том, что от преступления страдают правовые нормы, которые могут быть разрушены и разрушаются от преступной деятельности. Совершение любого преступления никак не приводит и не приведет к разрушению какой-либо нормы или норм, они даже не могут пострадать.

Какое бы то ни было преступление разрушает или нарушает какие-либо частные или общественные интересы, блага, защищаемые уголовным законом, не посягая ни на какую норму, которая остается неприкосновенной. А вот интересы и блага страдают, поэтому они и являются объектом преступления [3].

Многие теоретики дореволюционного уголовного права при характеристике объекта преступления отдавали предпочтение определенному благу [4]. Однако при этом некоторые уравнивали объект преступления с предметом, на который посягает виновное лицо, считая охраняемое законом благо предметом преступления. По нашему мнению, относить, например, жизнь как благо, данное природой, к предмету вряд ли корректно и оправдано [5].

Далее рассмотрим «дробление» объекта преступления по горизонтали на основной, дополнительный, дополнительный факультативный и обязательный. А. Н. Круглевский пишет, что специфической чертой дополнительного объекта в виде дополнительного блага является его способность быть условием либо средством получения основного блага. Он считает, что «объектом посягательства подобных (ныне называемых двуобъектными — С. Г.) преступлений должно быть признано основное, а не вспомогательное благо, а лица, их учинившие, должны быть квалифицированы как виновники нарушения основной, а не вспомогательной нормы. ... Нарушение вспомогательного блага играет здесь роль средства посягательства на основное благо, и характерным признаком деликта следует считать именно последний элемент» [6, стр. 31—32].

В наши дни вряд ли требуется переоценка обоснованности аргументов, приводимых авторами в начале XX в. в пользу того или иного мнения по решению вопроса об объекте преступления, поскольку актуальность нами изложенного превратилась для теоретиков юриспруденции в критику не по научным соображениям, а исключительно по идеологическим. Из этого вытекает, что очередная смена политического направления должна и науку об объекте создавать с чистого листа, что никак не согласуется с преемственностью заслуг и учения прошлого.

Рассмотренная концепция объекта преступления как общественного отношения не приводит к разграничению объекта преступления от предмета преступления.

Другая концепция объекта преступления как общественных отношений делает упор на отличии объекта от предмета преступления. Ее сторонники ратуют за то, что общественные отношения есть непосредственный объект преступного посягательства, а не только родовой и общий.

В. Я. Таций понимает интерес как некоторого рода феномен социальной жизни, представляющий результат или продукт общественных отношений, но являющийся самостоятельным явлением, а не частью общественных отношений. Считая объект преступления исключительно общественным отношением, он, тем не менее, говорит о теснейшей связи общественных отношений с интересами и допускал возможность признания интереса в качестве объекта некоторых преступлений. «Необходимость использования интереса для определения объекта конкретного преступления, — пишет он, — возникает не во всех случаях, а только тогда, когда в

качестве объекта законодателем определены те общественные отношения, которые по своей природе скрыты от непосредственного восприятия. Но при этом нельзя забывать об условности подобного решения вопроса. Когда мы определяем объект посредством указания на соответствующий интерес, то тем самым не подменяем общественное отношение как объект преступления его интересом. Объектом любого преступления (как общим, так и родовым или непосредственным) являются только охраняемые уголовным законом социалистические общественные отношения. Когда мы указываем на интерес как на объект соответствующего преступления, то одновременно подразумеваем и те поставленные под охрану уголовного закона “невидимые” общественные отношения, которые стоят за соответствующим интересом» [7, стр. 77].

«Если действие в широком смысле причинения или создания опасности причинения ущерба объекту соединяет субъекта с этим последним, — писал Б. С. Никифоров, — то сам ущерб как последствие действия представляет собой соединительное звено между действием в узком смысле (осознанным актом внешнего поведения) и объектом преступления. Лишение жизни при убийстве есть в одно и то же время и последствие действия преступника, и тот ущерб охраняемому уголовным законом объекту... Завладение имуществом при краже представляет собой результат действия — последствие хищения этого имущества и в то же время — форму лишения потерпевшего возможности использовать имущество по своей воле и в своем интересе» [8, стр. 132, 141].

Не каждое преступление причиняет вред, но каждое вызывает определенные, хотя и не всегда устанавливаемые последствия. Кроме того, одно и то же последствие может быть одновременно положительным и отрицательным. Например, отчуждение преступником чужой вещи, причиняет вред владельцу или собственнику (отрицательное последствие), но является положительным для виновного в хищении лица, которому совершенным им преступлением никакого вреда не причиняется.

Такое же основание отказа от признания человека объектом преступления в последующем была выдвинута В. П. Карпушиным и В. И. Курляндским, которые писали, что «неправильно противопоставлять людей общественным отношениям, поскольку люди выступают в обществе как участники общественных отношений и поскольку материальными субстратами общественных отношений являются люди. Не может быть признано общественно опасным и преступным деяние, которое не затрагивает интересы людей, которое, следовательно, не нарушает или не разрушает “нормальные” с точки зрения государства общественные отношения, т.е. опять-таки отношения между людьми» [9, стр. 75].

В качестве потерпевшего всегда выступает лицо (физическое или юридическое), и если считать, что объект преступления — это лицо (вообще), тогда необходимо будет признать, что объектом преступления может

быть какой-то завод, фабрика, акционерное общество и т.п. Но они же являются и потерпевшими. Следовательно, при указанной трактовке потерпевший от преступления и объект преступления — это одно и то же. Вряд ли можно согласиться с подобной концепцией объекта преступления.

Против приведенного мнения относительно объекта преступления и потерпевшего в результате совершения этого преступления можно привести следующий аргумент. Потерпевший как участник уголовного процесса появляется лишь в результате совершения против него (или против них) преступления. Объект имеет место всегда, даже до совершения преступления, поскольку и интересы, и блага, и даже общественные отношения, если считать их объектом, существуют независимо от того, было ли совершено преступление или нет.

В итоге можно сказать, что концентрируемую дефиницию объекта преступления можно выразить следующим образом: объектом преступления выступает то, на что направлено преступное посягательство, а именно на законные интересы того или иного лица, группы лиц, на интересы общества и государства. Определение объекта преступления является подготовкой к определению понятия потерпевшего и преступления как некоего целого с характеристикой его признаков и свойств.

В настоящее время общепризнанным считается, что преступление — это, прежде всего, социальное явление. Из этого следует, что коли преступление является социальным явлением, а социальное явление предполагает наличие общественных отношений, то и преступление будет и социальным явлением, и объектом преступления. По мнению большинства даже современных авторов, общественные отношения являются объектом преступного посягательства. Из сказанного можно со всей определенностью сделать вывод: общественные отношения воспринимаются одновременно и объектом преступного посягательства, и самим посягательством, поскольку преступление — тоже общественное отношение, хотя и негативное. Подобная трактовка преступления приводится М. П. Карпушиным и В. И. Курляндским, которые отмечают: «Поскольку преступление — отношение человека к объекту, мы вправе говорить о том, как он объективно и субъективно относится к объекту... Разложение деяния на объективную и субъективную стороны, рассмотрение его с двух сторон вытекает из сущности общественного отношения» [9, стр. 81, 89]. При этом они показывают явное желание доказать, что «преступление есть специфическое общественное отношение», к которому относится и объект преступления. Однако в подобных трактовках «не замечаются» весьма достаточные различия между составом общественных отношений и учением о составе преступления. В качестве субъекта преступления всегда видится физическое лицо, способное при определенных условиях (возраст, вменяемость) нести уголовную ответственность.

Рассмотрим соотношение объекта преступления с объектом уголовно-правовой охраны. Нормативное закрепление основополагающих положений уголовного права в уголовном законодательстве — важнейшее условие для исключения неоднозначности толкования тех или иных положений уголовно-правовой науки. УК РФ в ст. 2 провозглашает задачи, стоящие перед ним: «...охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, а также обеспечение мира и безопасности человечества и предупреждение преступлений». Приведенное положение четко определяет задачи, стоящие перед этим нормативным правовым актом, а также вытекающие из них функции. В то же время в УК РФ отсутствуют многие важные положения, так необходимые для однозначного толкования многих определений и положений уголовного права. Если, скажем, понятие соучастия, множественности преступлений, неоконченного преступления более или менее определяются в соответствующих статьях уголовного закона, то понятие объекта преступления в законе не дано, и оно нуждается в своем теоретическом определении и глубокой научной разработке. Таким образом, наличие либо отсутствие приведенного определения задач уголовного закона не исключает необходимость теоретического осмысления не только их, но и объекта преступления, целей уголовно-правового регулирования, которое в конечном итоге направлено на защиту конкретного объекта преступного посягательства.

Здесь следует остановиться на следующем. Общественная опасность — это свойство деяния, характеризующее его способность либо причинить вред, либо создать угрозу его причинения. Поэтому вполне будет логичным вывод, что не представляет общественной опасности только такое деяние, в котором отсутствует реальный или угрожаемый вред, а не то, которое малозначительно. Иначе общественную опасность деяния мы ставим в зависимость от его малозначительности, но не наоборот — малозначительность от общественной опасности.

С учетом этих соображений, по нашему мнению, вряд ли можно согласиться с соображениями Г. П. Новоселова, который предлагает для решения рассматриваемой проблемы исходить из того, что не должно считаться преступлением запрещенное уголовным законом деяние, содержащее признаки малозначительного, но не достигшее уровня общественной опасности [10, стр. 135]. Указанный автор опять говорит о малозначительности, забывая, что в ч. 2 ст. 14 УК РФ прописано, что «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». По нашему мнению, законодатель весьма поверхностно подошел к понятию преступления, указывая на некую малозначительность. Полагаем, что

если деяние уже предусмотрено в некоей статье Особенной части УК РФ (за исключением ст. 331), то оно, конечно же, и противоправно (противозаконно), и совершается виновно, и содержит общественную опасность, т.е. содержит все признаки преступления. Как же такое деяние не будет общественно опасным, если оно уже предусмотрено (запрещено) УК РФ?

Если деяние не является преступлением, то оно не содержит какого-то признака, присущего преступлению в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ: либо общественной опасности, либо противоправности, либо виновности.

Таковы краткие рассуждения относительно объекта преступного посягательства как элемента состава преступления и его соотношения с другими элементами состава преступления и самим преступлением.

Литература

1. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. — Том 1. — Москва, 1994.
2. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть Общая. — Петроград, 1915; Санкт-Петербург, 2002.
3. Суденко, В. Е. Объект преступлений против военной службы // Право в Вооруженных силах. — 2015. — № 11 (221).
4. Колоколов, Г. В. Уголовное право : лекции. Москва, 1896; Санкт-Петербург, 2000.
5. Суденко, В. Е. Уголовное право. Общая часть : учебное пособие / под редакцией А. Г. Кибальника. — Пятигорск, 2007.
6. Круглевский, А. Н. Имущественные преступления. — Москва, 1915.
7. Таций, В. Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. — Харьков, 1988.
8. Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. — Москва, 1960.
9. Карпушин, В. П. Уголовная ответственность и состав преступления / В. П. Карпушин, В. И. Курляндский. — Москва, 197
10. Новоселов, Г. П. Учение об объекте преступления. Методические аспекты. — Москва, 2001.

References

1. Tagantsev, N. S. Russkoye ugovnoye pravo [Russian criminal law]. Lektsii. Chast' Obshchaya. — Tom 1. — Moskva, 1994.
2. Sergiyevskiy, N. D. Russkoye ugovnoye pravo [Russian criminal law]: posobiye k lektsiyam. Chast' Obshchaya. — Petrograd, 1915; Sankt-Peterburg, 2002.
3. Sudenko, V. Ye. Ob"yekt prestupleniy protiv voyennoy sluzhby [The object of crimes against military service] // Pravo v Vo-oruzhennykh silakh. — 2015. — № 11 (221).
4. Kolokolov, G. V. Ugovnoye pravo [Criminal law]: lektsii. Moskva, 1896; Sankt-Peterburg, 2000.
5. Sudenko, V. Ye. Ugovnoye pravo [Criminal law]. Obshchaya chast': uchebnoye posobiye / pod redak-tsiyey A. G. Kibal'nika. — Pyatigorsk, 2007.
6. Kruglevskiy, A. N. Imushchestvennyye prestupleniya [Property crimes]. — Moskva, 1915.
7. Tatsiy, V. YA. Ob"yekt i predmet prestupleniya v sovetskom ugovnom prave [Object and subject of crime in Soviet criminal law]. — Khar'kov, 1988.

8. Nikiforov, B. S. Ob"yekt prestupleniya po sovetskomu ugovnomu pravu [The object of a crime under Soviet criminal law]. — Moskva, 1960.
9. Karpushin, V. P. Ugolovnaya otvetstvennost' i sostav prestupleniya [Criminal liability and corpus delicti] / V. P. Karpushin, V. I. Kurlyandskiy. — Moskva, 197
10. Novoselov, G. P. Ucheniye ob ob"yekte prestupleniya [The doctrine of the object of crime]. Metodicheskiye aspekty. — Moskva, 2001.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

© Мельникова Светлана Александровна

— студент Юридического института

Российского университета транспорта (МИИТ)

За и против смертной казни

Аннотация. Смертная казнь представляет собой лишение человека жизни, применяемое в качестве уголовного наказания за совершение особо тяжких преступлений, прежде всего, против жизни. На протяжении развития человечества всегда существовали и будут существовать в обозримом будущем неоднозначные, противоположные точки зрения по поводу смертной казни. В статье рассматривается исключительная мера уголовного наказания — смертная казнь. Прослеживается генезис данного вида наказания не только в нашей стране, начиная с древнейших времен до наших дней. Приводится мнение о данном виде наказания известных философов, а также теоретиков уголовного права, в том числе современных. Раскрывается соотношение категории «справедливость» со смертной казнью.

Ключевые слова: право; преступление и преступник; преступление и справедливость; смертная казнь; уголовный закон.

© Svetlana Al. Melnikova

— student of the Law Institute of the Russian University of Transport

Pro and Cons of death penalty

Abstract. Death penalty is a deprivation of a person's life, used as a criminal punishment for committing especially serious crimes against life. Throughout the development of mankind there have always been and will always be ambiguous, opposite opinions on death penalty. The current paper has considered an exceptional criminal punishment, i.e. death penalty. There has been analyzed the genesis of this type of punishment not only in our country, starting from ancient times to the present day. There have been given the opinions of famous philosophers, as well as criminal law theorists, including modern ones about this type of punishment. There has been identified the relationship between the category of "justice" and death penalty.

Keywords: law; crime and criminal; crime and justice; death penalty; criminal law.

В средневековой Европе существовало множество форм и методов исполнения смертной казни. В этот период также ставили вопросы о целесообразности ее применения. Ч. Беккариа писал, что в цивилизованном государстве, где господствуют законы, смертная казнь не требуется. «Что это за право убивать себе подобных, присвоенное людьми? Смертная казнь не может быть правом и не является поэтому таковым. Высшее наказание никогда не останавливало людей, решившихся посягнуть на общество. Не суровость, а продолжительность наказания производит наибольшее влияние на душу человека. Смертная казнь не может быть полезна, потому что она подает людям пример жестокости» [1].

Отметим, что не все философы Западной Европы одинаково относились к применению смертной казни к преступникам. К примеру, Вольтер относился к смертной казни положительно, а Шарль Монтескье и Жан Жак Руссо придерживались нейтральной позиции.

Наиболее полно и отчетливо о смертной казни высказывался И. Кант [2]. По мнению этого ученого, при совершении умышленного убийства его исполнитель должен быть умерщвлен, как того требует справедливость карательная. Он выступал за смертную казнь не только за убийство, но еще и за преступления против государства. Отметим, что И. Кант также выступал против помилования, поскольку это, по его мнению, противоречит категорическому императиву, ограничивает осуществление общественной справедливости нарушает справедливость по отношению к потерпевшему.

Еще в 1795 г. И. Кант пишет в работе «К вечному миру» об абсолютном значении справедливости — «*Fiat justitia, pereat mundus*», отражая в этой громко звучащей фразе значение справедливости словами, в переводе означающими «Да здравствует справедливость, если даже от этого погибнут все плуты в мире» [3, стр. 292].

В России смертная казнь берет истоки от принципа талион, т.е. лицу, совершившему преступление, должен быть причинен вред, равный этому преступлению (око за око). В «Русской правде» смертная казнь не была предусмотрена. Хотя имеются сведения из летописей, что казнили за мятежи, преступления против христианства, за измену. С развитием и централизацией Руси сфера применения смертной казни расширялась, при Иване IV она стала основным видом наказания. В эпоху Екатерины II смертную казнь считали отмененной за общеуголовные преступления, однако за совершения государственных преступлений ее применяли.

В 26 октября 1917 г. на Всероссийском съезде Советов смертная казнь была отменена, однако спустя один год, 5 сентября 1918 г., Совет Народных комиссаров РСФСР принимает постановление «О красном терроре»,

которым восстанавливает эту меру наказания. В Уголовных кодексах РСФСР 1922, 1926, 1960 гг. она применялась в виде исключительной меры наказания. После окончания Второй мировой войны намечались тенденции отмены смертной казни, так как она противоречила Всеобщей декларации прав человека 1948 г. — «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным и унижающим его достоинство обращению и наказанию».

Действующий УК РФ среди мер уголовного наказания содержит такую исключительную меру, как смертная казнь, которая может быть применена за особо тяжкие преступления против жизни в соответствии с ч. 2 ст. 20 Конституции РФ. Но в этом случае обвиняемому дано право на рассмотрение его дела в суде с участием присяжных заседателей. Подобная трактовка возможности назначения смертной казни содержится и в ст. 59 УК РФ. Кроме того, этот вид наказания не может быть применен к осуждаемым женщинам и к мужчинам, не достигшим на момент совершения преступления совершеннолетия (18 лет), и к мужчинам, которые на момент вынесения обвинительного приговора суда достигли 65 лет [4].

В ч. 1 ст. 184 УИК РФ сказано, что лицо, приговоренное к смертной казни, содержится в одиночной камере, под усиленной охраной. Согласно ч. 1 ст. 186 смертная казнь проводится непублично путем расстрела. Также в УИК РФ разъясняются права осужденного и полный порядок исполнения такого приговора.

Рассмотрев историю развития смертной казни, можно сказать, что всегда существовали противоположные точки зрения. Эта проблема остается актуальной и в наши дни. Возникает множество споров по поводу отмены либо сохранения смертной казни.

Говоря о смертной казни в России, следует учитывать ее правовую систему и менталитет граждан нашей страны. На наш взгляд, пока еще целесообразно, чтобы смертная казнь была в системе наказаний за определенные виды преступлений, причем их круг может быть в некоторой мере расширен. Сейчас смертная казнь предусмотрена только по ч. 2 ст. 105, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ. На данном этапе развития общества смертная казнь не может быть исключена из системы наказаний, поскольку она будет полезна обществу, чтобы пресечь наиболее распространенные и опасные преступления.

А. Ф. Кистяковский в 1867 г. в магистерской диссертации высказался о сторонниках применения смертной казни, оправдывающих ее применение потому, что существующее на то время общество пока не доросло до ее отмены, и она временно может применяться [5]. Действительно, и в настоящее время в российском обществе преобладает правовой нигилизм, люди неуважительно относятся к закону, слишком мало граждан, которые бескорыстно оказывают помощь при раскрытии или расследовании преступления, задержании преступников. Когда общество дорастет до уровня, при

котором будет обладать высоким правосознанием, будет воспитано в уважении к закону, в том случае можно будет задуматься об отмене смертной казни.

Также часто возникает вопрос о социальной справедливости этого вида наказания, о том, что, дескать, государство не вправе отбирать жизнь у своих граждан. Но ведь и лица, совершающие преступления, не вправе даже покушаться на здоровье, жизнь и материальные интересы граждан. А если они переходят эту границу, то государство вправе применить к ним и такое жесткое наказание, как смертная казнь.

Возможно лицо, которое собирается совершить преступление, задумается лишний раз о наказании, не будет совершать общественно опасного деяния. Ведь даже особо опасный преступник, как и любой другой человек, хочет жить.

Говоря о том, что в России необходима смертная казнь, следует отметить и еще одну причину, на которую ссылаются противники этого вида наказания. При расследовании уголовных дел, производстве расследования, а также в ходе судебного рассмотрения уголовного дела могут возникать и, к сожалению, возникают ошибки. Как избежать того, чтобы из-за такой ошибки не осудили невиновного человека и не вынесли приговор, не соответствующий объективной истине по делу? [6, стр. 66—73]. Для этого лица, осуществляющие такую деятельность, должны в максимальной степени быть подготовлены к своей работе, относится к закону не только с уважением, но и самым строгим образом следовать ему, назначаться на должности только в соответствии с их квалификацией и профессиональным опытом, т.е. должна существовать максимально четкая, слаженная, продуманная и справедливая система раскрытия и расследования преступлений.

Подводя итог, следует заметить, что в России сохраняется довольно высокий уровень преступности, а информация о ее постоянном снижении не всегда отвечает объективной истине. Нередко подобное «снижение» количества преступлений происходит за счет декриминализации некоторых общественно опасных деяний либо путем прямого запрета на привлечение к уголовной ответственности тех или иных категорий граждан. Значительное количество людей находится в исправительных учреждениях, а потому данная проблема не должна откладываться «в долгий ящик». Необходимо рассматривать самые различные пути и способы ее решения, в том числе и с точки зрения введения смертной казни либо ее исключения их перечня видов уголовных наказаний. Пути решения данной, весьма насущной проблемы, следует искать не столько в уголовно-правовой сфере, сколько в применении комплексного подхода [7, стр. 99—104].

Литература

1. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях. § XXVIII. М., 1939.
2. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах. Том 4. II. М., 1965.

3. Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. Том 6. М., 1966. С. 292.
4. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть. Учебное пособие / В. Е. Суденко ; под ред. А. Г. Кибальника. Пятигорск, 2007.
5. Кузнецова Н. Ф., Тяжкова И. М. Курс уголовного права в пяти томах. Том 2. Общая часть: Учение о преступлении. — М. : Зерцало, 2002.
6. Суденко В. Е. Объективная истина как цель уголовного процесса при расследовании транспортных преступлений // Транспортное право и безопасность. 2017. № 9 (21). С. 66-73.
7. Волошин И. А., Чайка А. В. Смертная казнь: «за» или «против» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 2. С. 99-104.

References

1. Bekkaria Chezare. O prestupleniyakh i nakazaniyakh [About crimes and punishments]. § XXVIII. M., 1939.
2. Kant I. Metafizika нравов [Metaphysics of manners]. Sochineniya v shesti tomakh. Tom 4. II. M., 1965.
3. Kant I. K vechnomu miru [Toward Eternal Peace]. Sochineniya v shesti tomakh. Tom 6. M., 1966. S. 292.
4. Sudenko V. Ye. Ugolovnoye pravo. Obshchaya chast'. Uchebnoye posobiye [Criminal law. A common part. Textbook] / V. Ye. Sudenko ; pod red. A. G. Kibal'nika. Pyatigorsk, 2007.
5. Kuznetsova N. F., Tyazhkova I. M. Kurs ugolovnogo prava v pyati tomakh [The course of criminal law in five volumes]. Tom 2. Obshchaya chast': Ucheniye o prestuplenii. — M. : Zertsalo, 2002.
6. Sudenko V. Ye. Ob"yektivnaya istina kak tsel' ugolovnogo protsesssa pri rassledovanii transportnykh prestupleniy [Objective truth as the goal of the criminal process in the investigation of transport crimes] // Transportnoye pravo i bezopasnost'. 2017. № 9 (21). S. 66-73.
7. Voloshin I. A., Chayka A. V. Smertnaya kazn': «za» ili «protiv» [The death penalty: "pro" or "cons"] // Uchenyye za-piski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuri-dicheskiye nauki. 2019. № 2. S. 99-104.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 331.32

© Гавриш Игорь Витальевич

— кандидат философских наук

igor_gavrish@bk.ru

© Гавриш Руслан Игоревич

— студент Российского университета транспорта (МИИТ)

r.i.gavrish@gmail.com

О четырехдневной рабочей неделе и праве на отдых

Аннотация. В статье рассматривается вопрос перспектив введения четырехдневной рабочей недели с позиции трудового права. Освещается процесс инициализации, обсуждения и не реализованное предложение о введении на ряде предприятий в пилотном режиме четырехдневной рабочей недели. Приводятся результаты подобных экспериментов в других странах. Формируются задачи для будущего эксперимента по введению четырехдневной рабочей недели в России. Обсуждается вероятность развития будущих трудовых отношений, и ставится вопрос о правовом обеспечении досуга в связи с вероятным увеличением в будущем времени отдыха.

Ключевые слова: трудовое право; Трудовой кодекс Российской Федерации; еженедельные выходные; досуг.

© Igor V. Gavrish

— Candidate of Philosophical Sciences

© Ruslan Ig. Gavrish

— student of the Russian University of Transport

On a four-day work week and the right to rest

Abstract. The current paper has considered the prospects of introducing a four-day work week from the perspective of labor law. There has been highlighted the process of initialization, discussion and unrealized proposal to introduce a four-day work week at a number of enterprises as a pilot project. There have been presented the results of similar experiments in other countries. There have been formed the tasks for a future experiment to introduce a

four-day work week in Russia. There has been discussed a probability of the development of future labor relations, and there has been argued a question of the legal leisure in connection with the likely increase of rest time in future.

Keywords: labor law; Labor Code of the Russian Federation; weekly days off; leisure.

В российской общественной жизни вопрос о четырехдневной рабочей неделе (четырехдневке¹) стал обсуждаться после выступления Д. А. Медведева 11 июня 2019 г. на 108-й сессия Международной конференции труда Международной организации труда (далее — МОТ), занимавшего в то время должность Председателя Правительства РФ. Д. А. Медведев в своем выступлении в частности сказал: «Весьма вероятно, что будущее — за четырехдневной рабочей неделей как основой социально-трудового контракта. Я напому, сто лет назад Генри Форд решился на сокращение рабочей недели с 48 до 40 часов и получил впечатляющий рост производительности труда» [URL: <http://government.ru/news/36975/> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. В последующем начали звучать предложения о необходимости постепенного внедрения четырехдневной рабочей недели, рассматривались плюсы и минусы ее введения [URL: <https://iz.ru/909598/2019-08-13/v-gosdume-nazvali-pliusy-i-minusy-chetyrekhdnevki> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)].

Целью данной работы является рассмотрение правовых условий введения четырехдневной рабочей недели в России. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть положение о еженедельном отдыхе в трудовом праве; проследить историю идеи о введении четырехдневной рабочей недели в России; проанализировать выводы по результатам введения четырехдневной рабочей недели в других странах; сформулировать направления и задачи для возможного эксперимента в будущем по внедрению четырехдневной рабочей недели в России; составить вероятностный прогноз перспектив введения четырехдневной рабочей недели в связи с прогнозами развития мировой экономики (новыми условиями трудовой занятости).

Статья 42 Кодекса законов о труде Российской Федерации, действовавшего до 2002 г., гласила: «Нормальная продолжительность рабочего времени работников на предприятиях, в учреждениях, организациях не может превышать 40 часов в неделю. По мере создания экономических и других необходимых условий будет осуществляться переход к более сокращенной рабочей неделе», она предполагала в будущем сокращение ра-

¹ Термин «четырехдневная рабочая неделя» часто заменяют выражением «четырехдневка». В современной семантике русского языка оба термина идентичны. При этом в законе и подзаконных актах допустимо применение термина «четырехдневная рабочая неделя», который может сразу однозначно обозначить полное содержание выражения.

бочей недели. Положение действующего Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ) такой нормы не содержит.

Трудовое право имеет социальное назначение, оно сокращает существующие в прошлом безграничные права правящего класса эксплуатировать и закрепощать своих работников. Необходимо соблюдение баланса между двумя противоположными правами — правом на отдых и правом на труд.

Институт права на отдых в России начал формироваться в конце XIX в. — в 1882 г. вводятся ограничения рабочего времени для детей (для подростков от 12 до 15 лет устанавливался 8-часовой рабочий день при запрете ночных работ) [1, стр. 57].

Право на отдых, обеспечивает социально-биологическую потребность человека в восстановлении физических и душевных сил, затраченных в процессе трудовой деятельности. Об этом пишет А. Н. Чашин, цитируя А. Я. Петрова: «...основное (фундаментальное) назначение времени отдыха является восстановление сил и здоровья работника, его трудоспособности» [2, стр. 293]. Это утверждение верно как с позиции работодателя, так и наемного работника. Нормы об отдыхе применяются как для восстановления работников, так и в качестве меры социальной поддержки и стимулирования (ст. 117, 186, 256, 262, 319 ТК РФ).

Конституция РФ в ст. 2, 7, 17, 22, 55 гарантирует и охраняет право на свободу человека. Влияние на национальное трудовое законодательство в части положений об отдыхе оказывают международные правовые акты, такие как Конференции № 6, 14, 31, 46, 47, 51, 61, 106 МОТ; ст. 24 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.; ст. 7 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. Право на полноценный отдых от трудовых обязанностей составляет часть свободы человека, гарантирует ценность свободной и достойной жизни, ограничивает зависимость от работодателя.

Противники введения четырехдневной рабочей недели говорят о недополученных налогах государством и о возможном снижении темпов роста в стране. Но вот влияние четырехдневной рабочей недели на человека рассматривалось либо вскользь, либо вовсе не рассматривалось. Междисциплинарные исследования в области трудового права и медицины восстановления могут стать основанием для новелл трудового права.

Отдых работника обусловлен его работой, цель которой заключается в большем результате труда. Показательны данные МОТ и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) — при 40-часовой трудовой неделе у жителей России набирается 1980 рабочих часов в год. Рекордсменом по количеству рабочих часов в год оказалась Мексика — 2250 часов. Меньше всех работают в Германии — всего 1370 часов в год, почти вдвое меньше мексиканцев [URL: <https://iz.ru/news/655625> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. Эти данные наглядно демонстрируют, что не ко-

личество отработанных часов влияют на состояние экономики, а факторы внедрения новых технологий.

Премьер-министр России Д. А. Медведев подписал поручение 22 июня 2019 г., адресованное Минтруду России с поручением оценить влияние четырехдневной рабочей недели на производительность и социальную сферу в период до 30 сентября 2019 г. [URL: https://iz.ru/912615/anna-ivushkina/dni-po-oseni-schitaiut-ideiu-sokrashcheniia-rabochei-nedeli-otceni-at-do-oktiabria?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. В результате поручения Министерством было подготовлено предложение о введении в пилотном режиме на 266 предприятиях малого и среднего бизнеса, входящих в нацпроект «Производительность труда и поддержка занятости», четырехдневной рабочей недели в 30 регионах страны [URL: <https://rg.ru/2019/09/16/mintrud-provedet-eksperiment-po-vvedeniiu-chetyrehdnevki.html> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)], но на совещании в этом Министерстве с представителями других государственных ведомств 16 сентября 2019 г. предложение об эксперименте не было поддержано, и он не был начат, по итогам совещания было решено создать рабочую группу при Российской трехсторонней комиссии (РТК) для дальнейшей проработки вопроса о сокращении продолжительности рабочего времени [URL: <https://www.solidarnost.org/news/mintrud-ne-initsiiroval-experiment-po-vvedeniyu-chetyrehdnevnoy-rabochey-nedeli.html> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. В Правительство РФ Минтрудом России был направлен доклад по результатам обсуждения вопроса о четырехдневной рабочей неделе [URL: <https://rosmintrud.ru/labour/relationship/368> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. Ранее руководители отдельных регионов высказывали свою готовность к проведению эксперимента на своей территории [URL: <https://ria.ru/20190917/1558767291.html> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. Профсоюзы (ФНПР) поддержали введение четырехдневной рабочей недели [URL: <http://www.fnpr.ru/n/241/17983.html> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. Таким образом, эмпирических данных о результатах введения четырехдневной рабочей недели в условиях современной российской экономической, досуговой, культурологической ситуации собрать не удастся.

Противники введения четырехдневной рабочей недели в России приводят в пример эксперимент, проводимый несколько лет назад на заводе «Фольксваген», где вводили четырехдневную рабочую неделю. В результате увеличилось количество разводов [URL: <https://inance.ru/2019/09/obzor-rus-2019-9-16-22/> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. К примеру: «Когда греки ввели четырехдневную рабочую неделю, закончили дефолтом страны. Когда французы ввели 35-часовую рабочую неделю, резко потеряли ВВП на душу населения» [URL: <https://bk55.ru/news/article/156203/> (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)].

Существуют множество иных примеров, когда производительность труда увеличивается при переходе на четырехдневную рабочую неделю.

С эксперимента на заводе «Фольксваген» выводы следует расширить. Необходимо признать, что в современных условиях секулярного общества в условиях увеличения совместного времяпрепровождения супругов действительно могут происходить обострения существующих семейных противоречий. А вот при наличии религиозно-нравственного стержня семейной жизни, в условиях любящей, дружной семьи дополнительное свободного времени родители тратят на благо семьи. Количество выходных дней следует увеличивать, при этом в выходные дни необходимо направлять людей на эффективное времяпрепровождение — пропагандировать занятия физической культурой, адекватной физическим возможностям человека, развивать культурно-просветительские мероприятия, создавать курсы для профессионального роста, проводить мероприятия по укреплению института семьи. Человека нельзя лишать права свободы выбора: работать ему сверхурочно или отдохнуть. Результаты вышеприведенного эксперимента показали, что к любому вопросу государству следует подходить комплексно, создавая условия для реализации человека, как в рабочее время, так и в свободное от работы, к чему призывает Рекомендация № 21 МОТ «О расширении возможностей для использования трудящимися свободного времени», разработанная еще в 1924 г.

Перегрузка, невозможность восстановиться, приводит к ошибкам в работе. Поэтому уже сегодня 15% компаний развитых стран предлагают некоторым своим сотрудникам работать по четыре дня в неделю, и эта тенденция нарастает [URL: https://sia.ru/?section=484&action=show_news&id=379464 (дата обращения: 2 декабря 2019 г.)]. Финляндия планирует перейти на четырехдневную рабочую неделю и шестичасовой рабочий день [URL: https://rg.ru/2020/01/06/finliandiia-vvedet-chetyrehdnevnuu-rabochuiu-nedeliu-i-shestichasovoj-rabochij-den.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 7 января 2019 г.)]. Россия в этом отношении лишь воспринимает мировой опыт.

Необходимы отечественные научные наработки о результатах введения четырехдневной рабочей недели, так как результаты подобных экспериментов в других странах не возможно в полной мере проецировать на Россию. При проведении в будущем эксперимента по внедрению четырехдневки в России, к которому, на наш взгляд, придется вернуться, следует ставить более широкие задачи, рассматривать результаты в комплексе, с позиций: производительности труда (в обязательном порядке следует внедрять на предприятиях проведения эксперимента научную организацию труда); здоровья человека (следует ставить перед медицинскими организациями комплексные вопросы); психологии человека и социума; со-

циальных и семейных последствий; правопорядка; педагогики; организации досуга семьи и детей; привлечь к эксперименту предприятия, на которых трудятся люди с высокой степенью религиозности.

Эксперименты могут быть проведены в трех направлениях:

- 1) экономическая целесообразность;
- 2) медицинское и психологическое направление;
- 3) демографическое, семейное, социально-досуговое, педагогическое, правоохранительное направление исследований.

Количество задач для эксперимента должно быть самое широкое в границах трех вышеуказанных направлений.

Этапы реализации эксперимента могут быть следующими:

1) отбор предприятий согласно необходимости решения поставленных задач;

2) формирование списка государственных и иных организаций, привлекаемых к эксперименту с учетом поставленных задач и определения объема их ответственности;

3) установление временных границ эксперимента и ответственных за их результат.

Полученные выводы от эксперимента дадут возможность в будущем избежать многих социально негативных последствий.

Уже в настоящее время часть работ работники выполняют удаленно, находясь дома. В условиях работы в удаленном режиме возникают новые вопросы (проблемы) самоорганизации труда. Мотивация к результату при работе удаленно — в домашних условиях, изначально высокая, как следствие возникает переработка и чрезмерное утомление, что может привести к нервному и физическому истощению. Мир смещается в сторону умственного труда.

Вопрос о четырехдневной рабочей неделе — это, скорее, вопрос о профессиях, требующих физического присутствия на рабочем месте — профессий физического действия. Торговля уходит в сеть Интернет. В будущем встанет другой вопрос: об организации (ограничении) работы из дома в силу переработки и необходимости организации коллективного проведения мероприятий досуга работающих на дому. В условиях новых экономических условий, с преобладанием умственного труда важнейшей задачей государства является необходимость сохранить физическую активность человека — его здоровье, для чего необходимы стимулирующие меры, в том числе трудового права, направленные на правовое обеспечение содержания отдыха работников.

Литература

1. Муравьева, Л. А. Реформы министра финансов Н. Х. Бунге // Финансы и кредит. — 2014. — № 17 (593). — С. 51—61.

2. Чашин, А. Н. Постатейный комментарий к Трудовому кодексу РФ: [ТК РФ с учетом последних изменений: № 207-ФЗ, № 304-ФЗ, № 315-ФЗ]. — Москва : Эксмо, 2018.

References

1. Murav'yeva, L. A. Reformy ministra finansov N. Kh. Bunge [Reforms of the Minister of Finance N. Kh. Bunge] // *Finansy i kre-dit.* — 2014. — № 17 (593). — S. 51—61.
2. Chashin, A. N. Postateyny kommentariy k Trudovomu kodeksu RF [Article commentary on the Labor Code of the Russian Federation]: [ТК РФ с учетом последних изменений: № 207-ФЗ, № 304-ФЗ, № 315-ФЗ]. — Moskva : Eksmo, 2018.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

УДК 349.2

© Кроликов Александр Петрович

— магистрант Российского университета транспорта (МИИТ)

Lex3020081@rambler.ru

Проблемы правового регулирования трудовых отношений работников предприятия, передаваемого в аренду

Аннотация. Статья посвящена вопросу правового регулирования порядка перевода и прекращения трудовых отношений с работниками арендованного предприятия. С момента принятия Трудового кодекса Российской Федерации изменения и дополнения в различные статьи вносились более 120 раз. Несмотря на плодотворную работу законодателя в кодифицированном законе остается не восполненным существенный пробел, который заключается в отсутствии норм, содержащих основания прекращения трудового договора с работником, не согласным продолжить работу на предприятии, переданном в аренду. Данный пробел нарушает не только системность законодательства, но и приводит к несоблюдению прав и свобод человека и гражданина. В статье представлен способ восполнения установленного пробела путем предложения новых норм в Трудовой кодекс РФ, что приведет законодательство в более совершенное состояние. Изложенный в статье взгляд интересен практикующим специалистам в области юриспруденции и в сфере управления персоналом предприятия. Ведь именно на работников кадровых служб возлагается обязанность документального оформления отношений между работодателем и работником.

Ключевые слова: аренда предприятия; трудовое законодательство; расторжение трудового договора; аналогия закона.

© Aleksandr P. Krolikov

— Master's Degree student of the Russian University of Transport

The problems of legal regulation of labor relations of employees of a leased enterprise

Abstract. The current paper has considered the issue of legal regulation of transfer and cancellation of labor relations with employees of a leased enterprise. Since the adoption of the Labor Code of the Russian Federation, the

amendments and additions to various articles have been made more than 120 times. Despite the fruitful work of the legislator in the codified law, there is a significant gap in the law, namely the absence of norms containing the grounds for cancellation of the employment agreement with the employee who does not agree to continue work at the enterprise leased. This gap violates not only a system of legislation, but also results in non-compliance with the rights and freedoms of a person and a citizen. The current paper has presented a way to fill in the established gap by proposing new standards in the Labor Code of the Russian Federation, which will make the legislation more perfect. The presented opinion can be interesting for practitioners in the field of jurisprudence and in the field of enterprise human resource management. After all, it is the human resource service that is obliged to document the relationship between the employer and the employee.

Keywords: enterprise leasing; labor law; cancellation of an employment agreement; analogy by law.

Экономика России к началу 2020 г. является довольно устойчивой, без признаков рецессии, но при этом слаборастущей, без очевидных сигналов к интенсивному движению вверх. В таких непростых экономических условиях трудно начинать предпринимательскую деятельность с нуля, поэтому аренда предприятия, т.е. получение уже созданного, действующего бизнеса не может не представлять особый интерес для предпринимателей. Правовое регулирование такого рода отношений осуществляется § 5 гл. 34, ст. 656—664 ГК РФ. Несмотря на экономическую целесообразность данных отношений, стоит признать, что заключение договора аренды предприятия представляется в России редким явлением. Некоторые правоведы объясняют это недостаточностью доктринальной проработки теоретической базы, а также сравнительно малым объемом правоприменительной практики по этому вопросу [<https://www.top-personal.ru/estatelaw.html?89>]. Кроме того, нормативно-правовая база, регулирующая отношения, возникающие при аренде предприятия, не содержит нормы относительно трудовых отношений между работодателем — арендатором и работниками предприятия, что соответственно требует анализа действующего законодательства, подготовки соответствующих рекомендаций.

Договор аренды предприятия, как разновидность договора аренды недвижимости — это гражданско-правовой, возмездный, консенсуальный, договор. Данный договор совершается сторонами в письменной форме путем составления одного документа и подлежит государственной регистрации. Обращаем внимание, что несоблюдение формы договора аренды предприятия влечет признание его недействительным (ст. 658 ГК РФ).

Согласно действующему законодательству по договору аренды для осуществления предпринимательской деятельности арендодатель пере-

дает арендатору во временное владение и за плату предприятие целиком как имущественный комплекс (п. 1 ст. 656 ГК РФ).

Важно заметить, что предприятие — это не только здания, оборудование, оборотные средства и финансовые ресурсы, но в первую очередь — рабочий коллектив. В связи с тем, что работник является субъектом, наделенным правами и обязанностями, то передать его как вещь невозможно. Тогда возникает вопрос, как поступить с коллективом работников в случае заключения работодателем договора аренды предприятия. Действующее гражданское законодательство данный вопрос не регулирует, но и трудовое законодательство РФ не содержит конкретных норм, в которых упоминалось бы аренда предприятия. Кроме этого ТК РФ содержит императивное требование о запрете заемного труда (ст. 56.1).

Итак, попробуем разобраться, какие действия обязаны совершить стороны договора аренды предприятия по отношению к его работникам.

В соответствии с ТК РФ сторонами трудового договора являются работодатель и работник. Сам трудовой договор — это соглашение между ними, в соответствии с которым работодатель обязуется:

- предоставить работнику работу по обусловленной трудовой функции;
- обеспечить условия труда, предусмотренные трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами и данным соглашением;
- своевременно и в полном размере выплачивать работнику заработную плату.

В свою очередь работник обязуется лично выполнять определенную этим соглашением трудовую функцию в интересах, под управлением и контролем работодателя, соблюдать правила внутреннего трудового распорядка, действующие у данного работодателя (ст. 56 ТК РФ).

В случае аренды предприятия первоначально работодателем выступает арендодатель, а затем после передачи имущественного комплекса работодателем становится арендатор. В современных реалиях арендатору приходится принимать в аренду предприятие финансово не эффективное, но имеющее потенциал для развития. Порой достаточно определенных инвестиций, либо организационных изменений, а иногда просто сменить философию, стратегию деятельности, чтобы предприятие заработало по-новому. В большинстве случаев после перевода работников к арендатору предприятия у них изменяются условия трудового договора, не редко пересматриваются нормы труда, поэтому арендодатель обязан заблаговременно предупредить работников о предстоящей сдаче предприятия в аренду. Такое предупреждение обязательно оформляется в письменной форме и совершается не позднее чем за два календарных месяца до момента передачи предприятия в аренду (ст. 74, 162 ТК РФ).

Как указывалось ранее, действующее материальное законодательство в вопросе регулирования трудовых отношений при заключении договора аренды предприятия имеет пробел. Под «пробелом в праве» следует понимать как отсутствие не любой нормы права, а именно нормы права, которая непосредственно регулирует рассматриваемое правоприменителем общественное отношение

[http://www.kirov.arbitr.ru/press/press_self/235.html]. Предлагаем рассмотреть, что в таком случае предусматривает процессуальное законодательство РФ. Итак, в соответствии с ними в судебной практике в случае отсутствия необходимых норм права суд применяет нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм разрешает (рассматривает) дело, исходя из общих начал и смысла законодательства (аналогия права) (ст. 11 ГПК РФ, ст. 13 АПК РФ). Таким образом, законодатель сформулировал легальные определения аналогии права и аналогии закона, а также установил правовые основания применения судами права по аналогии.

Анализируя положения трудового законодательства РФ и следуя принципом аналогии закона, видно, что к рассматриваемому правоотношению следует применить положение ст. 75 ТК РФ. Указанная статья кроме прочих случаев регулирует трудовые отношения при смене собственника имущества организации и изменении подведомственности организации.

В ч. 2 и 5 данной нормы законодатель закрепил важное положение, а именно:

— смена собственника имущества организации не является основанием для расторжения трудовых договоров с другими работниками организации;

— изменение подведомственности (подчиненности) организации не может являться основанием для расторжения трудовых договоров с работниками организации или учреждения.

Следовательно, и при аренде предприятия трудовые отношения с работниками должны продолжать действовать. Важно заметить, что и срок трудового договора при этом так же не должен измениться. Другими словами, если до передачи предприятия в аренду трудовой договор был заключен с работником на неопределенный срок, то несмотря на обстоятельство, что арендатор становится для работника новым, временным работодателем, срок трудового договора от этого не меняется.

Реализовать практически соблюдение вышеуказанного условия позволяет положение п. 5 ч. 1 ст. 77 ТК РФ, где предусмотрено прекращение трудового договора в связи с переводом работника по его просьбе или с его согласия на работу к другому работодателю. Следовательно, после передачи предприятия в аренду его работники, желающие продолжить работу у работодателя-арендатора, должны быть переведены к нему через увольнение работодателем-арендодателем. Обращаем внимание на то, что

для переведенных работников устанавливать испытательный срок запрещено (ст. 70 ТК РФ). Данный механизм перевода работников позволяет не прервать их трудовой стаж. И если данное обстоятельство не имеет значение для работников частных предприятий, то для работников бюджетных предприятий и учреждений государственного сектора сохранение непрерывности трудового стажа имеет существенное значение, так как обусловлено сохранением ранее предоставляемых государством льгот.

Важно заметить, что актуальная проблематика прослеживается в отношениях, когда работник не согласен продолжить работу у работодателя-арендатора. В таком случае перед кадровой службой работодателя стоят непростые вопросы: по каким основаниям прекратить действие трудового договора с таким работником? какую запись совершить в его трудовой книжке и в сведениях о его трудовой деятельности в системе обязательного пенсионного страхования?

На практике многие работодатели в целях исключения судебных споров нередко предлагают работнику заключить с ними письменное соглашение и прекратить трудовой договор по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ — «соглашение сторон». При этом такие работодатели несут определенные финансовые расходы, ведь соглашение, как правило, содержит условие о выплате работнику компенсации в связи с увольнением с работы.

Не исключены в практике и случаи, когда арендодателю приходится увольнять «строптивных» работников по п. 2 ст. 81 ТК РФ — «расторжение трудового договора в связи с сокращением штата» с выплатой соответствующего выходного пособия. В данном случае первоначальный работодатель несет еще большие финансовые потери.

На наш взгляд, наиболее правильное решение содержится в ч. 3 и 6 ст. 75 ТК РФ, где говорится, что при отказе работника от продолжения работы в случаях:

- смены собственника имущества организации,
- изменения подведомственности (подчиненности) организации,

трудовой договор, заключенный с ним, прекращается в соответствии с п. 6 ст. 77 ТК РФ.

Следовательно, при аренде предприятия трудовые договоры с работниками, отказавшимися продолжить работу, должны быть прекращены именно по вышеуказанному основанию.

Не менее сложная проблема стоит перед арендатором в отношении руководителя предприятия, его заместителей и главного бухгалтера. В современных условиях арендатор с недоверием относится в руководству предприятия арендодателя, поэтому на ключевые должности, от которых зависит управление и организация хозяйственной деятельности предприятия, арендатор назначает, как правило, работников из «своей команды». Срок аренды предприятия зачастую имеет долгосрочный характер — от пяти лет и более длительный период, поэтому смена руководства пред-

приятия продиктована не только экономической целесообразностью, но и снижением коррупционных рисков. Поэтому считаем справедливым при расторжении трудовых договоров с руководителями арендованного предприятия обеспечить им трудовые гарантии, предусмотренные при сходных отношениях. Следуя принципу аналогии закона в случае расторжения трудовых договоров с руководителем предприятия, его заместителем и главным бухгалтером было бы правильным и справедливым, чтобы работодатель — арендатор предприятия выплатил указанным работникам компенсацию в размере не ниже трехкратного среднего месячного заработка работника (ст. 181 ТК РФ).

Не менее важным и актуальным является вопрос о возможности передачи арендодателем арендатору предприятия кредиторской задолженности по оплате труда. Особенность вопроса заключается в том, что положение ст. 657 ГК РФ, которое регулирует права кредиторов при аренде предприятия, не полностью согласуется с нормами трудового права, касающимися кредиторов-работников. Например, согласно п. 3 указанной статьи кредитор, который не был уведомлен о передаче предприятия в аренду, может предъявить иск об удовлетворении требований, по досрочному исполнению обязательства и возмещению причиненных убытков в течение одного года со дня, когда он узнал или должен был узнать о передаче предприятия в аренду. В свою очередь согласно ст. 392 ТК РФ работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех календарных месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Поэтому ст. 657 ГК РФ применяется к кредиторам-работникам только в той части, которая не противоречит положениям ТК РФ. Тем не менее из положений законодательства четко понятно, что стороны договора аренды предприятия вправе передать кредиторскую задолженность по оплате труда, но только с письменного согласия кредиторов-работников. В случае, если работники арендуемого предприятия не согласятся на такого рода перевод задолженности по оплате труда, то рассчитаться с ними обязан арендодатель предприятия.

В заключение считаем важным заметить, что в процессе исследования нами выявлен пробел в праве, который для развития арендных отношений органы публичной власти должны преодолеть и восполнить. Для разрешения обозначенной в статье проблемы полагаем необходимым внести в ТК РФ следующие дополнительные нормы (статьи):

1. «Статья 75.1. Трудовые отношения при передаче предприятия в аренду.

При передаче предприятия в аренду арендатор имеет право расторгнуть трудовой договор с руководителем предприятия, его заместителями и главным бухгалтером.

Передача предприятия в аренду не является основанием для расторжения трудовых договоров с другими работниками предприятия.

При отказе работника от продолжения работы в случаях, предусмотренных частью второй настоящей статьи, трудовой договор прекращается в соответствии с пунктом 6.1 статьи 77 настоящего Кодекса».

2. «Статья 181.2. Гарантии руководителю предприятия, его заместителям и главному бухгалтеру при расторжении трудового договора в связи с передачей предприятия в аренду.

В случае расторжения трудового договора с руководителем предприятия, его заместителями и главным бухгалтером в связи с передачей предприятия в аренду арендатор обязан выплатить указанным работникам компенсацию в размере не ниже трехкратного среднего месячного заработка работника, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом».

3. В ст. 77 Общие основания прекращения трудового договора.

В ч. 1 включить п. 6.1 следующего содержания:

«6.1) отказ работника от продолжения работы в связи с передачей предприятия в аренду (статья 75.1 настоящего Кодекса)».

Несмотря на схожесть предложенных норм со ст. 75, 181 ТК РФ, они являются новыми правилами и позволят восполнить законодательный пробел, а значит обеспечить соблюдение прав и свобод человека и гражданина, которые согласно Конституции РФ являются высшей ценностью.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

© Правкин Сергей Алексеевич

— кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Административное право,
экологическое право, информационное право»
Российского университета транспорта
Pravkin@bk.ru

© Смирнова Вера Владимировна

— кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Административное право,
экологическое право, информационное право»
Российского университета транспорта
veryvera@list.ru

Значение института административного контроля (надзора) в условиях применения рискориентированного подхода и «регуляторной гильотины»

Аннотация. В статье анализируются отдельные проблемы в сфере контрольно-надзорной деятельности, которые являются следствием применения «регуляторной гильотины» и создания новых регуляторных требований и изменения сути контрольно-надзорных мероприятий и действий. Риск-ориентированный подход определяет содержание требований по контролю (надзору). Данная реформа осуществляется параллельно с реформированием КоАП РФ, который должен создать определенную модель профилактики нарушений обязательных требований. Делаются выводы о необходимости более детальной разработки юридических понятий в законодательстве о контрольно-надзорной деятельности, предлагается учитывать положительный опыт действующего законодательства. Поэтому требуется избегать перегруженности закона новыми юридическими конструкциями, четче разграничивать материально-правовые и процессуально-правовые основы контрольно-надзорной деятельности. Несмотря на большую законотворческую работу, можно сделать вывод о некотором несовершенстве предлагаемых мер. Процесс создания целостного института контроля (надзора) далеко не окончен, при этом не надо начинать «с чистого листа», а следует учесть более ранние достижения проводимой административной реформы.

Ключевые слова: контроль; надзор; обязательные требования; «регуляторная гильотина»; дерегулирование; риск-ориентированный подход; контрольно-надзорное производство.

© **Sergey Al. Pravkin**

— Candidate of Law, docent, associate professor of the department of administrative law, environmental law, information law of the Law Institute of the Russian University of Transport

© **Vera V. Smirnova**

— Candidate of Law, docent, associate professor of the department of administrative law, environmental law, information law of the Law Institute of the Russian University of Transport

The importance of the administrative control (supervision) institution in the application of a risk-based approach and “regulatory guillotine”

Abstract. The current paper has analyzed individual problems in the control and supervision activities, which are a consequence of the use of “regulatory guillotine” and the creation of new regulatory requirements and changes in the control and supervision measures and actions. The risk-based approach has determined the content of the requirements for control (supervision). This reform is being carried out in parallel with the reform of the RF Co-AP, which should create a specific model to prevent violations of mandatory requirements. There have been drawn conclusions about the necessity to develop legal concepts in the legislation on control and supervision, and it has been proposed to take into account the positive experience of the current legislation. Therefore, it is necessary to avoid overloading the law with new legal structures, to more clearly distinguish between the substantive and procedural legal foundations of control and supervision activities. Despite the great legislative work, we could conclude that there are some imperfections in the proposed measures. The process of establishing a control (supervision) institution has not been finished yet, and it is not necessary to start “from the very beginning”, but there should be taken into account the earlier achievements of the current administrative reform.

Keywords: control; supervision; mandatory requirements; “regulatory guillotine”; deregulation; risk-based approach; control and supervision proceedings.

С 1 февраля 2020 г. «регуляторная гильотина» «отсекла» массив устаревших норм, что в целом является нормальным явлением. Департамент регуляторной политики должен произвести переоценку регуляторного воздействия.

Даст ли реформа контрольно-надзорной деятельности законченный правовой институт контроля (надзора) или перед нами — пока промежуточный вариант и новый этап реформирования контрольно-надзорной деятельности неизбежен. Не слишком ли много бланкетных норм несет проект нового закона о контрольно-надзорной деятельности? Существуют даже опасения, что таким образом могут быть «отменены» гарантии и достижения Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Опыт использования «регуляторной гильотины», когда вводится в действие новый закон в сфере контроля (надзора) и одновременно утрачивают силу все неактуализированные акты, различен: от хорошего результата (Швеция, Южная Корея) — до плохого (Украина). Что по факту получится в России, покажет время [2].

Процессуальная часть нового закона имеет нечеткие формулировки, нормативный материал не всегда связан со стадиями, контрольно-надзорных мероприятий много, есть некоторая «размытость» при выборе в проведении контрольно-надзорных мероприятий и действий. При этом предполагается большой объем отсылочных норм к подзаконным актам, административным регламентам, которые предусматриваются в каждой отрасли надзора (контроля) и содержат необходимую детализацию.

Данный проект реформы контрольно-надзорной деятельности был утвержден еще 21 декабря 2016 г. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Применяемая с 2019 г. процедура оценки фактического воздействия позволит устранить некоторые избыточные требования, но неспособна значительно улучшить существующее регулирование. Прежде всего, на «правовую гильотину» были отправлены обязательные требования, которые были установлены до 2010 г. Именно массив этих норм подвергся дерегулированию.

С 2019 г. Правительство РФ предложило не только сократить функции проверяющих органов, но и ряд самих органов. Существует некоторая опасность одновременного реформирования органов, их функций и правовой основы их деятельности, установление регуляторных норм при одновременном дерегулировании. Опасность также связана с тем, что могут проявиться дерегулированные сферы, не охваченные регуляторным воздействием.

Интенсивно данная реформа стала осуществляться с декабря 2016 г., срок конечной реализации — по 2025 г., с 2021 г. новый закон о контрольно-надзорной деятельности должен вступить в силу. Важно отметить, что уже с 2016 г. происходил переход организации контрольно-надзорной деятельности на основе риск-ориентированной модели в определенных видах контроля (надзора), которые определило тогда Правительство РФ.

Недостаточное распределение регуляторной функции и функции по контролю и надзору создает условия для коррупции. Профилактическая модель предупреждения правонарушений в сфере предпринимательства уже работает на основе Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». Например, уже действует практика вынесения предостережений о недопустимости нарушения обязательных требований. Кроме того, ежегодно утверждаются программы профилактики нарушений. Одновременно в ст. 19.7 КоАП РФ предусматривается ответственность за непредставление или неполное представление сведений, имеющих значение для органов контроля (надзора), соответственно контрольно-надзорными органами составляются протоколы об административных правонарушениях. В модели профилактики нарушений обязательных требований, прежде всего в соответствии со ст. 4.1.1. КоАП РФ, используется предупреждение в отношении субъектов малого и среднего бизнеса за впервые совершенное правонарушение.

На официальном сайте контрольно-надзорного органа, где содержится нормативная база, мероприятия по противодействию коррупции, сервисы по обращениям граждан (интернет-приемные), можно воспользоваться личным кабинетом проверяемого лица. В каждом ведомстве разрабатывается свой перечень мероприятий по противодействию коррупции. Контрольно-надзорные мероприятия осуществляются в соответствии с административными регламентами. Одновременно проводится мониторинг правоприменительной практики.

Правительством РФ 4 июля 2019 г. был подготовлен перечень федеральных органов исполнительной власти, которые принимают участие в реализации «регуляторной гильотины», и соответствующий перечень видов контроля (надзора). Идея Правительства РФ состоит в решении проблемы избыточной нагрузки на бизнес при осуществлении контроля (надзора), при этом планируется достижение системного макроэкономического эффекта.

Важным является вопрос оснований проведения контрольно-надзорных мероприятий. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ детально разграничивает основания для плановых и внеплановых проверок, процедуры, сроки. В целях противодействия грубым нарушениям при проведении контрольно-надзорных мероприятий и формиро-

вании единого подхода к организации и проведению правительственной комиссией по проведению административной реформы были подготовлены Методические рекомендации по подготовке и проведению профилактических мероприятий, направленных на предупреждение нарушения обязательных требований от 20 января 2017 г. № 1. Этот документ увязан с постановлением Правительства РФ от 17 августа 2016 г. № 806, которое ориентирует на применение риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов контроля (надзора).

Разработана и внедряется система оценки результативности и эффективности контроля (надзора). При этом результаты профилактических мероприятий носят рекомендательный характер и направлены на выявление причин несоблюдения обязательных требований.

Одним из главных инструментов новой системы является выдача предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований. Контрольно-надзорный орган должен стимулировать подконтрольных субъектов, добросовестно соблюдающих установленные требования. В постоянном режиме отслеживаются целевые показатели результативности проводимых мероприятий. План-графики профилактических мероприятий предусматривают определенную интенсивность, связанную с классом опасности. Административный регламент контрольно-надзорной деятельности должен отражать сведения о профилактической работе. Для каждого контрольно-надзорного органа разработаны индикативные показатели.

Система управления рисками и классы опасности также действуют, может, стоило их более детально сформулировать в действующем законе. Предусматриваются в проекте закона контрольно-надзорные мероприятия, некоторые из которых непонятно, как будут отличаться на практике. Например, контрольная закупка от мониторинговой закупки, выездная проверка от рейда и пр. Вводимые контрольные действия: выемка, сбор информации, осмотр, опрос, досмотр придают определенную процессуальную часть новому закону, но требуется большая взаимосвязь контрольно-надзорного мероприятия и действий.

По новому закону проверки и их продолжительность определяются классом опасности (риск-ориентированный подход). Например, объекты с низким уровнем опасности вообще не включаются в план проверки.

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ уже вводил модель профилактики и уходил от репрессивной модели контроля (надзора) с 2016 г. Вводился контроль без контакта с проверяемым. Хотя надо признать, что в действующем законе не хватает количества профилактических мероприятий, само понятие профилактики не закреплено, но в поправках к нему это уже было предусмотрено. Положительным моментом является внесение информации о проведенном мероприятии в единый ре-

есть проверки. Уже введены нормы, связанные с определением индикаторов риска обязательных требований.

Новый закон (проект) вводит системно риск-ориентированный подход как фактор определения качественно-количественных параметров мероприятия по контролю (надзору), устанавливает обязательность профилактических мероприятий и установления перечня обязательных требований в каждой сфере. При этом система управления рисками предполагает, что повышенный контроль будет применяться в отношении объектов с высоким классом опасности.

Действующий закон о контроле (надзоре) имеет ряд недостатков, коррупционная составляющая при согласовании проверок имеет место, рост внеплановых проверок при сокращении численности плановых — также факт.

Очередной этап административной реформы должен быть основан на опыте, накопленном с 2004 г., когда системно были разграничены органы исполнительной власти по функциональному критерию. Но происходило «снижение оперативности в подготовке нормативных правовых актов, негативное влияние разногласий и противоречий между федеральными министерствами и федеральными службами на процесс и результаты нормотворчества...» [2, стр. 69].

В России при реализации с 2016 г. программы по реформе контрольно-надзорной деятельности был определен принцип реформирования по аналогии с зарубежными государствами, что одно новое регуляторное требование вводится вместо двух отменяемых. Параллельно Минюст России реализует программу «Систематизация, сокращение количества и актуализация обязательных требований». Но насколько правильно выбраны сферы дерегулирования, все ли законодательство в сфере контроля (надзора) будет подвергнуто систематическому пересмотру, или это будут частичные изменения.

А. А. Гришковец весьма критично относится к разработке проекта закона в сфере контрольно-надзорной деятельности и его принятию, показывая положительные достижения административной реформы последних лет, что опираться в проведении изменений в данной сфере необходимо на Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ. Для совершенствования данной деятельности им предложено использование процедуры публичного доказывания, введения и перераспределения контрольно-надзорных функций органов исполнительной власти, дополнительно предусматривается механизм публичных административных консультаций с организациями предпринимателей по вопросам контрольно-надзорной деятельности [1].

Многие новые механизмы, включая модель профилактики нарушений, активно применяются и сейчас на базе действующего законодательства. Вопрос остается — так ли необходим был новый закон, при существующем

порядке контрольно-надзорной деятельности многое из того, что предлагается, давно успешно реализуется. А теперь это еще накладывается на конституционную реформу.

Предлагается также, что для решения задач контрольно-надзорной деятельности необходимо также реформировать и КоАП РФ. Нестабильность нормативного содержания Кодекса, по мнению сторонников реформы, влечет неопределенность в сфере реализации «регуляторной гильотины» и иных изменений в сфере контроля (надзора). Кодекс при этом должен быть не таким массивным, более компактным и универсальным для квалификации составов административных правонарушений. Но и здесь нужно исключить дробность, зачастую бессмысленную детализацию, неоднозначность административных составов [3].

Модель Кодекса с учетом реформы контрольно-надзорной деятельности должна измениться с репрессивной на профилактическую.

Важно продолжить функциональное обособление и распределение регуляторных и контрольно-надзорных полномочий и четко сформировать реестр обязательных требований с учетом риск-ориентированного подхода.

«Правовая гильотина» служит инструментом дерегулирования, но в этом и состоят «подводные камни». Можно ли создать в современных условиях и в условиях конституционной реформы действенный регуляторный механизм. Считается, что регуляторный механизм поможет России быстрее интегрироваться в систему международных стандартов, правил и норм. Известно, что страны Восточной Европы активно задействовали «гильотину», чтобы синхронизироваться с законодательством Европейского Союза. Но каждая реформа таит в себе «подводные камни», несет новые риски и не только положительный эффект. На наш взгляд, подход к проведению этой реформы должен быть более взвешенным и осторожным. Новый проект закона имеет много бланкетных норм, неточных юридических формулировок, смешивает понятия надзора и контроля, материально-правовые и процессуально-правовые основания, вводит целый ряд новых мероприятий и действий и пр. Тем более известно, что юридическое сообщество к обсуждению многих конструкций проекта закона о контрольно-надзорной деятельности привлекалось недостаточно.

Литература

1. Гришковец, А. А. Нужен ли России специальный федеральный закон о контрольно-надзорной деятельности? // Административное и муниципальное право. — 2016. — № 7. — С. 585—592.
2. Перов, С. В. Контрольно-надзорные и регуляторные функции федеральных органов исполнительной власти: проблемы разграничения в контексте административной реформы // Lex Russica. — 2019. — № 2 (147). — С. 69—75.
3. Реформа КоАП РФ: каким быть новому Кодексу? Комментарии М. Якушева, С. Пугинского, Ю. Старилова, Г. Есакова, Н. Травкиной, А. Рябова // Закон. — 2019. — № 7. — С. 17—29.

References

1. Grishkovets, A. A. Nuzhen li Rossii spetsial'nyy federal'nyy zakon o kon-trol'no-nadzornoy deyatel'nosti? [Does Russia Need a Special Federal Law on Control and Supervision Activities?]/// Administrativnoye i munitsipal'noye pravo. — 2016. — № 7. — S. 585—592.
2. Perov, S. V. Kontrol'no-nadzornyye i regul'yatornyye funktsii federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti: problemy razgranicheniya v kontekste administrativnoy reformy [Control and supervisory and regulatory functions of federal executive bodies: problems of differentiation in the context of administrative reform] // Lex Russica. — 2019. — № 2 (147). — S. 69—75.
3. Reforma KoAP RF: kakim byt' novomu Kodeksu? [Reform of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: what should be the new Code?] Kommentarii M. Yakusheva, S. Puginskogo, YU. Starilova, G. Yesakova, N. Travkinoy, A. Ryabova // Zakon. — 2019. — № 7. — С. 17—29.

ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 349.3

© Тимонина Ирина Владимировна

— кандидат юридических наук доцент кафедры «Теория права, история права и международное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Правовое регулирование социальных льгот в Российской Федерации

Аннотация. Автор исследует вопросы, связанные с порядком реализации социальных льгот по социальному обеспечению в отношении незащищенных категорий граждан и отмечает, что российское законодательство предусматривает социальные льготы для широкого круга лиц. В статье отмечается важная роль государства, направленная на социальную защиту недостаточно защищенных категорий граждан: ветеранов, молодежи, инвалидов и многодетных семей. В настоящее время государство разработало ряд дополнительных льгот гражданам, имеющим детей. Автор отмечает наиболее важные направления деятельности государственных органов в социальной сфере, и указывает на то, что основные функции социальных льгот отражают цели законодательного их закрепления и преимущества, их правовую природу и социальную значимость. Следует обратить внимание и на тот факт, что в основных функциях социальных льгот отражена их правовая природа и социальная значимость. Есть существенные отличия предоставления социальных льгот на федеральном и региональном уровне по порядку установления и источникам финансирования. В статье обращается внимание на необходимость повышения эффективности работы системы социальных льгот в Российской Федерации; совершенствование социального законодательства и решение имеющихся проблем в данной области.

Ключевые слова: социальная защита; социальные льготы; федеральные и региональные льготы; правовое регулирование; категории льготников; система льгот; инвалиды; пенсионеры; ветеран; многодетные семьи; совершенствование законодательства в социальной сфере.

© Irina V. Timonina

— Candidate of Law, associate professor of the department of theory of law, history of law and international law of the Law Institute of the Russian University of Transport

Legal regulation of social benefits in the Russian Federation

Abstract. The author has studied the issues related to the implementation of social benefits for social security of unprotected categories of citizens and has noted that the Russian legislation provides for social benefits for a wide range of people. The current paper has considered the important role of the state, aimed at social protection of such insufficiently protected categories of citizens as veterans, the youth, disabled people and large families. Currently, the government has developed a number of additional benefits for citizens with children. There have been established the most important areas of activity of state bodies in the social sphere, and indicated that the main functions of social benefits reflected the goals of their legislative consolidation and advantages, their legal nature and social significance. A great attention should also be paid to the fact that the basic functions of social benefits have reflected their legal nature and social significance. There are significant differences in the provision of social benefits at the federal and regional levels according to their establishment and sources of financing. The current paper has drawn attention to the necessity to increase the efficiency of the system of social benefits in the Russian Federation, to improve social legislation and solve existing problems in this area.

Keywords: social protection; social benefits; federal and regional benefits; legal regulation; categories of beneficiaries; system of benefits; disabled people; pensioners; veteran; large families; improvement of legislation in the social sphere.

Конституция РФ регламентирует статус России как социального государства, которое устанавливает гражданам гарантии социальной защиты по возрасту «в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом». В настоящее время в России сложилась многоукладная организационная форма системы социального обеспечения граждан, сформированы различные виды предоставления социальной помощи наименее защищенным слоям населения.

Главными организационно-правовыми формами социальной защиты населения России в настоящий момент считается обеспечение социальными льготами и пособиями особо нуждающимся категориям граждан; государственное социальное страхование и пенсионное обеспечение.

Социальные льготы предоставляются государством различным категориям граждан в зависимости от уровня дохода гражданина, пенсионного возраста, наличия инвалидности; от количества в семье несовершеннолетних детей или детей-инвалидов, а также от наличия особых заслуг гражданина перед государством и обществом.

Стоит отметить тот факт, что в последнее время правовой статус социальных льгот значительно вырос. Их введение необходимо для социального выравнивания границ между различными категориями граждан.

При предоставлении нуждающимся гражданам социальных льгот в каждом конкретном случае ведется учет признаваемых государством социально значимых обстоятельств. Исходя из этого и из того, что финансирование идет из федерального бюджета, во всех случаях государство предоставляет социальную защиту, в первую очередь, наименее защищенным категориям граждан.

Социальные льготы по системе социального обеспечения предоставляются только гражданину Российской Федерации по его заявлению, с предоставлением всех необходимых документов и носят адресный характер. Гражданин лично может выбрать ту форму помощи, которая ему необходима (денежная форма либо натуральная).

Социальные льготы делятся на виды:

- транспортные льготы;
- льготы, связанные с выплатой налога (например, освобождение от уплаты налога пенсионером на недвижимость, землю и транспортные средства);
- льготы, связанные с предоставлением жилья или жилищных субсидий;
- льготы, связанные с предоставлением квоты на медицинское лечение;
- льготы, предоставляемые пенсионерам (например, увеличение выплат лицам, достигшим 80 лет).

Основные функции социальных льгот отражают цели законодательного их закрепления и преимущества, правовую природу и социальную значимость.

В конце XX — начале XXI в. в России сложилась законодательная основа, регулирующая систему льгот в сфере социального обеспечения, устанавливаемых для наименее защищенных слоев граждан, проживающих на территории РФ.

Правовую основу реализации социальных льгот в настоящее время образуют Федеральные законы «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», «О государственной социальной помощи», «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы Чернобыльской АЭС» и другие.

Российское законодательство предусматривает социальные льготы для широкого круга граждан.

Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» регулирует государственную политику социального обеспечения граждан с ограниченными возможностями в Российской Федерации. Основным целевым направлением данного Закона заключается в предо-

ставлении инвалидам в равноправной доле с иными гражданами Российской Федерации экономических, социальных, гражданских, политических и иных форм права, которые обеспечены гражданам в соответствии с Конституцией РФ.

Необходимо отметить, что одной из приоритетных сфер правового регулирования аспектов социального обеспечения, касающихся льгот, является социальная защита детей. В 2019—2020 гг. государство значительно расширило систему льгот гражданам, имеющим детей. Правовая основа системы социальных льгот в Российской Федерации направлена на социальную поддержку многодетных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

С 1 января 2020 г. введены дополнительные льготы семьям с детьми (например, по предоставлению материнского (семейного) капитала). Теперь он предоставляется не только на второго и последующих детей, но и при рождении первого ребенка. Размер семейного капитала увеличен и зависит от количества детей, а основания его использования существенно расширены.

Социальные льготы по системе социального обеспечения предоставлялись и предоставляются вышеуказанным категориям граждан на основании Указа Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей»; Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей». Данные документы закрепляют условия и виды льгот, на которые имеют право дети-сироты; дети, оставшиеся без родительского попечительства и многодетные семьи.

Социальные льготы многодетным семьям предоставляются на основании предъявления удостоверения установленного образца, выданного на имя одного из родителей, подтверждающего статус многодетной семьи.

Многочисленной категорией льготников являются и ветераны, имеющие право на социальную поддержку согласно Федеральному закону «О ветеранах». Данный Закон обеспечивает социальные гарантии и льготы, социальную защиту ветеранов. Расходы на реализацию льгот для данной категории граждан возмещаются из федерального бюджета и за счет бюджетов субъектов РФ.

Федеральный закон «О ветеранах» считается одним из немногих законодательных актов, объединяющих несколько категорий граждан: ветеранов Великой Отечественной войны, ветеранов труда, ветеранов боевых действий.

Ряд социальных льгот, например, на транспорте, предоставляется такой многочисленной категории из наименее социально защищенных слоев населения, как школьники и студенты образовательных организаций Российской Федерации, на основании предъявляемых ими документов.

Необходимо отметить тот факт, что граждане, имеющие право на социальные льготы, делятся на две группы: категория граждан, которым предоставляются федеральные льготы (так называемые, федеральные льготники), и граждане, получающие льготы субъектов РФ (региональные льготники), что, напрямую, зависит от источника финансирования.

Главным отличием предоставления федеральных социальных льгот является то, что федеральные льготы обязательны к их предоставлению, если по законодательству в сфере социального обеспечения они предусмотрены, а их перечень строго устанавливается.

Региональные льготы устанавливаются по усмотрению органов власти конкретного субъекта РФ, а их перечень и размер напрямую зависит от бюджета региона.

Социальные льготы на региональном уровне в 2020 г. могут получать следующие категории граждан:

- дети-сироты;
- доноры, имеющие соответствующие награды;
- инвалиды и семьи с детьми, имеющие низкий уровень дохода;
- ветераны труда и пенсионеры, достигшие 80-летнего возраста.

Федеральные льготники, а также ветераны труда, инвалиды и неработающие пенсионеры Российской Федерации имеют больше привилегий и льгот, чем например, работающие граждане пенсионного возраста или региональные льготники.

В настоящее время для пенсионеров, достигших возраста 70 лет, установлены льготы по оплате капитального ремонта в многоквартирных домах, но только при условии их одиночного проживания в квартире и отсутствии дополнительного дохода, кроме получения ими пенсии.

В феврале 2020 г. в Государственную Думу внесен законопроект о восстановлении индексации пенсий для работающих пенсионеров, что было бы справедливо по отношению к этой многочисленной категории лиц, которые пополняют федеральный бюджет налоговыми отчислениями.

Работодатель не может отказать в заключении трудового договора лицам 55—60 лет (предпенсионный возраст) либо уволить их без оснований, установленных ТК РФ.

В отдельных регионах России (например, в Москве), для женщин, достигших 55 лет и, соответственно, мужчин, достигших 60 лет, сохранены льготы по оплате коммунальных услуг и транспортные льготы, независимо от повышения пенсионного возраста. Также вышеуказанной категории граждан установлено пособие по безработице в повышенном размере, что связано с повышением пенсионного возраста.

Граждане предпенсионного возраста имеют право на бесплатное повышение квалификации или переобучение по направлению органов службы занятости, в целях повышения своей конкурентоспособности на рынке труда.

Система социальных льгот в Российской Федерации носит значимый характер и будет реализована в полной мере, если будут полностью решены проблемы социальной защиты отдельных категорий граждан.

Эти проблемы могут быть решены только с применением различных механизмов: с помощью подъема экономики, дальнейшего совершенствования законодательства в социальной сфере, исследования имеющихся проблем в данной области.

Подводя итог, следует сказать, что наибольшей эффективности работы системы социальных льгот в Российской Федерации можно добиться лишь посредством развития и расширения нормативно-правовой базы, регулирующей аспекты предоставления социальных льгот гражданам, проживающим на территории РФ.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 346

© Кузьмин Валерий Николаевич

— кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории государства и права Академии труда и социальных отношений

Малое и среднее предпринимательство как инструмент реализации экономической функции государства

Аннотация. В статье излагаются проблемные области, оказывающие влияние на развитие малого и среднего предпринимательства, определяются критерии субъектов малого и среднего предпринимательства. Рассматривается стратегия развития субъектов малого и среднего предпринимательства как механизм, который позволит скоординировать действия органов власти всех уровней и обеспечить на этой основе соответствие принимаемых мер ожиданиям бизнеса и общества в целом по отношению к созданию благоприятных и комфортных условий для реализации предпринимательского потенциала граждан. Государственная политика в области развития малого и среднего предпринимательства является частью государственной социально-экономической политики и представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и направленных на обеспечение реализации целей и принципов. Автор подтверждает, что в сложившихся условиях одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства на современном этапе определен вывод на новый качественный уровень мер и инструментов поддержки малого и среднего предпринимательства. В статье указывается, что стратегическим ориентиром является увеличение доли малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте, что соответствует уровню западных стран. Наиболее значимые мероприятия представленной стратегии будут реализовываться в формате системных проектов с использованием методов проектного управления. Также в статье рассматриваются основные виды и формы государственной поддержки, меры поддержки и регулирования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

Ключевые слова: формирование конкурентной среды; оптимизация налоговых льгот; инновации и промышленное производство; предприни-

мательская деятельность; крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

© Valeriy N. Kuzmin

— Candidate of Law, docent, professor of the department of theory history of state and law of the Academy of Labour and Social Relations

Small and medium businesses as a tool to implement the state economic function

Abstract. The current paper has considered the problems that affect the development of small and medium businesses, the criteria for subjects of small and medium businesses. There has been considered the development strategy of small and medium businesses as a mechanism that will allow coordinating the actions of authorities and ensuring a conformity of measures with the expectations of businesses and society in respect to creating favorable and comfortable conditions for realizing the entrepreneurial potential of citizens. The state policy in the field of development of small and medium businesses is part of the state socio-economic policy and is a combination of legal, political, economic, social, informational, consultative, educational, organizational and other measures implemented by the state authorities of the Russian Federation, state power bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local authorities to implement goals and principles. The author has confirmed that currently, one of the priority tasks of state policy in small and medium businesses is to take the current policy to a new qualitative level of measures and tools to support small and medium businesses. The current paper has indicated that a strategic guideline is to increase the share of small and medium businesses in gross domestic production, which corresponds to the level of Western countries. The most significant activities of the considered strategy will be implemented in the system projects using project management methods. The paper has also discussed the main types and forms of state support, measures of support and regulation of small and medium businesses.

Keywords: formation of a competitive environment; optimization of tax benefits; innovation and industrial production; business activity; farms and individual businessmen/entrepreneurs.

Малое и среднее предпринимательство (далее — МСП) является основным звеном национальной экономики для многих развитых стран, поэтому для развития МСП нужна стабильно действующая система государственной поддержки. Внедрение эффективных финансовых инструментов и механизмов стимулирования МСП будет содействовать не только повы-

шению роли МСП в экономике России, но и переходу к инновационной модели развития общества в нашей стране.

Малое и среднее предпринимательство — основа рыночной экономики. Развитие МСП отвечает общемировым тенденциям к формированию гибкой смешанной экономики, сочетанию разных форм собственности и адекватной им модели хозяйственности, в которой реализуется сложный синтез конкурентного рыночного механизма и государственного регулирования крупного, среднего и мелкого производства.

В соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам МСП относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством РФ хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели.

В целях отнесения к субъектам МСП должны выполняться следующие условия, в частности:

а) для хозяйственных обществ, хозяйственных товариществ, хозяйственных партнерств — доля Российской Федерации, ее субъектов, муниципалитетов, общественных и религиозных организаций в складочном капитале не превышает 25%, а доля иностранного участия и юридических лиц, не являющихся субъектами МСП, — 49%;

б) среднесписочная численность работников: до 100 человек для малых предприятий (среди малых предприятий выделяются микропредприятия — до 15 человек), от 101 до 250 человек — для средних предприятий;

в) максимально допустимая сумма годовой выручки без НДС за предыдущий год: микропредприятия — 120 млн руб., малые предприятия — 800 млн руб., средние предприятия — 2 млрд руб.

Применение различных критериев отнесения предприятий к МСП в России обусловлено разными целями. Так, одни из них направлены на право применения упрощенной системы налогообложения, другие — на право применения единого налога на вмененный доход, третьи — на освобождение от уплаты НДС, четвертые — на получение субсидиарной помощи от государства. Правительство РФ отводит МСП большую роль в экономической политике государства, что является основанием для применения единого подхода отнесения предприятий к МСП независимо от цели.

«Динамика развития малого и среднего предпринимательства в России последние годы является положительной. МСП в России на начало 2018 г. — это 6,04 млн хозяйствующих субъектов, рабочие места для 16 млн граждан (22% от общего числа занятых)... Тем не менее доля малых и средних предприятий в ВВП остается низкой. В странах с развитой экономикой (Франция, Япония, США и Германия) доля компаний малого бизнеса в ВВП

составляет около 50—60%. В России же, по оценкам Минэкономразвития России, данный показатель равен 20—25%» [1].

Предпринимательской деятельности в России согласно результатам опроса, проведенного Российским союзом промышленников и предпринимателей, мешают следующие ключевые проблемы: снижение спроса; недостаток квалифицированных кадров; рост цен/тарифов, коррупция в органах власти; чрезмерное контрольно-надзорное давление на бизнес.

Кроме этого, к проблеме развития МСП в России можно отнести недостаточный доступ МСП к условно «стабильным» рынкам сбыта продукции в сфере государственных заказов. Нестабильность законодательства также существенно влияет на деятельность предприятий МСП в России [2].

Развитие МСП — одна из самых приоритетных государственных задач, поэтому государство оказывает активную поддержку, проводимую в рамках государственной политики, как на федеральном, так и на региональном уровнях для эффективного развития субъектов МСП.

Государственная политика в области развития МСП является частью государственной социально-экономической политики и представляет собой совокупность правовых, политических, экономических, социальных, информационных, консультационных, образовательных, организационных и иных мер, осуществляемых органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления и направленных на обеспечение реализации целей и принципов.

Основными целями государственной политики в области развития субъектов МСП в России являются:

- 1) формирования конкурентной среды;
- 2) обеспечение благоприятных условий для развития;
- 3) обеспечение конкурентоспособности;
- 4) содействие в продвижении производимых товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности на рынок России и рынки иностранных государств;
- 5) увеличение количества субъектов МСП;
- 6) обеспечение занятости населения и развитие самозанятости;
- 7) увеличение доли производимых субъектами МСП товаров (работ, услуг) в объеме валового внутреннего продукта;
- 8) увеличение доли уплаченных субъектами МСП налогов в налоговых доходах федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов.

Основными принципами государственной политики в области развития МСП в России являются:

- 1) разграничение полномочий по поддержке субъектов МСП между федеральными органами, субъектами РФ, органами местного самоуправления;

2) ответственность федеральных органов, субъектов РФ, органов местного самоуправления за обеспечение благоприятных условий для развития субъектов МСП;

3) участие представителей субъектов МСП, некоммерческих организаций, выражающих интересы субъектов МСП, в формировании и реализации государственной политики в области развития МСП, экспертизе проектов нормативных правовых актов РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления, регулирующих развитие МСП;

4) обеспечение равного доступа субъектов МСП к получению поддержки в соответствии с условиями ее предоставления, установленными государственными программами (подпрограммами) России, субъектов РФ, муниципалитетов.

Президентом России определены цели и основополагающие принципы совершенствования государственной политики по развитию конкуренции. Одним из основополагающих принципов является обеспечение развития МСП. Национальный план развития конкуренции в Российской Федерации на 2018—2020 годы (утвержден Указом Президента РФ от 21 декабря 2017 г. № 618) предусматривает, в частности, следующее: в каждой отрасли должно присутствовать не менее трех хозяйствующих субъектов, из них хотя бы один должен относиться к малому бизнесу (кроме сфер естественных монополий и оборонно-промышленного комплекса); к 2020 г. должно быть снижено количество «антимонопольных» нарушений органов власти не менее чем в два раза по сравнению к 2017 г.; также вдвое к этому времени должна быть увеличена доля госзакупок у малого бизнеса и социально ориентированных некоммерческих организаций и на 18% — закупок госкомпаний у МСП [3].

Финансовая поддержка в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» может осуществляться за счет средств бюджетов субъектов РФ, средств местных бюджетов путем предоставления субсидий, бюджетных инвестиций, государственных и муниципальных гарантий по обязательствам субъектов МСП и организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП.

Финансовая поддержка может осуществляться в разных формах, например:

- оптимизация налоговых льгот;
- развитие системы кредитования;
- оказание субъектам малого предпринимательства прямой финансовой помощи в виде гарантий по кредитам коммерческих банков;
- полная или частичная компенсации финансовым структурам недополученной прибыли при кредитовании малых предприятий по пониженной процентной ставке;

- совместное финансирование за счет бюджета и финансово-кредитных организаций;
- косвенная финансовая поддержка, нацеленная на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и накопления капитала в этом секторе экономики.

Сочетание мер прямой и косвенной поддержки должно способствовать формированию необходимого стартового капитала для вновь создаваемых, а также развитию существующих малых предприятий и преодолению негативной тенденции ухода этих предприятий от налогов.

Имущественная поддержка в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» осуществляется органами государственной власти, органами местного самоуправления в виде передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества. Указанное имущество должно использоваться по целевому назначению.

Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления утверждают перечни государственного имущества и муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам МСП.

Информационная поддержка в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления в виде создания федеральных, региональных и муниципальных информационных систем, официальных сайтов информационной поддержки субъектов МСП в сети «Интернет» и информационно-телекоммуникационных сетей и обеспечения их функционирования в целях поддержки субъектов МСП.

Информационная поддержка может обеспечивать МСП сведениями: о реализации федеральных и муниципальных программ развития малого бизнеса, о количестве субъектов предпринимательства и их классификации по видам деятельности, об обороте товаров (работ, услуг) небольших предприятий и предпринимателей, о финансово-экономическом состоянии субъектов МСП, в области маркетинга и развития бизнеса.

Проведенный Минэкономразвития России анализ показал, что одним из потенциально эффективных каналов информирования предпринимателей о программах поддержки малого и среднего бизнеса являются многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг, создание которых осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

Консультационная поддержка в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Феде-

рации» может осуществляться в виде: 1) создания организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП и оказывающих консультационные услуги субъектам МСП, и обеспечения деятельности таких организаций; 2) компенсации затрат, произведенных и документально подтвержденных субъектами МСП, на оплату консультационных услуг.

В консультационную инфраструктуру входят организации, образующие инфраструктуру поддержки субъектов МСП и оказывающие консультационные услуги, такие как: Центр поддержки предпринимательства (ЦПП), Региональный интегрированный центр (РИЦ), Центр инноваций социальной сферы (ЦИСС) и др.

Поддержка в сфере образования в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» может осуществляться в виде:

1) создания условий для подготовки кадров для субъектов МСП или их дополнительного профессионального образования;

2) учебно-методической и научно-методической помощи субъектам МСП.

Поддержка осуществляется путем разработки образовательных программ на основе государственных образовательных стандартов, создания условий для повышения профессиональных знаний специалистов, совершенствования их деловых качеств, подготовки их к выполнению новых трудовых функций в области МСП.

Поддержка в области инноваций и промышленного производства в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» может осуществляться в виде:

1) создания организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП и оказывающих поддержку субъектам МСП, в том числе технопарков, центров коммерциализации технологий, технико-внедренческих и научно-производственных зон, и обеспечения деятельности таких организаций;

2) содействия патентованию изобретений, полезных моделей, промышленных образцов и селекционных достижений, а также государственной регистрации иных результатов интеллектуальной деятельности, созданных субъектами МСП;

3) создания условий для привлечения субъектов МСП к заключению договоров субподряда в области инноваций и промышленного производства;

4) создания акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов.

На создание инфраструктуры поддержки МСП в области инноваций и промышленного производства из федерального бюджета выделяются субсидии. Поддержка осуществляется не только при создании инфраструктуры, но и по обеспечению ее деятельности, включая программы информи-

рования молодых людей в возрасте до 30 лет о возможностях МСП [4, стр. 65].

Действующим более года малым инновационным компаниям, производящим инновационные товары, осуществляющим инновационные работы или оказывающим инновационные услуги, выделяются субсидии федерального бюджета на возмещение затрат или недополученных доходов в размере до 5 млн руб.

Поддержка в области ремесленной деятельности в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» может осуществляться в виде:

1) создания организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП в области ремесленной деятельности, в том числе палат ремесел, центров ремесел, и обеспечения их деятельности;

2) финансовой, имущественной, консультационной, информационной поддержки, поддержки в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников, поддержки субъектов МСП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность в области ремесленной деятельности.

Государство осознает важность и необходимость сохранения, возрождения и развития народных промыслов и ремесел [5, стр. 37].

Основным видом поддержки является предоставление субсидий. Субсидии предоставляются организациям на безвозмездной и безвозвратной основе, например:

- на возмещение 50% тарифов на железнодорожные перевозки по территории РФ изделий народных художественных промыслов, изготовленных ими и отгруженных в предыдущем месяце;

- на возмещение не более 90% произведенных расходов за потребленные электрическую энергию и природный газ в предыдущем месяце на собственные промышленно-производственные нужды для производства изделий народных художественных промыслов (без учета НДС) и др.

Поддержка субъектов МСП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность в соответствии с Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» может осуществляться в виде:

1) сотрудничества с международными организациями и иностранными государствами в области развития МСП;

2) содействия в продвижении на рынки иностранных государств российских товаров (работ, услуг), результатов интеллектуальной деятельности, а также создания благоприятных условий для российских участников внешнеэкономической деятельности;

3) создания организаций, образующих инфраструктуру поддержки субъектов МСП и оказывающих поддержку субъектам МСП, осуществляю-

щим внешнеэкономическую деятельность, и обеспечения деятельности таких организаций;

4) реализации иных мероприятий по поддержке субъектов МСП, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Поддержка субъектов МСП, занимающихся сельскохозяйственной деятельностью, может осуществляться в формах и видах, предусмотренных Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», другими федеральными законами.

В связи с наложенными на Россию санкциями и курсом на импортозамещение государство уделяет большое внимание поддержке сельских производителей. На гранты фермерам в 2017 г. выделено 240 млрд руб. С 2017 г. увеличены максимальные размеры грантов: начинающим фермерам — с 1,5 млн руб. до 3 млн, семейным животноводческим фермам — с 21,6 млн руб. до 30 млн.

Реализация ряда мер, разработанных Правительством РФ за последние годы, способствует активизации создания благоприятных условий для развития МСП:

- с 2016 г. реализуется Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, в которой определены долгосрочные приоритеты государственной политики в сфере развития МСП;
- начато внедрение проектного подхода к поддержке МСП — распоряжение Правительства РФ от 31 января 2017 г. № 147-р «О целевых моделях упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации».

Эффективное развитие в сфере реализации государственной экономической политики в отношении предприятий МСП сдерживается либо декларативными решениями органов государственной власти, либо недостаточно проработанными мерами, принимаемыми по ключевым аспектам деятельности предприятий МСП, либо ошибочными управленческими решениями, которые не способствуют развитию малого и среднего бизнеса в России [6, стр. 141].

В сложившихся условиях одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере МСП на современном этапе определен вывод на новый качественный уровень мер и инструментов поддержки МСП. Стратегическим ориентиром является увеличение доли малых и средних предприятий в валовом внутреннем продукте в два раза (до 40%), что будет соответствовать уровню развитых стран. Наиболее значимые для МСП мероприятия Стратегии будут реализовываться в формате системных проектов с использованием методов проектного управления.

Стратегия развития субъектов МСП рассматривается как механизм, который позволит скоординировать действия органов власти всех уровней, представителей предпринимательского сообщества и организаций инфра-

структуры поддержки и обеспечить на этой основе соответствие принимаемых мер ожиданиям бизнеса и общества в целом по отношению к созданию благоприятных и комфортных условий для реализации предпринимательского потенциала граждан [7, стр. 148].

Малое и среднее предпринимательство является основным звеном национальной экономики для многих развитых стран, поэтому для развития МСП нужна стабильно действующая система государственной поддержки. Внедрение эффективных финансовых инструментов и механизмов стимулирования МСП будет содействовать не только повышению роли МСП в экономике России, но и переходу к инновационной модели развития общества в нашей стране.

Литература

1. Аношкин, А. Н. Проблемы малого и среднего предпринимательства в России, связанные с экономической политикой государства [Электронный ресурс] // Журнал Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2016. — Т. 5. — № 4(17) // URL <http://napravo.ru/zhurnal-ani-ekonomika-i-upravlenie-journal-asr-economics-and-management/>
2. Бобошко, В. И. Финансовая поддержка как основа обеспечения экономической безопасности субъектов малого и среднего предпринимательства // Вестник экономической безопасности. — 2018.
3. Кузнецова, А. И. Условия ведения и развития малого и среднего бизнеса / А. И. Кузнецова, Е. Б. Белик // Экономика и бизнес. — 2018. — № 7. — С. 72—81.
4. Котенев, И. О. Актуальные проблемы и перспективы развития института поручительства в органах внутренних дел / И. О. Котенев, И. В. Будило, В. Н. Кузьмин // Труды Академии управления МВД России. — 2008. — № 4(8). — С. 16—19.
5. Корнев, А. В. Обеспечение химической и биологической безопасности населения, биосферы и объектов техносферы как направление государственной политики / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, Ю. А. Аксаев // Труд и социальные отношения. — 2010. — № 11(77). — С. 61—70.
6. Корнев, А. В. Особенности правового регулирования в сфере охраны окружающей природной среды (на примере Японии) / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, Ю. А. Аксаев // Труд и социальные отношения. — 2011 — № 1. — С. 141.
7. Корнев А. В. Роль экологической безопасности в мировом политическом процессе / А. В. Корнев, В. Н. Кузьмин, И. В. Кузьмин // Труд и социальные отношения. — 2012 — № 7(97). — С. 145—155.

References

1. Anoshkin, A. N. Problemy malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossii, svyazannyye s ekonomicheskoy politikoy gosudarstva [Problems of small and medium-sized enterprises in Russia associated with the economic policy of the state] [Elektronnyy resurs] // Zhurnal Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye. — 2016. — T. 5. — № 4(17) // URL <http://napravo.ru/zhurnal-ani-ekonomika-i-upravlenie-journal-asr-economics-and-management/>
2. Boboshko, V. I. Finansovaya podderzhka kak osnova obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti sub'yektov malogo i srednego predprinimatel'stva [Financial support as the basis for ensuring the economic security of small and medium-sized enterprises] // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2018.

3. Kuznetsova, A. I. Usloviya vedeniya i razvitiya malogo i srednego biznesa [Conditions for the conduct and development of small and medium-sized businesses] / A. I. Kuznetsova, Ye. B. Belik // *Ekonomika i biznes*. — 2018. — № 7. — S. 72—81.
4. Kotenev, I. O. Aktual'nyye problemy i perspektivy razvitiya instituta po-ruchitel'stva v organakh vnutrennikh del [Actual problems and prospects for the development of the guarantee institution in the internal affairs bodies] / I. O. Kotenev, I. V. Budilo, V. N. Kuz'min // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. — 2008. — № 4(8). — S. 16—19.
5. Kornev, A. V. Obespecheniye khimicheskoy i biologicheskoy bezopasnosti nasele-niya, biosfery i ob"yektov tekhnosfery kak napravleniye gosudarstvennoy po-litiki [Ensuring the chemical and biological safety of the population, biosphere and tech-nosphere objects as a direction of state policy] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, YU. A. Aksayev // *Trud i sotsial'nyye otno-sheniya*. — 2010. — № 11(77). — S. 61—70.
1. Kornev, A. V. Osobennosti pravovogo regulirovaniya v sfere okhrany okruzha-yushchey prirodnoy sredy (na primere Yaponii) [Features of legal regulation in the field of environmental protection (on the example of Japan)] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, YU. A. Aksayev // *Trud i sotsial'nyye otnosheniya*. — 2011 — № 1. — S. 141.
6. Kornev A. V. Rol' ekologicheskoy bezopasnosti v mirovom politicheskom pro-tsesse [The role of environmental safety in the global political process] / A. V. Kornev, V. N. Kuz'min, I. V. Kuz'min // *Trud i sotsial'nyye otno-sheniya*. — 2012 — № 7(97). — S. 145—155.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 336.22:657

© Шатская Ирина Ивановна

— кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
«Административное право, экологическое право,
информационное право» Юридического института
Российского университета транспорта
irina_shatskaya@mail.ru

Изменения бухгалтерского и налогового законодательства в 2020 году

Аннотация. В текущем году работа в сфере бухгалтерского и налогового учета предприятий началась в условиях существенно скорректированного законодательства. В целом изменений много, и они затрагивают самые разные аспекты хозяйственной жизни предприятий. В 2020 г. внесены изменения: в расчеты различных налогов, страховых взносов; в увеличение предельной базы начисления страховых взносов; в специальную оценку; в порядок представления отчетности; в формы отчетности; в сроки сдачи некоторых отчетов; в трудовые отношения; в порядок выплаты заработной платы; в повышение минимального размера оплаты труда; в изменение максимального и минимального размера больничных и пособий. Кроме того изменения затронули упрощенную систему; единый налог на вмененный доход. В 2020 г. службам предприятий, которые заняты решением вопросов бухгалтерского и налогового учета, предстоит учесть в работе изменения и нововведения в законодательстве, многие из которых уже вступили в силу в наступившем году, другая их часть ожидает внедрения в течение всего года или находится в стадии разработки проектов нормативных правовых актов.

Ключевые слова: бухгалтерский учет; отчетность; налоговый учет; налоги; изменения; нововведения.

© Irina Iv. Shatskaya

— Candidate of Economic Sciences, docent, associate professor
of the department of the administrative law, environmental law,
information law of the Law Institute of the Russian University of Transport

The changes in accounting and tax legislation in 2020

Abstract. In the current year the accounting and tax accounting of enterprises has begun in conditions of substantially amended legislation. In general, there are many changes, and they have affected a variety of aspects of the economic life of enterprises. In 2020 there were made the changes in the calculation of various taxes and insurance premiums; in the increase of the marginal base for calculating insurance premiums; in a special assessment; in a reporting procedure; in the forms of reporting; in time for the delivery of certain reports; in labor relations; in the procedure for payment of wages; in the increase of a minimum wage; in the amount of a maximum and minimum size of certificates of sickness and allowances. In addition, the changes have affected the simplified system of taxation; a single tax on imputed income. In 2020 the services of enterprises that are engaged in resolving issues of accounting and tax accounting will have to take into account changes and innovations in the legislation, many of which have already entered into force, some of them are waiting for implementation throughout the year or are at the stage of development of draft regulatory acts.

Keywords: accounting; reporting; tax accounting; taxes; changes; innovations.

Бухгалтерский и налоговый учет на предприятиях ведутся в соответствии с законодательством РФ в области бухгалтерского учета и налогообложения, которые регулярно претерпевают корректировки, изменения, нововведения.

В 2020 г. существенные поправки произошли в бухгалтерском учете и отчетности предприятий: в порядке представления отчетности; в формах отчетности и сроках сдачи некоторых отчетов. Также вступили в силу изменения в налоговом законодательстве, которые затронули налог на добавленную стоимость (НДС); налог на доходы физических лиц (НДФЛ); налог на прибыль; налог на имущество; упрощенную систему налогообложения (УСН), единый налог на вмененный доход (ЕНВД),

Бухгалтерская отчетность предприятий за 2020 г. будет сдаваться в налоговую инспекцию, отчетность в органы статистического управления представляться не будет. Отчетность для органов статистики, вместе с другими отчетными документами, будет представляться в налоговую инспекцию на основании Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 444-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О бухгалтерском учете”», который вступил в силу с 1 января 2020 г. Сроки сдачи бухгалтерской отчетности в 2020 г. для предприятий останутся прежними.

Функции по ведению информационного ресурса, сформированного на основании бухгалтерской отчетности за 2019 г. и последующие годы, пе-

реданы в сферу деятельности ФНС России. До 2020 г. функции по сбору данных из бухгалтерской отчетности для формирования статистического информационного ресурса предприятий собирал Росстат. Доступ к электронной базе с отчетностью будет предоставляться заинтересованным лицам за плату. Отчетность за периоды до 2019 г. будет предоставлять Росстат бесплатно.

С 2020 г. сдача отчетности в электронном виде станет обязательной для всех предприятий. Руководители предприятий смогут подписывать электронную бухгалтерскую отчетность при помощи электронной подписи.

Кроме того, с 2020 г. бухгалтерская отчетность будет сдаваться в новых формах. Изменения внесены как в заголовочные части бухгалтерских форм, так и непосредственно в сами формы (приказ Минфина России от 19 апреля 2019 г. № 61н «О внесении изменений в приказ Министерства финансов Российской Федерации от 2 июля 2010 г. № 66н “О формах бухгалтерской отчетности организаций”»).

В заголовочную часть формы бухгалтерского баланса внесена поправка путем добавления строки об обязательном аудите, что позволит на этапе составления отчетности группировать предприятия по принадлежности обязательности аудита или его отсутствию в рамках закона (ст. 18 Федерального закона от 6 декабря 2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»).

Отчетность будет представляться в тысячах рублей. Единица измерения «миллион» не будет применяться в отчетности, что позволит привести отчетность всех предприятий к единообразию.

Изменения внесены в отчет о финансовых результатах. Налог на прибыль в отчете разделен на текущий налог на прибыль и отложенный налог на прибыль, за счет изменения строк в отчетности. Строки текущий налог на прибыль, в том числе постоянные налоговые обязательства (активы) заменены на налог на прибыль, в том числе текущий налог на прибыль.

Также в форму отчета о финансовых результатах добавлена новая строка налог на прибыль от операций, результат которых не включается в чистую прибыль (убыток) периода.

В отчетах об изменении капитала, отчете о движении денежных средств и отчете о целевом использовании средств изменились коды общероссийского классификатора управленческой документации (ОКУД) — основание изменения № 112/2019 ОКУД введено в действие 1 августа 2019 г. с правом досрочного применения в правоотношениях, установленных приказами Росстата.

В бухгалтерской отчетности с 2020 г. необходимо будет выделять сведения о прекращении использования долгосрочных активов к продаже, в состав которых входят: основные средства и внеоборотные активы, которые не используются по причине продажи; материальные ценности для

продажи, которые остаются частично от выбывающих внеоборотных активов, и поступившие материальные ценности после модернизации, реконструкции или ремонта (приказ Минфина России от 5 апреля 2019 г. № 54н «О внесении изменений в Положение по бухгалтерскому учету “Информация по прекращаемой деятельности” ПБУ 16/02, утвержденное приказом Министерства финансов Российской Федерации от 2 июля 2002 г. № 66н»).

Долгосрочные активы к продаже надо учитывать обособленно от других активов или в составе оборотных активов. В том случае, если долгосрочные активы к продаже имеют показатель, соответствующий стоимости долгосрочного актива, их надо отражать отдельной строкой в составе внеоборотных активов, в обратном случае их необходимо включаться в состав прочих оборотных активов

Если предприятие прекращает использовать долгосрочные активы к продаже в своей деятельности, то это должно быть отражено в отчетности в составе информации о прекращаемой деятельности до тех пор, пока по этой деятельности не завершатся все расчеты. До этого нововведения информацию о прекращаемой деятельности раскрывали в отчетности до отчетного периода, в котором завершили программу по прекращению деятельности и расчеты по завершенной программе в ряде случаев оставались не законченными.

Произошли изменения в отношении транспортного и земельного налога для предприятий. За 2020 г. предприятия не будут сдавать декларации по этим налогам, но при этом транспортный и земельный налоги необходимо заплатить. Теперь налоговая инспекция сама будет присылать сообщение о сумме налога на основании предыдущих расчетов и оплат. В том случае, если предприятие не получит сообщение о сумме налога на вновь приобретенное транспортное средство или земельный участок, то оно должно уведомить налоговую инспекцию с приложением к сообщению копий документов, подтверждающих регистрацию транспортного средства или право собственности на земельный участок. Основанием стало вступление в силу Федерального закона от 15 апреля 2019 г. № 63-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 9 Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах”».

С 2020 г. срок сдачи годового расчета по форме 6-НДФЛ и справки 2-НДФЛ установлены до 1 марта (действующий срок подачи годовой отчетности по подоходному налогу был до 1 апреля года следующего за отчетным годом) установлены Федеральным законом от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации».

Сроки сдачи годового расчета по форме 6-НДФЛ и справки 2-НДФЛ за 2019 г. — 2 марта 2020 г., за 2020 г. — 1 марта 2021 г. Квартальные формы 6-НДФЛ будут подаваться в те же сроки, что и прежде — до окончания месяца, следующего за отчетным периодом.

Бланки отчетов и периодичность подачи в течение года останутся прежними. Налоговые агенты должны руководствоваться действующими приказами и разъяснениями ФНС и Минфина России.

С 2020 г. введены новые правила для предприятий с обособленными подразделениями. Новизна заключается в том, что налоговую отчетность нужно предоставлять в налоговую инспекцию по месту регистрации предприятия. В том случае, когда и само предприятие, и обособленное подразделение находятся в одном округе, то отчитываться в налоговую инспекцию необходимо по месту учета предприятия, если же в разных, то выбирается то, по месту учета которого будут уплачиваться НДФЛ и сдаваться отчеты в налоговую инспекцию за все остальные подразделения предприятия в этом округе. Изменить решение в течение года будет запрещено, кроме некоторых случаев, предусмотренных законодательством.

Изменения коснулись НДФЛ в части отмены формы 4-НДФЛ для индивидуальных предпринимателей, которое заключается в том, что они теперь будут самостоятельно рассчитывать авансы по итогам квартала, полугодия, девяти месяцев, без подачи декларации 4-НДФЛ о предполагаемом доходе.

Также расширен список доходов, с которых НДФЛ не удерживается. К ним относятся: оплата дороги к месту отпуска и назад работникам, работающим в условиях севера и их семьям (п. 3 ст. 217 НК РФ); выплаты за дополнительный выходной по уходу за ребенком-инвалидом; доходы в натуральной или денежной форме, полученные в связи с рождением ребенка.

С начала 2020 г. все предприятия сдают в Пенсионный фонд РФ новый отчет СЗВ-ТД, в котором отражаются данные о трудовых книжках в электронном виде (с 2020 г. необходимо вести бумажную и электронную трудовые книжки).

Новым по НДС в наступившем году стало восстановление НДС при переходе на специальные режимы (ст. 170 НК РФ), согласно которому предприятие при переходе на специальный режим по одним видам деятельности с сохранением общего режима налогообложения по другим видам деятельности вправе восстановить НДС, который был ранее принят к вычету. Восстановление производится в том налоговом периоде, когда в деятельности, переведенной на ЕНВД, реально начнут использоваться товары, работы, услуги, основные средства, нематериальные активы. Такие нововведения позволят предприятиям и индивидуальным предпринимателям значительно сократить восстанавливаемые суммы НДС, а также исклю-

чить возможность использования схем ухода от налогообложения при реорганизации предприятий.

Кроме того при создании нематериальных активов предприятия смогут заявить вычет по НДС после принятия на учет соответствующих товаров, работ, услуг, имущественных прав (ст. 171 и ст. 172 НК РФ).

Следующее изменение коснулось исключения упрощенного порядка расчета и уплаты НДС плательщиками единого налогового платежа (ЕНП) — налога с оборота, к плательщикам которого в этом году добавились иностранные юридические лица, осуществляющие деятельность в Узбекистане через постоянные учреждения.

В 2020 г. перечень объектов недвижимого имущества, подлежащего налогообложению по кадастровой стоимости предприятий, расширен. По кадастровой стоимости будет облагаться вся коммерческая недвижимость предприятий, в состав которой войдут: жилые дома, квартиры, комнаты, гаражи, машино-места, единый недвижимый комплекс, объекты незавершенного строительства и иные здания, строения, сооружения, помещения, расположенные в Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе (ст. 378.2 НК РФ), что в свою очередь неизбежно отразится на дополнительной налоговой нагрузке предприятий, так как часть из них в предыдущий список не входила. Для завершенности решения этого вопроса региональные власти готовят списки недвижимого имущества, по которым уже происходит оплата налога на имущество от кадастровой стоимости.

Кроме того в НК РФ появилось специальное правило определения дохода от продажи объекта недвижимости, образованного в течение налогового периода. Доход от продажи таких объектов будут сравнивать с его кадастровой стоимостью, умноженной на коэффициент 0,7. Кадастровая стоимость определяется на дату постановки объекта на кадастровый учет.

Отменен расчет авансовых платежей по налогу на имущество.

Изменения затронули налог на прибыль в части переноса убытков, которое заключается в том, что предприятиям пять лет нельзя будет полностью списывать старые убытки (поправки внесены в ст. 283 НК РФ). В данный момент законодательно разрешено предприятиям уменьшать базу по налогу на прибыль на убыток прошлых лет не более чем на 50%, такой порядок останется до 2025 г.

Также уточнен порядок отнесения имущества к амортизируемому. Само понятие амортизируемое имущество осталось прежним (результаты интеллектуальной деятельности, срок полезного использования которых более года и первоначальная стоимость более 100 тыс. руб.), но при этом появилась необходимость формирования остаточной стоимости такого имущества, даже в тех случаях, когда это имущество временно не использовалось в деятельности, направленной на получение дохода (ст. 256 НК РФ).

Также регламентирован порядок применения налогоплательщиками того или иного метода начисления амортизации. Метод начисления амортизации налогоплательщикам разрешено менять один раз в пять лет (ст. 259 НК РФ). На данный момент ограничения пятилетнего запрета действовали только для перехода с нелинейного на линейный метод начисления амортизации.

При реорганизации предприятий будет установлен особый порядок учета прибыли (убытков) путем внесения исправлений в налоговую декларацию текущего периода. Суммы излишне уплаченного налога на прибыль предприятий в срок более трех лет со дня уплаты указанной суммы налога не будут подлежать возврату, что позволит исключить незаконную налоговую оптимизацию.

Изменения коснулись страховых взносов во внебюджетные фонды в части установления новой предельной базы по сумме выплат в пользу работника. На основании постановления Правительства РФ от 6 ноября 2019 г. № 1407 увеличен лимит по пенсионным взносам до 1292 млн руб. В 2019 г. показатель был равен 1150 млн руб. (постановление Правительства от 28 ноября 2018 г. № 1426). Предельные величины по взносам на материнство увеличены и составляют 912 тыс. руб. Этот показатель в 2019 г. составлял 865 тыс. руб.

Ставки страховых взносов для работодателей в 2020 г. остались на уровне 2019 г. с совокупным тарифом 30% и стали постоянными. В 2020 г. применяются тарифы (п. 2 ст. 425 НК РФ):

- Пенсионный фонд РФ — 22% в рамках предельной величины базы и 10% при ее превышении;
- Фонд социального страхования РФ — 2,9%;
- Федеральный фонд обязательного медицинского страхования — 5,1%;
- травматизм — от 0,2% до 8,5%

Изменениями с 2020 г. по отношению к оплате труда стало: расчет заработной платы в соответствии с новым МРОТ (минимальный размер платы труда), когда заработную плату надо поднять до уровня 12 130 руб., вместо предыдущего значения 11 280 руб. Повышенный МРОТ обяжет работодателей пересмотреть зарплаты сотрудников: за полностью отработанный месяц заработная плата не может быть ниже МРОТ, что окажет влияние на размер иных выплат работникам: больничных, декретных, детских пособий, средний заработок для отпускных и командировочных и др.

Кроме того в платежных поручениях введены новые коды на перечисление зарплаты: в поле 20 платежного поручения указывается код вида выплаты. Банк России утвердил разные коды для зарплаты, пособий и возмещения вреда. Новая кодировка введена для того, чтобы судебные

приставы знали, с каких выплат можно удерживать средства по исполнительным листам.

В 2020 г. одно из нововведений — новый переходный режим для предприятий на УСН, который позволяет нарушить предыдущий налоговый режим, в части увеличения дохода и среднесписочной численности предприятия до конца текущего периода и в течение еще одного — следующего. Так, если за год доход предприятия превысил 150 млн руб. (но не более чем на 50 млн руб.), а среднесписочная численность работников предприятия составила более 100 человек (увеличена, но не более чем на 30 человек), предприятие сможет остаться на спецрежиме, но при этом налог для налогоплательщиков, уплачивающих налог с доходов, увеличивается с 6 до 8%, а для налогоплательщиков, у которых объектом налогообложения является «доходы минус расходы», — с 15 до 20%. Но если в следующем налоговом периоде предприятие или предприниматель вновь нарушат условия (с учетом увеличений), то они утратят право применять УСН или ЕНВД.

Налогоплательщиков по УСН освободят от отчетности в ФНС России, при условии, если применяется объект налогообложения «доходы» и работа производится с использованием онлайн-кассы. Кроме того, упрощенцы, которые перешли на новый режим «УСН-онлайн», не будут подавать ежегодные налоговые декларации. С 1 июля 2020 г. упрощенцы не будут сдавать декларацию по УСН. Новые технологии помогли избавить малый бизнес от обязанности сдавать отчетности.

С 2020 г. списывать расходы на недвижимость станет проще и быстрее (Федеральный закон от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ), так как предприятиям не надо будет документально подтверждать, что документы уже поданы на регистрацию прав на объект. До вступления в силу закона предприятию надо было показывать документы, которые бы доказывали, что оно подало документы на регистрацию прав на объект.

Также введены новые правила учета расходов за счет субсидий. Предприятия на УСН смогут учитывать расходы до того, как получают субсидию от государства. Сейчас предприятия, которым предоставили субсидию, учитывают расходы, когда уже получили субсидию. Действующий порядок учета субсидий предусматривает, что учитывать расходы можно и до получения субсидии в рамках этого же налогового периода, и распространяется не только на случай, когда субсидия получена для покупки имущества, работ или услуг, но также и когда субсидия получена для компенсации расходов (Федеральный закон от 29 сентября 2019 г. № 325-ФЗ).

В 2021 г. ЕНВД отменяют, поэтому в течение года предприятиям должны будет перейти на общий режим или на УСН.

Уплата налоговых и административных штрафов с 2020 г. производится по новым кодам бюджетной классификации (КБК): для штрафов по первой части НК РФ (в разрезе нарушений); для административных штра-

фов за просрочку декларации, непредставление сведений в инспекции ФНС России и другие нарушения в области финансов, налогов и сборов, нарушения законодательства о государственной регистрации, незаконную продажу товаров, неприменение контрольно-кассовой техники и т.д.

Правильно организованные бухгалтерский и налоговый учет, исходя из своевременно учтенных законодательных изменений, важны не только для каждого конкретного предприятия, но и для государственной финансовой системы в целом.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378

© Груздева Людмила Михайловна

— кандидат технических наук, доцент кафедры
«Информационные технологии в юридической деятельности
и документационное обеспечение управления» Юридического
института Российского университета транспорта (МИИТ)

О формировании цифровых компетенций при подготовке специалистов юридического профиля

Аннотация. Автор обращает внимание на необходимость формирования цифровых компетенций у будущих специалистов юридического профиля с целью обеспечения качества подготовки кадров для цифровой экономики России. В статье представлен опыт внедрения программ для составления субъективных портретов в учебный процесс высшего учебного заведения.

Ключевые слова: высшее юридическое образование; информационные технологии; цифровые компетенции.

© Lyudmila M. Gruzdeva

— Candidate of Technical Sciences, associate professor
of the department of informational technologies in jurisprudence
and management documentation of the Law Institute
of the Russian University of Transport

On the formation of digital competencies in training of legal specialists

Abstract. The author of the current paper has considered the necessity to form digital competencies among future legal specialists in order to ensure the quality of staff training for the digital economy of Russia. The current paper has presented the experience of implementing programs for the preparation of subjective portraits in the educational process of a higher educational institution.

Keywords: higher legal education; Information Technology; digital competencies.

Владение современными информационными технологиями и средствами коммуникации является необходимым условием для осуществления продуктивной профессиональной деятельности, даже в сферах, которые, на первый взгляд, далеки от компьютерной техники. Одной из таких областей является юридическая деятельность, в которой цифровые технологии, в частности, помогают значительно ускорить поиск, обработку и анализ необходимой информации.

Обеспечение качества подготовки специалистов юридического профиля для цифровой экономики (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы») достижимо лишь на основе органичного применения цифровых инструментов учебной деятельности при осуществлении вузовского образования, формирования у студентов цифровых компетенций. Однако численность подготовки кадров и соответствие образовательных программ нуждам цифровой экономики недостаточны. В системе образования имеется серьезный дефицит кадров в образовательном процессе всех уровней образования.

В настоящее время большая часть первокурсников специальностей юридического профиля искренне убеждены, что компьютерная грамотность, знания в области информационно-коммуникационных технологий им не нужны и не пригодятся в будущей профессиональной деятельности, хотя бы потому, что вступительным испытанием не является ЕГЭ по информатике. Ежедневное и повсеместное использование гаджетов не формирует у студентов достаточных умений и навыков в области цифровых технологий, а также мотивации к их изучению. Информатика как школьный предмет не является обязательным в 10—11 классах школ Российской Федерации, что также не способствует формированию у абитуриентов высокого уровня использования персональных компьютеров и сети «Интернет».

Задача преподавателей высших учебных заведений, а особенно, дисциплин информационно-правового цикла, раскрыть студентам вопросы о цифровой грамотности, как необходимого качества для дальнейшей профессиональной деятельности и достойного трудоустройства, а также карьерного роста в условиях развития цифровой экономики. Даная задача разрешима, в том числе за счет внедрения в учебный процесс специализированных информационных систем и сервисов, а также систем профессионально ориентированных заданий [1].

Автор статьи в учебном процессе использует различные системы «Фоторобот», в том числе онлайн-версии [2]. На занятиях студенты приобретают навык перевода словесного портрета (а это, зачастую, единственная информация у криминалистов) в графическое изображение. Кроме этого, студентам предоставляется возможность попрактиковаться в составлении

фотороботов личностей, выбор которых осуществляется ими самостоятельно и может быть весьма неожиданным для педагога.

Во время занятий обучающиеся выбирают персонажи, которые могут быть не известны преподавателю, что характеризует в том числе разрыв поколений. Опыт выполнения подобных практических заданий может быть полезен при анализе принадлежности студентов к той или иной субкультуре, а также их интересов, не связанных с учебным процессом и будущей профессией.

В 2018/19 учебном году для составления фотороботов студенты выбирали актеров театра и кино, музыкантов и спортсменов, например, Елену Подкаминскую (рис. 1), Егора Крида (рис. 2), Александра Овечкина (рис. 3), Сергея Бурунова (рис. 4), Александра Петрова (рис. 5), Роберта Дауни-младшего (рис. 6).

Рис. 1. Автор — Аскерова Луиза, гр. ЮПБ-311

Рис. 2. Автор — Панфилова Алина, гр. ЮПБ-311

Рис. 3. Автор — Гридин Дмитрий, гр. ЮПБ-312

Рис. 4. Автор — Курочкина Анастасия, гр. ЮПБ-315

Рис. 5. Автор — Шалунова Ульяна, гр. ЮПБ-312

Рис. 6. Автор — Докучаева Виктория, гр. ЮПБ-313

В криминалистике фоторобот — это не отпечаток пальца человека, который позволяет однозначно его идентифицировать и служить решающим аргументом в идентификации. Портреты одного и того же человека, но составленные разными людьми, могут быть различными, пример этому представлен на рис. 7.

Рис. 7. Фоторобот Александра Сергеевича Пушкина

Дмитриева Евгения,
гр. ЮПБ-312

Селиверстова Ксения,
гр. ЮПБ-315

Давыдов Лев,
гр. ЮПБ-315

В весеннем семестре 2019/20 учебного года автором статьи был организован конкурс на лучший субъективный портрет (фоторобот) среди студентов Юридического института и Института транспортной техники и систем управления (ИТТСУ) Российского университета транспорта (МИИТ). От Юридического института приняли участие студенты специальностей «Правовое обеспечение национальной безопасности» и «Таможенное дело», а от ИТТСУ — специальности «Компьютерная безопасность».

Основная цель конкурса — способствовать развитию цифровых компетенций, уверенному и критическому использованию студентами в своей деятельности современных цифровых технологий, а также выявление наиболее активных студентов.

Итоги конкурса были опубликованы на сайте Юридического института [ui-miit.ru: сайт. — URL: http://ui-miit.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3627&Itemid=105]. Оценить умения участников можно, попробовав узнать личности, на которые были составлены фотороботы, представленные на рис. 8.

Рис. 8. Лучшие работы участников конкурса

Широкое использование в юридической деятельности информационных технологий требует от выпускников высокой информационной культуры, сформированности цифровых компетенций, что обязаны обеспечить высшие учебные заведения. Преподаватели должны содействовать развитию интереса студентов к изучению цифровых технологий, способностей применять полученные знания во время обучения в вузе, а затем в профессиональной деятельности.

Литература

1. Груздева, Л. М. К вопросу о повышении информационной культуры будущих специалистов юридического профиля // Аграрное и земельное право. — 2016. — № 1 (133). — С. 144—148.
2. Груздева, Л. М. Практика внедрения в учебный процесс подготовки специалистов юридического профиля онлайн-версии системы «Фоторобот» // Вестник Юридического института МИИТ. — 2015. — № 2 (7). — С. 25—29.

References

1. Gruzdeva, L. M. K voprosu o povyshenii informatsionnoy kul'tury budushchikh spetsialistov yuridicheskogo profilya [On the issue of improving the information culture of future legal experts] // Agrarnoye i zemel'noye pravo. — 2016. — № 1 (133). — S. 144—148.
2. Gruzdeva, L. M. Praktika vnedreniya v uchebnyy protsess podgotovki spetsialistov yuridicheskogo profilya onlayn-versii sistemy «Fotorobot» [The practice of introducing into the educational process the training of legal experts of the online version of the “Photobot” system] // Vestnik Yuridicheskogo instituta MIIT. — 2015. — № 2 (7). — S. 25—29.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 347.463

© Лещев Геннадий Юрьевич

— кандидат экономических наук, главный эксперт
Московского антикоррупционного комитета

Концепция создания саморегулируемых организаций в сфере подготовки специалистов в области транспорта

Аннотация. В системе российских правовых отношений особое место занимает отдельный блок специальных норм, регулирующих организацию и деятельность транспортного комплекса. В настоящее время выявлены значительные пробелы в области нормативно правового регулирования всей транспортной системы, для устранения которых используется механизм «регуляторной гильотины». Современный транспорт представляет собой единый и самый сложный комплекс специальных сооружений инфраструктуры, систем управления и транспортных средств. От слаженной работы организаций и предприятий транспортного комплекса зависит эффективное функционирование всех остальных отраслей экономики, жизнедеятельность государства и общества в целом.

Ключевые слова: «регуляторная гильотина»; саморегулируемые организации; цифровизация транспорта; государственный контроль и надзор.

© Gennadiy Yu. Leshchev

— Candidate of Economic Sciences, chief expert
of the Moscow Anti-Corruption Committee

The concept of setting up self-regulatory organizations in the field of training transport specialists

Abstract. In the system of Russian legal relations, a special place has been occupied by a separate block of special rules governing the organization and activities of the transport complex. Modern transport is a single and complex set of special infrastructure facilities, control systems and vehicles. The efficient functioning of all other sectors of the economy, the vital functions of the state and society as a whole depend on the coordinated work of organizations and enterprises in the transport complex.

Key words: "regulatory guillotine"; self-regulatory organizations; digitalization of transport; state control and supervision.

Во исполнение плана мероприятий («дорожной карты») по реализации механизма «регуляторной гильотины», рабочей группой разработаны Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере железнодорожного транспорта и Перечень обязательных требований, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора) в сфере железнодорожного транспорта.

В разработанных документах определены основные принципы и методы государственного контроля в сфере железнодорожного транспорта, расставлены приоритеты в обязательных требованиях подлежащих оценке контролируемого лица, в первую очередь, это вопросы компетентности руководителей и должностных лиц, отвечающих за безопасность движения.

Данная сфера имеет большое социальное значение, так как затрагивает общественные взаимоотношения как работника и работодателя, так и государство со всеми элементами регулирования подготовки специалиста в транспортной отрасли. Вопросы оценки качества подготовки специалистов, необходимости и объема повышения квалификации в современных условиях цифровизации транспорта, особенно в обеспечении безопасности движения, по мнению многих ученых Российского университета транспорта, выходят за рамки возможностей должностных лиц Ространснадзора, так как должны решаться как контролируруемыми участниками процесса, так и контролирующими.

Необходимо отметить, что в ходе работы по данному направлению выявлен ряд проблем, на которые хотел бы обратить внимание.

1. «Регуляторная гильотина» предусматривает отмену всех действующих нормативных правовых актов. При этом очень важно сохранить стабильность в нормативном регулировании отрасли. А как это обеспечить, если все акты будут отменены? Данный вопрос очень волнует как бизнес, так и федеральные органы исполнительной власти. Например, Минтранс России с 2015 г. проводится планомерная работа по отмене устаревших нормативных правовых актов, издан 51 приказ на отмену 1881 акта МПС России.

В настоящее время участниками рабочей группы по «регуляторной гильотине» при правительственной комиссии по проведению реформы контрольно-надзорной деятельности сформирован перечень актов, не подлежащих отмене. Как можно отменить Правила технической эксплуатации железных дорог?

Реализация функции государства в обеспечении безопасности движения транспорта в целом возможна только при активном взаимодействии

общественных институтов и контрольно-надзорных органов, делегировании части императивных функций саморегулируемым организациям.

В проекте федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», предусмотрена процедура частичной передачи контрольных функций саморегулируемым организациям. Если будет выбран данный путь диалога бизнеса с государством, то станет возможным формирование экспертного сообщества из числа профессиональных общественных объединений. Наиболее оптимальным является формирование экспертного сообщества из числа общественных объединений, представляющих науку и бизнес, аккредитованного Ространснадзором в установленном порядке.

Отбор экспертов для участия в контрольно-надзорных мероприятиях осуществляется из реестра в автоматизированном режиме с использованием метода случайного выбора с учетом следующих параметров:

- вид экспертизы, на которую аттестован эксперт;
- место жительства или место пребывания эксперта;
- наличие у эксперта допуска к работе со служебной информацией, а также со сведениями, составляющими государственную тайну.

2. При реализации мероприятий в рамках «регуляторной гильотины» выявлена и не может остаться без внимания неразрывно связанная проблема — программы подготовки и переподготовки лиц, непосредственно участвующих в управлении транспорта (водителей, машинистов), а равно лиц, обеспечивающих безопасность движения, не систематизированы между собой, и отсутствует единая методика контроля их реализации. Действующий контроль в данной области не направлен на повышение качества подготовки контролируемых и контролирующих лиц. Сегодня это формальные процедуры контроля операций, когда проверяются данные на бумаге, вместо реальной оценки знаний, а существующие императивные меры воздействия не исключают возможность дальнейших нарушений.

Крайне важно сместить акценты от проверок и наказаний по фактам выявленных нарушений к проведению непрерывного мониторинга и выработке рекомендаций по повышению качества обучения, развитию сферы транспорта.

Государственный контроль и надзор в сфере транспорта (как, впрочем, и других сферах) должен быть трансформирован в сторону надзора за процессами соблюдения требований законодательства, а контроль проведения операций необходимо в основной своей массе автоматизировать.

В ходе анализа нормативной правовой базы регулирования деятельности автошкол ученые Российского университета транспорта пришли к заключению, что необходимо принятие нормативных актов о глобальной цифровой трансформации в сфере контроля за процессом обучения и переподготовки, аттестации, выдачей документов об успешном завершении

обучения. Цифровизация всей системы учебных заведений позволит осуществлять удаленный контроль в режиме реального времени за действиями всех участников рынка услуг.

Для запуска цифровизации предлагается использовать существующую платформу, которая может быть применима не только для автомобильного транспорта, но и подготовки специалистов, управляющих железнодорожным подвижным составом и маломерными судами.

Единая платформа. Платформа (программное обеспечение) обеспечивает управление деятельностью саморегулируемых организаций и предоставляет инструменты контроля над исполнением членом саморегулируемой организации законодательных норм и процедур. Платформа автоматизирует и упрощает большое количество регуляций без больших затрат, позволяет сфокусироваться на результатах контрольно-надзорных мероприятий. Платформа обеспечивает установление единого подхода, унификации методов обучения в автошколах (в том числе дистанционно).

Микросервисная архитектура платформы позволяет горизонтально масштабировать ее возможности. Подобная архитектура незаменима для управления территориально-распределенной сетью объектов, растущие потребности в вычислительной мощности удовлетворяются за счет увеличения количества серверов и без замены программного обеспечения.

Архитектура платформы обеспечивает обработку больших объемов данных (*big data*) в режиме реального времени. Собственное распределенное файловое хранилище и особенности (хранение информации) базы данных платформы позволяют добиться оптимального расположения данных — наиболее близко к потенциальному потребителю.

Платформа полностью веб-ориентирована: пользовательской средой является любой современный веб-браузер под любой современной операционной системой (*Windows, Linux, Mac OS*, мобильные операционные системы).

Никаких специальных технических требований к рабочим местам не предъявляется.

Основная идея саморегулируемых организаций. В настоящее время это единственная организационно-правовая форма юридического лица, позволяющая объединить в своем составе всех участников рынка, сформировав органы управления и контроля за деятельностью ее членов в сфере подготовки специалистов в области обеспечения безопасности движения.

В ходе реализации данного проекта возможно осуществление части контрольных функций государства за деятельностью субъектов в сфере транспорта самими участниками рынка. Как следствие, снижаются бюджетные расходы, а фокус собственно государственного надзора смещается в сторону процессов и результатов деятельности.

Архив всех данных будет доступен для надзорных и правоохранительных органов, полный анализ статистических данных позволит направить вектор реформирования сферы обучения транспортной отрасли в прогрессивном направлении, технологически исключая возможность злоупотреблений и халатности на исполнительном уровне.

Во исполнение национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предлагается внести в обязанности саморегулируемых организаций использование единой цифровой платформы, обеспечивающей:

- цифровую площадку системного онлайн-образования, в непрерывном сотрудничестве с высшими учебными заведениями транспорта и профильными образовательными учреждениями;
- ведение электронного реестра участников процесса: от обучающихся на получение права управления транспортным средством, должностных лиц участвующих в обеспечении безопасности до их преподавателей и экспертов, в том числе архив операций по каждому пользователю;
- онлайн-доступ к базе данных надзорным организациям, предоставление отчетности в установленном порядке.

В настоящее время статус саморегулируемых организаций могут получить объединения предприятий, функционирующие по принципу некоммерческого партнерства.

Предлагаемая система организации подготовки специалистов транспорта позволит надзорным органам — Рособрнадзору, Госавтоинспекции

и Ространснадзору осуществлять свои функции по оценке обязательных требований, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля в режиме непрерывного мониторинга за каждым членом саморегулируемой организации непосредственно. Единая платформа позволит систематизировать взаимоотношения бизнеса и государства, перевести его в наиболее комфортную зону для прогрессивного развития сферы подготовки специалистов транспорта.

На первоначальном этапе формирования возможно участие в данной саморегулируемой организации общественных объединений, высших и профессиональных учебных заведений транспорта, основных потребителей услуг транспорта, владельцев инфраструктуры и подвижного состава.

Предлагаемая форма взаимоотношений государственных контролирующих органов и общественных объединений позволит сформировать экспертное сообщество из числа наиболее компетентных сотрудников трудовых коллективов и представителей науки, что во многом исключит возможность коррупционных проявлений в диалоге бизнеса и государства.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УДК 930.2

© Петров Юрий Иванович

— кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)
petrov52@ro.ru

Историография истории внутренних водных путей России с древних времен

Аннотация. В статье рассматриваются работы ученых, государственных деятелей, специалистов сферы транспорта второй половины XIX в., исследовавших различные аспекты устройства и содержания внутренних водных путей, а также торгового дела, осуществление которого непосредственно связано с состоянием транспортных артерий. Эти труды не утратили актуальности и сегодня и, безусловно, представляют определенный научный интерес. Первооткрывателем исследования роли внутренних водных путей в жизни российского населения с древних времен называют выдающегося ученого Н. П. Загоскина. В своем фундаментальном труде он определил вектор дальнейших исследований водных артерий. Но еще до исследования Н. П. Загоскина серьезную работу по изучению водных путей и влияние на их развитие различных факторов в истории нашего Отечества за столетний период проделал С. М. Житков. Его труд представляет особый интерес, поскольку написан специалистом транспортной сферы. Автор анализирует устройство и содержание водных путей в России в XIX столетии, внимательно изучая каждое изменение в правовой основе, связанное с водными путями. Работы А. Семенова и Н. И. Костомарова не содержат непосредственного анализа водных путей сообщения, их обустройства и эксплуатации, однако через призму торгового дела вскрываются проблемы данной отрасли, тем самым оказывая воздействие на ход формирования правовой базы в сфере внутреннего водного транспорта.

Ключевые слова: история; историография; внутренние водные пути; торговля.

© Yuriy Iv. Petrov

— Candidate of Historical Sciences, docent, associate professor of the department of customs law and organization of the customs affairs of the Law Institute of the Russian University of Transport

Historiography of the history of Russian inland waterways since ancient times

Abstract. The current paper has considered the work of scientists, politicians, experts in the field of transport of the second half of the 19th century, who studied various aspects of the structure and maintenance of inland waterways, as well as trade which has been directly related to the condition of the transport ways. These works have not lost their relevance nowadays and are still of a certain scientific interest. The outstanding scientist N.P. Zagoskin is considered to be a pioneer of the study of inland waterways' role in the life of the Russian population since ancient times. In his fundamental work, he determined the vector of further studies of the waterways. But even before the N.P. Zagoskin research, S. M. Zhitkov had seriously studied the waterways and the effect on them by the development of various factors in the history of our country over a century. His work has always been of particular interest, since it was written by a specialist in the transport sector. The author analyzed the structure and content of waterways in Russia in the 19th century, carefully examining every change in the legal framework related to waterways. The A. Semenov and N. I. Kostomarov's works do not contain a direct analysis of the waterways, their arrangement and operation, however, through the analysis of trade, there were identified the problems of this industry, that influenced the formation of the legal base in the field of inland water transport.

Keywords: history; historiography; inland waterways; trade.

В Древней Руси основными путями сообщения были реки и озера. Их роль в этом качестве была predetermined геолого-географическим строением европейской части страны. В течение многовековой истории Российского государства водные пути были главными средствами коммуникации для внутренней, международной торговли, развития промыслов и производств, духовного общения, формирования национального самосознания русского народа и единого государства. Источники свидетельствуют, что уже в Древней Руси были хорошо известны пути на Ближний и Средний Восток, в Закавказье, в страны Западной Европы, на Каспий и на Урал. В системе транспортных сообщений в IX—XV вв. особое значение имели Белое море и река Шексна, которые обеспечивали непосредственную связь с Заволочьем [Заво́лочье — историческая область в X—XIV вв., в бассейне рек Северной Двины и Онеги, за «волоками», связывавшими Онежское озеро с озером Белым и рекой Шексной, изобиловала пушным зверем и соляными угодьями] не только Новгорода, но и Владимиро-Суздальского, а затем и Московского княжества.

В 1553 г. первые английские корабли появились в устье Северной Двины, и был открыт новый морской путь на запад. Здесь был основан круп-

ный торговый центр и морской порт Архангельск. В конце XVI столетия началось освоение Сибири, в котором исключительную роль для первопроходцев играли реки Урала, Иртыш, Обь и другие.

Большое развитие внутренний водный транспорт получил в царствование Петра I, заложившего основу совершенствования водных путей и строительства судов, отвечавших новым условиям. В начале XVIII в. была сооружена Вышневолоцкая шлюзовая система, соединившая Волгу с Невой, в следующем столетии к петровскому детищу добавились Мариинская и Тихвинская системы, позволившие пропускать суда значительной грузоподъемности.

С появлением и развитием железнодорожного транспорта в России внутренние водные пути значительно утратили свое былое значение. Но технический прогресс вывел на новый уровень речное судоходство. В советское время речной транспорт и его пути получили новый импульс в своем развитии. Однако преобразования в этой сфере в 1990-е гг. привели к тому, что сегодня все более актуальными становятся вопросы о том, как и в каком направлении должен развиваться внутренний водный транспорт или необходимо его полная замена другими видами транспорта — железнодорожным или авиационным.

Современные исследователи свидетельствуют также и о снижении социокультурного значения водных путей, сегодня оно не столь велико как столетие назад. К тому же в России практически повсеместно наблюдается отток населения из сельской местности, что ведет к нарушению эколого-антропогенного [антропогенный — созданный человеком, возникший в результате его деятельности] баланса, выработанного на протяжении веков [1, стр. 6]. Можно наблюдать изменение ландшафтов, сопровождающееся утратой материальных свидетельств процветания известных водных артерий. И тем не менее многие памятники гидротехники, а уж тем более сами водные пути, еще сохранились. На них сегодня направляется внимание научных экспедиций [1, стр. 6].

Проводимые исследования представляют научную ценность прежде всего как методологическая основа формирования одного из историко-научных направлений. При этом не менее важное значение имеют и его прикладные аспекты, в частности, еще сохранившиеся памятники культуры и гидротехники, после реставрации, могут выступать в роли образующего начала при возрождении промышленного и туристского потенциала соответствующего региона [1, стр. 7—8]. Водный туризм по историческим водным путям может значительно расширить туристические возможности и привлекательность обширных регионов России.

Не многочисленные работы по изучению внутренних водных путей прошлого продолжают дела наших предшественников, трудов которых также не много, но тем большее значение они имеют для нас.

Выдающийся отечественный историк, профессор Императорского Казанского университета Н. П. Загоскин одним из первых провел фундаментальное исследование роли внутренних водных путей, истории их освоения и развития с древнейших времен [2]. Для этого он привлек широкий круг источников, включающих не только письменные документы, но и археологические материалы, а также данные фольклористики и исторической географии. Причем многие из них были получены ученым в процессе комплексных экспедиционных исследований. Хозяйственная деятельность населения в работе рассматривалась в неразрывной связи с природной средой — лесами, реками, озерами и берегами морей, определявшими коммуникации и главные способы добывания средств к существованию, такие как охота, рыболовство, земледелие и торговля. Н. П. Загоскин — один из первых исследователей, который указал на исключительное значение природных вод в жизни славян, отмечая, что воды и умение их использовать для устройства своего быта и для регулирования условий существования всегда, начиная с древних времен, представлялись важным условием для жизни народов и племен «славянского корня».

Исследованию Н. П. Загоскина предшествовала работа Сергея Михайловича Житкова [3], выпускника института Корпуса инженеров путей сообщения — первого транспортного вуза, созданного в Санкт-Петербурге в 1809 г. Его перу принадлежат такие труды, как исторический очерк «Институт инженеров путей сообщения императора Александра I» (1899 г.), «Биографии инженеров путей сообщения», три выпуска которых выходили соответственно в 1889, 1893 и в 1902 гг., и другие.

Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России был подготовлен автором с ведома Министерства путей сообщения, поскольку по распоряжению его Канцелярии он был напечатан в типографии министерства.

В работе рассматривается устройство и содержание водных путей сообщения в период с 1798 по 1898 г. Основными материалами для исследования автор взял отчеты главноуправляющих и министров путей сообщения.

Но прежде чем приступить к исследованию, автор в первой главе рассмотрел положение, сложившееся в Московском государстве в сфере путей сообщения к XVI столетию, отметив, что оно стало результатом совокупности местных особенностей и вековых обстоятельств истории, наложивших своеобразное очертание на все проявления жизни народа, населявшего Россию. «Плоскость пространства, суровый климат, близость к кочующим племенам, от которых Россия должна была защищать первые начатки своей образованности, наконец, долговременное иго татарское, из-под которого Россия освобождалась медленно» [3, стр. 2]. Поэтому пути сообщения в этот период находились в таком состоянии, что движение по доро-

гам в летнее время было проблематично, мосты через реки встречались редко, да и те не держались, а плавали.

Исследуя состояние российских водных путей сообщения, автор основное внимание сосредоточил на работах, обеспечивающих пропускную способность рек, и строительстве искусственных сооружений, прежде всего каналов, активное сооружение которых началось при Петре I. Но большинство из задуманного Петром не нашло реального воплощения и было завершено или построено значительно позже.

В работе показано, как в результате коренных изменений в управлении водяными и сухопутными путями сообщений в начале XIX столетия начался новый этап в развитии транспортных коммуникаций. Автор значительное место отводит анализу организации управления процессом строительства и эксплуатации водных путей сообщения на основе принятых правовых актов, в частности Учреждения «Об управлении водными и сухопутными сообщениями» [4] и других. Преобразования, новые назначения — все это способствовало созданию мощных водных систем Вышневолоцкой, Тихвинской и Мариинской.

В работе не оставлены без внимания проблемы финансирования строительных и эксплуатационных работ, показано введение судоходного сбора, направленного на улучшение водных путей сообщения. И на протяжении всего исследуемого периода автор показывает, как происходит развитие законодательства о водных путях.

В 1858 г. вышел труд сенатора А. Семенова [5], который первоначально задумывался им как собственное изучение внешней торговли и промышленности России в определенный период ее развития, с привлечением статистических материалов. Очевидно, что служебное положение позволяло ему иметь помощников и привлекать к работе материалы «из достоверных источников». Но изначально он полагал, что изложенные в данной работе сведения могут представить определенный интерес в изучении истории для широкого круга лиц. В основу исследования легли документы Полного собрания законов Российской империи, архивные материалы и статистические сведения.

Автор, осуществляя изначально намеченное, последовательно и в главных чертах стремился раскрыть: сущность организации и прав торгового сословия; пошлинное обложение; деятельность кредитных учреждений и торговых судов; организацию учебных торговых заведений и таможенных учреждений; суть торговых договоров с иностранными государствами, а также фабричное и горное производство. Одновременно в работе большое внимание уделено судостроению, водным сообщениям и дорогам, без чего немыслимы были эффективные внешнеэкономические связи и внутренняя торговля.

Материалы исследования составили три тома. Первая книга посвящена анализу правительственных распоряжений по всем выше названным

направлениям, начиная с принятия Уложения 1649 г. до наступления эпохи правления Екатерины II. Во второй книге продолжен анализ правительственных документов, принятых до вступления на престол Александра II. И в третьей книге автор представил исторические и статистические сведения о развитии российской внешней торговли в различные периоды российской государственности. Как он сам отмечает, «в этом сочинении мы изложили краткий обзор древней российской торговли и главные правительственные распоряжения о торговле и промышленности, изданные по 1855 год» [5, стр. XII].

Работа Николая Ивановича Костомарова [6], публициста, писателя, исследователя социально-политической и экономической истории России посвящена торговле Московского государства в XVI—XVII столетиях, развитие которой во все времена непосредственно связано с путями сообщения. Особый интерес всех трудов писателя заключается в том, что он много сил отдавал архивной работе, первоисточники лежали в основе создаваемых им трудов. Не составила исключения и данная работа. Зачастую автора упрекали в поверхностном пользовании источниками, приводившими к некоторым ошибкам, в односторонности взглядов на события. Безусловно, в этих упреках была доля истины. Однако у всякого ученого неизбежны промахи и ошибки, в сочинениях Костомарова они объясняются необыкновенным разнообразием его занятий и привычкой полагаться на свою богатую память. Но общий вклад Костомарова в развитие русской историографии можно, без всякого преувеличения, назвать громадным.

В «Очерке торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» автор исследует самые различные аспекты торговой деятельности русского народа и русского государства в целом. Здесь и первые таможенные пункты, появившиеся в России, и деятельность ярмарок, торговля лошадьми, солью, рыбой, хлебом, мехами. При этом важным являются торговля с иностранными купцами и целыми компаниями, получившая новый импульс после установления тесных торговых отношений с Англией. Значительное внимание в работе уделено водным сообщениям и дорогам, на которых лежало бремя обеспечения эффективных внешнеэкономических связей и внутренней торговли. Уже в начале работы автор отмечает, что для России ведение торговли посредством сухопутных дорог могло быть в основном зимой, поскольку летние дороги «находились постоянно в самом дурном положении» [6, стр. 4]. Отсюда важное значение, которое приобретали водные пути, в качестве примера автор указывает на северо-восток Москвы, где в первой половине XVI в. имел торговое значение Дмитров, откуда открывался важный путь в Волгу. Товары, привозимые в Россию из восточных стран, могли доходить до Дмитрова, а затем сухопутным транспортом в Москву.

При рассмотрении торговли в различных регионах страны между населявшими ее народами, внимание автора всегда обращено к средствам пе-

редвижения. При этом он указывает на трудности, которые ожидали на водных транспортных путях купцов, как природные, так и связанные с агрессивностью некоторого населения.

Литература

1. Широкова, В. А. Вышневолоцкая водная система: ретроспектива и современность. Гидролого-экологическая обстановка и ландшафтные изменения в районе водного пути. Экспедиционные исследования: состояние, итоги, перспективы / В. А. Широкова [и др.]. — Москва : ООО «ИПП КУНА», 2011.
2. Загоскин, Н. П. Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России: Историко-географическое исследование Н. П. Загоскина, заслуженного Ординарного Профессора Императорского Казанского Университета. Издание Управления Внутренних Водных Путей и Шоссейных Дорог. — Казань : Лито-типография И. Н. Харитоновна, 1910.
3. Житков, С. М. Исторический обзор устройства и содержания водных путей и портов в России за столетний период: 1798—1898. — Москва, 2016.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Т. XXX. — 1809. — № 23 996.
5. Семенов, А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле с половины XVII столетия по 1858 г. : в 3 частях. — Санкт-Петербург, 1859.
6. Костомаров, Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — Санкт-Петербург, 1862.

References

1. Shirokova, V. A. Vyshnevolotskaya vodnaya sistema: retrospektiva i sovremen-nost'. Hidrologo-ekologicheskaya obstanovka i landshaftnyye izmeneniya v rayone vod-nogo puti. [Vyshnevolotskaya water system: retrospective and modernity. Hydrolog-ical and environmental conditions and landscape changes in the waterway area] Ek-speditsionnyye issledovaniya: sostoyaniye, itogi, per-spektivy / V. A. Shirokova [i dr.]. — Moskva : ООО «ИПП КУНА», 2011.
2. Zagoskin, N. P. Russkiye vodnyye puti i sudovoye delo v do-Petrovskoy Rossii [Rus-sian waterways and shipping in pre-Petrovsky Russia]: Istoriko-geograficheskoye issledovaniye N. P. Zagoskina, zaslužennogo Ordi-narnogo Professora Impera-torskogo Kazanskogo Universiteta. Izdaniye Upravleniya Vnutrennikh Vodnykh Putey i Shosseynykh Dorog. — Kazan' : Lito-tipografiya I. N. Kharitonova, 1910.
3. Zhitkov, S. M. Istoricheskiy obzor ustroystva i soderzhaniya vodnykh putey i portov v Rossii za stoletniy period: 1798—1898 [A historical review of the structure and maintenance of waterways and ports in Russia over a hundred-year period: 1798—1898]. — Moskva, 2016.
4. Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye 1 [The complete collec-tion of laws of the Russian Empire]. — T. XXX. — 1809. — № 23 996.
5. Semenov, A. Izucheniye istoricheskikh svedeniy o Rossiyskoy vneshney trgovle s poloviny XVII stoletiya po 1858 g. [The study of historical information about Russian foreign trade from the half of the XVII century to 1858]: v 3 chastyakh. — Sankt-Peterburg, 1859.
6. Kostomarov, N. I. Ocherki trgovli Moskovskogo gosudarstva v XVI i XVII sto-letiyakh [Essays on the trade of the Moscow state in the XVI and XVII centuries]. — Sankt-Peterburg, 1862.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

УДК 340.1

© Глебов Сергей Сергеевич

— кандидат юридических наук,
преподаватель Колледжа «Угреша»

Правовые основы взаимодействия полиции Российской империи с другими государственными органами (XIX — начало XX века)

Аннотация. До начала XIX в. главенствующим принципом в организации полицейских органов был принцип децентрализованного управления полицией. После образования в 1802 г. Министерства внутренних дел в его подчинение перешли все полицейские органы Империи. Манифест об образовании Министерства внутренних дел определял основные направления его деятельности и принципы взаимодействия с другими государственными учреждениями.

Ключевые слова: департамент полиции; взаимодействие полиции.

© Sergey S. Glebov

— Candidate of Law, lecturer of the State Autonomous
Professional Educational Institution
of the Moscow Region College UGRESHA

The legal basis for the police interaction of the Russian Empire with other state institutions (XIX — early XX century)

Abstract. Until the beginning of the XIX century, the dominant principle in the organization of the police was the principle of decentralized police management. After 1802 formation of the Ministry of the Interior, all the police organs of the Empire were transferred under its control. The issued manifesto on the formation of the Ministry of the Interior determined the main directions of its activities and the principles of interaction with other state institutions.

Keywords: police department; police interaction.

Министерство внутренних дел (далее — МВД) было многофункциональным органом. В его сферу входили проблемы развития государствен-

ной промышленности, строительства, сельского хозяйства, организация переселения крестьян, обеспечение запасов продовольствия. В ведении МВД было также организация медицинского обслуживания населения, ветеринарный надзор. Это определяло необходимость взаимодействия практически со всеми органами центрального управления и их местными учреждениями [1, стр. 48—49, 67—69].

Основной нормативной базой, регулировавшей построение, функции, права и обязанности полицейских учреждений в сфере взаимодействия с другими государственными органами, были Учреждения для управления губерний 1775 г., Устав благочиния 1782 г. и Манифест об образовании Министерства внутренних дел, Общее учреждение министерств.

В XIX — начале XX вв. получили развитие различные формы и направления взаимодействия полиции с другими государственными органами.

Подавление мятежей и охрана общественного порядка. С принятием Манифеста об учреждении министерства полиции от 25 июня 1811 г. министр полиции стал наделяться в чрезвычайных обстоятельствах правом вызова войск, дислоцировавшихся в губерниях для оказания содействия полиции [ПСЗ. Собр. 1. Т. XXI. Отд. 1. № 24687].

Регламентированию вопросов использования внутренней стражи для оказания содействия полиции было посвящено Положение для Внутренней Стражи от 3 июля 1811 г.

Существовали также наставления, регламентировавшие различные аспекты совместных действий полиции и армии. Так, наставление о гарнизонной службе 1819 г. регулировало взаимные права, обязанности полиции и армейских чинов при оказании воинскими частями помощи в задержании и сопровождении правонарушителей [2, стр. 51].

Указ об учреждении корпуса жандармов от 28 апреля 1827 г. регулировал, в частности, вопросы взаимодействия полиции и армии. Жандармских офицеров ставили, как правило, во главе воинских подразделений, выполнявших задачи борьбы с преступностью, подавления крестьянских восстаний, бунтов [3, стр. 165, 168].

Большую роль во взаимодействии полиции и армии играл Наказ чинам и служителям земской полиции от 3 июня 1837 г., согласно которому увеличивался круг лиц, которые имели право призывать войска в чрезвычайных ситуациях. К их числу стали относиться некоторые чины полиции. Здесь же содержались рекомендации по использованию войск. Необходимо отметить, что ранее таким правом обладал только губернатор. Важное значение имели Правила о местностях, объявленных состоящими на военном положении, от 18 июня 1892 г.

Для разрешения одного из трудных вопросов — порядка применения оружия армией против гражданского населения было принято Наставление военным начальникам в случаях употребления войск для усмирения народных волнений и беспорядков от 4 сентября 1861 г. [ПСЗ. Собр. 2. Т.

XXXVI. Отд. 2. № 37389.] Это Наставление, а также принятый ранее Временный наказ уездным полициям составили правовую основу использования войск, определили пределы власти должностных лиц гражданской администрации и военных начальников, подробно регламентировали порядок применения оружия военными командами, обеспечили однообразие и единство действий администрации, полиции и войск в чрезвычайных случаях [ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 2. № 37348].

3 октября 1877 г. было утверждено мнение Государственного совета в Правилах, определяющих порядок призыва войск для содействия гражданским властям [ПСЗ. Собр. 2. Т. LII. Отд. 2. № 57748]. В них описывались случаи призыва войск, был расширен круг лиц, которые имели право призывать войска, уточнялся порядок написания требования о призыве и т.д.

Говоря об использовании вооруженных сил для наведения порядка надо отметить, что был принят ряд нормативных актов, устанавливающих границы уголовной и иной ответственности военнослужащих, применявших оружие. К ним относились: Закон о невменяемости смертоубийства при употреблении оружия воинскими чинами, призванными для содействия гражданскому начальству, от 25 декабря 1879 г. [ПСЗ. Собр. 2. Т. LIV. № 60317], Закон о правилах употребления полицейскими и жандармскими чинами в дело оружия от 10 октября 1879 г. [4, стр. 89—90]

В начале XX в. изменился характер революционной борьбы. Теперь полиции и войскам приходилось вести борьбу с восставшими, оказывавшими совместное вооруженное сопротивление. Это потребовало совершенствования законодательства. 17 февраля 1906 г. император подписал документ «Об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям». Этот нормативный акт существенно конкретизировал и детализировал правила, содержащиеся в ранее изданных законах. Необходимо отметить, что этот документ учитывал накопленный опыт борьбы с организованным вооруженным сопротивлением в 1905 г. Им руководствовались вплоть до Февральской революции 1917 г.

В 1905 г. были внесены дополнения в действовавшее законодательство. Так 29 ноября 1905 г. императором был подписан указ «О предоставлении местным властям права прибегать к применению чрезвычайных мероприятий в случаях прекращения или замешательства в сообщениях железнодорожном, почтовом и телеграфном». Он значительно расширял права полиции и позволял генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам самим вводить на вверенной им территории положение чрезвычайной или усиленной охраны. Однако право отмены принятых местными властями мер принадлежало министру внутренних дел.

Существенное дополнение в законодательство было внесено с принятием Правил чрезвычайной охраны на железных дорогах от 14 декабря 1905 г. С этого времени Министерство путей сообщения получило полно-

мочия создавать на железной дороге особый комитет по охране железной дороги под председательством начальника (управляющего) дорогой.

В 1880-е гг. страну захлестнула волна терроризма. Необходимо было усилить полицию и ее взаимодействие с другими органами, проведя реорганизацию.

Серия террористических актов, убийства чиновников, управляющего III отделением и императора Александра II вынудили власть принять решение о расширении прав МВД. Согласно Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. [ПСЗ. Собр. III. Т. 1. № 350] устанавливался правовой режим усиленной и чрезвычайной охраны, объявляемый в случае необходимости в отдельных местностях или на территории всей империи. При этом серьезно расширялись права полиции [5].

Одним из основных документов, регулирующих обязанности полиции, был Устав предупреждения и пресечения преступлений.

Отличительной чертой Устава было то, что при общей кодификации законов за его основу был взят изданный в 1782 г. Устав благочиния или полицейский, дополненный последующими полицейскими узаконениями. Устав после изменений и дополнений 1842, 1857 и 1876 гг. в мало измененном виде действовал до 1917 г. Система Устава осталась неизменной. Он делил полицию безопасности на публичную и частную. В нем говорится о предупреждении и пресечении преступлений против веры, преступлений против общественного порядка и учреждений правительства (высшая полиция безопасности), преступлений против личной безопасности и против имущества (низшая полиция безопасности), беспорядков при увеселениях и забавах, явного соблазна и разврата в поведении (полиция нравственности).

Устав предупреждения и пресечения преступлений в конце XIX — начале XX вв. не соответствовал экономическим, политическим отношениям в обществе, современным представлениям о роли и функциях полиции. Содержание данного нормативного акта вызывало массу противоречий. Полное применение Устава привело бы к столкновению органов полиции с другими государственными органами. На деле половина статей Устава не применялась. Существенными недостатками, с точки зрения И. Е. Андреевского, было то, что «полиции ... предписывалось вникать во все части государственного устройства и управления, держать все под неусыпным контролем» [6, стр. 51].

Раскрытие и расследование преступлений. Существенное дополнение в действовавшее законодательство было внесено с принятием решения Общего собрания Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената от 25 мая 1871 г. № 143. Оно разграничивало обязанности полицейского начальства и прокуратуры в части направления прокурорами распоряжений для чинов полиции [7, стр. 410].

Большую роль в установлении форм и сроков сообщения становыми приставами другим органам о совершенном преступлении играла инструкция полицейским урядникам от 19 июля 1878 г. К числу органов, которым они должны были направлять сообщения, относились прокуратура, суд. Здесь же оговаривался момент передачи уголовного дела от урядника судебному следователю.

17 октября 1894 г. издается Определение Соединенного присутствия Первого и Кассационного департаментов Правительствующего Сената за № 7515. Данный нормативный акт устанавливал: круг лиц из числа чинов полиции, которым прокуроры могли давать распоряжения; формы обращения прокуроров к полиции и сообщений полиции, направляемых прокурорам [7].

Важное дополнение в ст. 485—487 Устава уголовного судопроизводства было внесено с изданием министром юстиции по согласованию с министром внутренних дел циркуляра от 2 марта 1900 г. С этого времени прокурор мог сообщать полицейскому начальству о необходимости привлечения к ответственности чинов полиции за совершение правонарушения независимо от его важности. Надо отметить, что до этого прокурор мог выносить такие предложения только в случае важных злоупотреблений.

При выполнении своих задач полиция руководствовалась нормативными актами, издававшимися судебными органами. Так, во время дознаний околоточные надзиратели исполняли ст. 253 и 254 Устава уголовного судопроизводства, указанные в инструкции прокурора Московской судебной палаты [8].

Инструкция чинам сыскных отделений от 9 августа 1910 г. более детально регламентировала способы и средства их взаимодействия с прокурорами и судебными следователями. Она устанавливала формы: сообщений, направляемых полицией; поручений, отдаваемых прокурорами, следователями и т.д.

Согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г. в городах губерний начальником полиции являлся полицмейстер. Полицейское присутствие составляли два ратмана и частные приставы, выбранные от города под председательством полицмейстера. В уездных городах вместо полицмейстера эту деятельность осуществлял городничий. В провинциальных городах исполнительная полиция также производила следствие и судопроизводство.

8 июня 1860 г. был издан Указ правительствующему Сенату об отделении производства следствий по преступлениям и проступкам, «подлежащим рассмотрению», от полиции. К Указу прилагались три законодательных акта. Один из них — Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключить в себе преступление или проступок. В нормативном акте указывалось на необходимость отделения следствен-

ной части от полиции в 44 губерниях... «Оставить за полицией расследование по маловажным преступлениям и проступкам, «которые представлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению мест судебных» [9, стр. 148].

Таким образом, с образованием в 1860 г. института судебных следователей полиция была отстранена от предварительного следствия, а после издания Судебных уставов 1864 г. судебно-следственные функции были полностью изъяты из ведения полиции. Министерство внутренних дел во взаимодействии с Министерством юстиции координировали всю эту работу.

Участие в осуществлении судопроизводства. По предложению Государственного совета, обсуждавшего вопрос о деятельности уездной полиции в Империи, в связи с большим кругом и важностью задач, возложенных на полицию, ей было предоставлено право взаимодействия с полицейскими и «прочими не только равными себе, но и высшими учреждениями других уездов и губерний», минуя губернское правление [ПСЗ. Собр. 1-е. Т. XXXVII. № 28851]. К числу этих учреждений относились тюрьмы, суды, военные части, финансовые органы и т.д.

Вышеназванными нормативными актами на земскую полицию были возложены, кроме текущих полицейских задач, также дела по полицейским (административным) проступкам, жалобы на постановления мирских обществ, судебные дела (предварительное следствие, бесспорные взыскания). Впоследствии И. Е. Андреевский говорил, «эта обширная деятельность оказалась ей не по силам» [10, стр. 34].

Более ясно, чем прежде, в Положении о земской полиции 1837 г. устанавливался порядок ее взаимодействия с другими государственными учреждениями.

Недоверие со стороны самодержавия к органам местного самоуправления, их слабость и соединение на уездном уровне полиции и администрации в одном органе — уездном земском суде были причинами наделения полиции большим количеством административно-хозяйственных функций

Согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г. в городах губерний начальником полиции являлся полицмейстер. Полицейское присутствие составляли два ратмана и частные приставы, выбранные от города под председательством полицмейстера. В уездных городах вместо полицмейстера эту деятельность осуществлял городничий. В провинциальных городах исполнительная полиция также производила следствие и судопроизводство.

С начала и до середины XIX в. правительство основное внимание сосредоточило на укреплении власти и взаимосвязи полицейских, судебных органов в сельской местности, повышении эффективности их карательных

функций против нарастающего недовольства своим положением со стороны крестьян. На решение этих проблем и был направлен утвержденный в июне 1837 г. закон, который ввел в действие Положение о земской полиции.

Во время издания Положения о земской полиции был принят Наказ чинам и служителям земской полиции от 3 июня 1837 г., в котором давалось определение обязанностей земской полиции. «Обязанности земской полиции, как и всякого полицейского управления, разделяются на две главные части: исполнительную, к коей относятся как самое исполнение, так и наблюдение за точным исполнением законов и особых повелений правительства, и судебно-полицейскую, к которой принадлежат: принятие мер для прекращения возникающих беспорядков и предупреждения возобновления оных в будущем» [ПСЗ. Собр. 2. Т. XII. № 10306].

25 декабря 1862 г. были изданы Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний [ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXVII. СПб., 1865. № 39087]. Основой этого закона стали положения Учреждения для управления губерний (1775 г.), Устава благочиния или полицейского (1782 г.) и Положения о земской полиции (1837 г.). Говоря о Временных правилах 1862 г., необходимо отметить, что в законы 1775, 1782 и 1837 гг. были внесены некоторые изменения и дополнения, важные для организации полиции и ее взаимосвязи с другими учреждениями на новых началах.

В соответствии с новым законом земский суд заменялся общим присутствием уездного полицейского управления, которое возглавлял исправник. В него входили: помощник исправника; заседатели от дворян и сельских жителей.

Недостатки в организации взаимодействия полиции с другими органами выражались в многосложности ее обязанностей, а также в отсутствии единства руководящей власти, т.е. полиция выполняла требования не только своего начальства, но и распоряжения судебных и финансовых органов, мировых судей, фискальных учреждений, земской, городской управы и т.д. По мнению А. И. Елистратова, «Общая полиция у нас должна быть готова всегда к услугам всех ведомств; к ней должны обращаться не только в тех случаях, когда необходимо применить к обывателю принуждение, но и тогда, когда требуется просто непосредственно к нему обратиться: вручение всякого рода повесток и объявлений от административных учреждений каждого ведомства производится по закону не иначе, как через полицию» [11, стр. 12].

Правовое регулирование деятельности полиции и ее взаимосвязи с другими органами России отличалось целым рядом значительных недостатков. Компетенция, обязанности и основные направления взаимодействия полиции с другими органами не систематизировались, представляли механическую сумму законоположений, копившихся столетие.

Законодательство, регламентирующее организацию взаимодействия судебных, полицейских, тюремных, финансовых, прокурорских органов и армии не соответствовало реальному положению дел и требовало коренного обновления.

В начале XX в. появляются неофициальные частные издания сборников полицейских законов [12; 13], которые в какой-то мере устраняли пробел в Своде законов, отмеченный А. А. Лопухиным: «...Отсутствие специального сборника правил об устройстве полиции и ее службы...». Это облегчало задачу чинам полиции по изучению руководящего законодательства о полиции и формах ее взаимосвязи с другими органами.

Исполнение наказаний и сопровождение заключенных. Необходимо отметить, что отдельные проблемы взаимодействия полиции и армии в сопровождении ссыльных затрагивались в Расписании этапов для препровождения ссыльных в Сибирь от 27 февраля 1824 г.

Закон 30 мая 1884 г. устанавливал возможность использования воинских частей для наведения порядка в местах лишения свободы при недостаточности полицейских сил [ПСЗ. Собр. 3. Т. III. № 2267].

Существовал ряд нормативных актов, регулировавших взаимодействие полиции и тюремных учреждений. По всей России распространилась практика составления инструкций для каждой тюрьмы. К их числу можно отнести положение о должности смотрителя тюремного замка в Москве от 1804 г., инструкцию главному надзирателю Веленского тюремного замка 1821 г. [14, стр. 104—107] В 1852 г. была принята Инструкция смотрителя тюремного замка. Они определяли штат тюрем, разграничивали обязанности тюремного персонала и полицейских органов.

Сбор налогов. Большую роль в регулировании финансовых и других взаимоотношений крестьян и помещиков стал играть Закон об учреждении должности мировых посредников от 19 февраля 1861 г. [ПСЗ. Собр. 2. Отд. 1. 1861. Т. XXXVI. № 36660]

Существенное значение для определения форм взаимодействия полиции с окружными акцизными управлениями имело Высочайше утвержденное положение о питейном сборе, изданное 4 июля 1861 г. [ПСЗ. Собр. 2. Отд. 3. Т. XXXVI. 1861. № 37197]

4 мая 1892 г. издается циркуляр министра внутренних дел, на основании которого полиция стала взаимодействовать с податными инспекторами по вопросам взыскания недоимок.

Регулирование правоотношений между рабочими и фабрикантами. В соответствии с Высочайше утвержденными мнениями Государственного совета от 12 июня 1884 г. и 3 июня 1886 г. создается новый орган Министерства финансов — фабричная инспекция. В деятельности этого органа нашло отражение взаимодействие полиции с финансовыми органами по вопросам регулирования правоотношений между рабочими и фабрикантами, установления внутренних правил на фабриках, заводах.

Большую роль в регулировании вопросов применения законодательства о труде рабочих играло Положение от 7 июня 1899 г., согласно которому создавался коллегиальный орган — Главное по фабричным и горно-заводским делам присутствие. В состав Присутствия входили высшие должностные лица Департамента полиции, министерства финансов, жандармерии, фабричной инспекции.

Участие в работе по реформированию государственного аппарата.

Во исполнение повеления Александра II от 18 марта 1858 г. в МВД были изучены причины несостоятельности полиции и ее взаимодействия с другими учреждениями ввиду «предстоящего крестьянского дела» [15, стр. 563]. Для исследования этих вопросов была создана комиссия, состоявшая из представителей нескольких министерств: внутренних дел, государственных имуществ и юстиции. В результате работы комиссия пришла к выводу о том, что основной причиной неэффективности работы полиции и ее взаимодействия с другими органами является наделение полицейских самыми разнородными обязанностями, не связанными непосредственно с охраной порядка. Во многом это было связано со смешением следственной, хозяйственно-распорядительной деятельности, что вызывало недоверие у простого народа [15].

Комиссией были выработаны предложения. Среди них было предложение об отделении следственной полиции от исполнительной. Для разрешения споров между помещиками и крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, планировалось создать «учреждения, отделенные от прежних судебных установлений и независимые от полиции» [15]. К числу таких учреждений должны были быть отнесены уездные расправы, под руководством уездного начальника. Это предложение противоречило теории и практике западных государств, в соответствии с которыми полномочия по рассмотрению споров относились к компетенции суда. Поэтому законодателем оно не было принято.

В Высочайшем повелении от 25 марта 1859 г. имелись исходные основополагающие положения, касающиеся реформы полиции и последующих законодательных актов, в которых должен был быть подготовлен новый всеобъемлющий закон, регулировавший все стороны организации и взаимодействия органов полиции с другими учреждениями в новых условиях. «Власть судебная» должна быть отделена от «власти исполнительной». Последнюю нужно «ограничить исключительно полицейскими обязанностями» [16, стр. 96].

27 марта 1858 г. при МВД была создана комиссия «для составления проектов узаконений об уездном полицейском управлении и об учреждении для разбора недоумений и споров между помещиками и крестьянами». К ее целям деятельности относилась подготовка законодательства о судах и полиции. Для этого 18 апреля 1859 г. в комиссию вошел С. И. Зарудный, который в течение двух месяцев за границей изучал судопроиз-

водство и судоустройство европейских государств: Италии, Франции, Швейцарии. Кроме С. И. Зарудного в комиссию вошли Н. М. Колмаков, Н. И. Стояновский, В. А. Арцимович.

С. И. Зарудный считал необходимым учитывать западноевропейский опыт и ускорить разделение полиции на судебную, расследующую преступления, и исполнительную, поддерживающую общественный порядок. В этом разделении «заключается главнейшее средство» исполнения повеления от 25 марта 1859 г. об отделении «полиции от суда: ибо до тех пор, пока производство следствий и вообще часть судебной власти останется за исполнительной полицией, все усилия правительства к улучшению этой части будут тщетны». Розыск преступников «должна осуществлять полиция без процессуальных формальностей» [17, стр. 10, 13].

Участие в осуществлении цензурных функций. Говоря о взаимодействии полиции и министерства народного просвещения необходимо отметить их цензурную деятельность.

Цензура в России подразделялась на внутреннюю (рассматривала издания, выходившие на территории Российской империи на любых языках) и иностранную (ее контроль подлежала печатная продукция, ввезенная в страну).

В манифесте «О разделении государственных дел на особые управления» от 25 июля 1810 г. к ведению министерства полиции отнесены «дела по цензурным установлениям», ко второй экспедиции — типографии — дела о книгах, противных нравственности и общим постановлениям, о «ложных слухах, разглашениях, пасквилях, сочинении подложных бумаг и тому подобном».

Более того, с 1811 г. в ведении министра полиции оказались не только «наблюдение, чтоб не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки без установленного от правительства дозволения», но и обязанность следить за внутренним содержанием издаваемых произведений печати. Возникла своего рода цензура, имевшая общие задачи с цензурными комитетами Министерства народного просвещения. Был учрежден особый комитет «по цензурной ревизии» [ПСЗ. Т. XXXI. № 24307; № 24326; № 24687]. Органы цензуры полиции и министерства народного просвещения признавали «неприличным, чтобы в ведомостях помещаемы были суждения о служащих или уволенных со службы чиновниках», делалось распоряжение «не пропускать ничего относящегося до правительства, не испросив прежде на то согласия от того министерства, о предмете которого рассуждается» [18, стр. 5].

В 1858 г. право выдавать разрешения на открытие частных типографий, литографий и подобных им заведений передано обер-полицмейстерам (в столицах), губернаторам, градоначальникам.

Кроме того, Министерство полиции имело некоторые права по контролю за цензурой, так как оно должно было наблюдать, чтобы в обществе

не обращались книги, которые, «хотя и пропущены цензурою, подавали повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным». В таких случаях министр полиции должен был взаимодействовать с министром народного просвещения и представить свое мнение на Высочайшее усмотрение. Министр народного просвещения давал разрешение на открытие типографии после получения согласия министра полиции. Цензурные комитеты министерства просвещения доставляли в министерство полиции сведения о книгах, одобряемых к печати, но в то же время они не разрешали к печати без дозволения полиции никаких частных объявлений.

С 1828 г. согласно третьему Уставу о цензуре [ПСЗ. Собр. 2. Т. III. 1828. № 1979] общий надзор за действиями внутренней и иностранной цензуры осуществляло Главное управление цензуры. Оно следило за точным исполнением устава. Высшую цензурную инстанцию возглавлял министр народного просвещения, в ее состав входили товарищ министра, представители от министерств внутренних и иностранных дел и президенты Российской академии (до 1841 г.), Академий наук и художеств. С 1839 г. на заседаниях управления присутствовал начальник штаба корпуса жандармов. Новый устав был сравнительно более мягкий, он предписывал принимать «за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону» (§ 6), не делать «привязки к словам и отдельным выражениям» (§ 7), не входить «в разбор справедливости или несправедливости частных мнений и суждений писателя» (§ 15). Дозволялось «всякое общее описание или сведение касательно истории, географии, статистики России» (§ 10).

Однако в уставе указывалось, что «рассуждения о потребностях и средствах к улучшению какой-либо отрасли государственного хозяйства в империи, когда под средствами разумеются меры, зависящие от правительства, и вообще суждения о современных правительственных мерах не пропускаются в печать» (§ 12). Таким образом устав давал простор произвольным толкованиям некоторых чиновников, воспитанных практикой предыдущих лет.

Развитие полиции России и ее взаимодействия с другими органами, а также правового регулирования совместной деятельности говорит о том, что их компетенция, законодательная база полностью соответствовали практике полицейского государства.

Для российской полиции и ее нормативной базы оставались характерны: смешение чисто полицейских и судебных функций, раздробленность полицейских сил по борьбе с преступностью.

Необходимость реформы была очевидна: дальнейшая специализация полицейской деятельности, выделение из полиции судебной власти, создание соответствующей новым условиям нормативной базы.

В рассматриваемый период было принято много нормативных правовых актов, касающихся деятельности полиции. Однако о взаимодействии полиции с другими государственными органами было издано значительно меньше. Это было обусловлено тем, что многие законы, подзаконные и иные нормативные акты, не успев быть принятыми, утрачивали свою актуальность.

Литература

1. Яковлев, К. Л. Министерство внутренних дел в государственном механизме Российской империи в царствование Александра I. Часть 1 (1802—1812 гг.). — Москва, 2006.
2. О службе в гарнизоне или о разводах, караульных и часовых. — Полевая типография Генерального Штаба 1 Армии, 1819.
3. Ерошкин, Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). — Москва, 1981.
4. Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ. — Санкт-Петербург, 1885.
5. Зайончковский, П. А. Кризис Российского самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. — Москва, 1964.
6. Андреевский, И. Е. Полицейское право. — Санкт-Петербург, 1874 Т. I.
7. Законы о полиции. — М., 1910.
8. Инструкция околоточным надзирателям Московской Столичной полиции от 14 декабря 1906 г. — Москва, 1906.
9. Кручинин, В. Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII — начале XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. — Москва : Академия управления МВД России, 1998.
10. Репетиториум полицейского права по курсу И. Е. Андреевского. Ч. 1. — Харьков, 1888.
11. Елистратов, А. И. Основные начала административного права. — 2-е изд. — Москва, 1917.
12. Волков, Н. Т. Законы о полиции. (Законы административные, Положения о судебно-следственных и исполнительных действиях чинов полиции). — Москва, 1910.
13. Алфавит полицейских законов разъяснений и циркуляров. (Сборник необходимых чинам полиции извлечений из действующего Свода законов со всеми позднейшими приложениями и дополнениями, разъяснений по решениям Правительствующего Сената и министерских и Департамента полиции циркуляров. Составил помощник исправника В. М. Попов). — Санкт-Петербург, 1914.
14. Гернет, М. Н. История царской тюрьмы. — Т. 1. — Москва, 1950.
15. Соловьев, Я. А. Записки о крестьянском деле // Русская старина. — 1882. — № 3.
16. Коротких, М. Г. Судебная реформа 1864 года в России. — Воронеж, 1994.
17. Зарудный, С. И. О способах исполнения высочайше утвержденного начала об отделении исполнительной власти от судебной // Материалы по судебной реформе в России. — Санкт-Петербург, 1864. — Т. 15.
18. Розенберг, В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем / В. Розенберг, В. Якушкин. — Москва, 1905.

References

1. Yakovlev, K. L. Ministerstvo vnutrennikh del v gosudarstvennom mekhanizme Rossiyskoy imperii v tsarstvovaniye Aleksandra I [The Ministry of the Interior in the

- state machinery of the Russian Empire during the reign of Alexander I]. Chast' 1 (1802—1812 gg.). — Moskva, 2006.
2. O sluzhbe v garnizone ili o razvodakh, karaul'nykh i chasovykh [On service in the garrison or on divorces, guards and sentries]. — Polevaya tipo-grafiya General'nogo Shtaba 1 Armii, 1819.
3. Yeroshkin, N. P. Krepostnicheskoye samoderzhaviye i yego politicheskiye instituty [The feudal autocracy and its political institutions]: (Pervaya polovina XIX veka). — Moskva, 1981.
4. Tarasov, I. T. Politsiya v epokhu reform [Police in the era of reform]. — Sankt-Peterburg, 1885.
5. Zayonchkovskiy, P. A. Krizis Rossiyskogo samoderzhaviya na rubezhe 1870—1880-kh godov [The crisis of the Russian autocracy at the turn of the 1870-1880s]. — Moskva, 1964.
6. Andreyevskiy, I. Ye. Politseyskoye pravo [Police law]. — Sankt-Peterburg, 1874 T. I.
7. Zakony o politsii [Police laws]. — M., 1910.
8. Instruktsiya okolotochnym nadziratelyam Moskovskoy Stolichnoy politsii ot 14 dekabrya 1906 g [Instructions to the roundabout guards of the Moscow Metropolitan Police of December 14, 1906]. — Moskva, 1906.
9. Kruchinin, V. N. Stanovleniye i razvitiye zakonodatel'stva o politsii v Rossii v XVIII — nachale XX vv. [The formation and development of legislation on the police in Russia in the XVIII - early XX centuries]: dis. ... kand. yurid. nauk. — Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998.
10. Repetitorium politseyskogo prava po kursu I. Ye. Andreyevskogo [Tutoring of police law at the rate of I. E. Andreevsky]. CH. 1. — Khar'-kov, 1888.
11. Yelistratov, A. I. Osnovnyye nachala administrativnogo prava [Basic principles of administrative law]. — 2-ye izd. — Moskva, 1917.
12. Volkov, N. T. Zakony o politsii. (Zakony administrativnyye, Polozheniya o su-debno-sledstvennykh i ispolnitel'nykh deystviyakh chinov politsii) [Laws on the police. (Administrative laws, Regulations on judicial investigative and executive actions of police officers)]. — Moskva, 1910.
13. Alfavit politseyskikh zakonov raz'yasneniy i tsirkulyarov [Alphabet of police laws of clarifications and circulars]. (Sbornik neobkhozimyykh chinam politsii izvlecheniy iz deystvuyushchego Svoda zakonov so vsemi pozdneyshimi prilozheniyami i dopolnениями, raz'yasneniy po resheniyam Pravitel'stvuyushchego Senata i ministerskikh i Departamenta politsii tsirku-lyarov. Sostavil pomoshchnik ispravnika V. M. Popov). — Sankt-Peterburg, 1914.
14. Gernet, M. N. Istoriya tsarskoy tyur'my [History of the imperial prison]. — T. 1. — Moskva, 1950.
15. Solov'yev, YA. A. Zapiski o krest'yanskom dele [Notes on peasant affairs] // Russkaya starina. — 1882. — № 3.
16. Korotkikh, M. G. Sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii [Judicial Reform of 1864 in Russia]. — Voronezh, 1994.
17. Zarudnyy, S. I. O sposobakh ispolneniya vysochayshe utverzhdenного nachala ob otdelenii ispolnitel'noy vlasti ot sudebnoy [About the methods of execution of the highest approved principle on separation of the executive from the judicial powers]// Materialy po sudebnoy reforme v Rossii. — Sankt-Peterburg, 1864. — T. 15.
18. Rozenberg, V. Russkaya pechat' i tsenzura v proshlom i nastoyashchem [Russian press and censorship in the past and present] / V. Rozenberg, V. Yakushkin. — Moskva, 1905.

Памяти ученого

Посвящается 80-летию видного ученого-правоведа, профессора МГУ и МГЮА, доктора юридических наук **Григория Ефимовича Быстрова** (1940—2018)

Знаток аграрно-правовой науки,
Ее творец, защитник и певец,
Вам благодарны будут наши внуки,
И в целом говоря, вы — молодец!

Студент, стажер и соискатель вуза,
Сам Каландадзе вас благословил,
И как доцент Советского Союза
Я просто вас всегда боготворил.

Промчались годы, что лихие кони,
И ваша жизнь — достойнейший пример,
И академик наш — профессор Кони,
Сказал бы это многим, например.

А впрочем, все ученики Быстрова,
Пожалуй, вышли из гнезда Петрова.

Автор — В. И. Ивакин, доцент кафедры «Административное право, экологическое право, информационное право» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

ТРЕБОВАНИЯ
к материалам, представляемым для опубликования
в журнале «Вестник Юридического института МИИТ»

1. Текст статьи выполняется в формате Microsoft Word и представляется в электронной форме в РИО института автором лично либо по электронной почте albinadg@mail.ru.

Имя файла определяется по фамилии первого автора.

2. Статья должна содержать:

- название статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова (5—7 слов) на русском и английском языках;
- аннотацию не менее 200 слов (на русском и английском языках);

Сведения об авторе (авторах):

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- место работы, учебы (полное наименование организации в именительном падеже);
- должность, ученая степень, ученое звание, иные почетные звания (при наличии);
- адрес электронной почты.

3. Объем материала — от 5 до 10 страниц формата А4.

4. Список литературы. Оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.100-2018.

5. При несоблюдении указанных правил редакционный совет вправе отклонить статью.

REQUIREMENTS
for the materials submitted for publication in the journal
«Bulletin of the Law Institute MIIT»

1. All manuscripts should be submitted to the editor in an electronic form in Microsoft Word format personally or via e-mail albinadg@mail.ru. The title of the document is identified through the first author's name.
2. The paper should contain:
 - **a title** of the article both in Russian and in English;
 - **keywords** (5—7 words/word combinations) both in Russian and in English;
 - **an abstract** of 200 and more words both in Russian and in English;
 - **the following information** about the author/authors:
 - surname, name, middle name (IN FULL WORDS);
 - place of work/study (IN FULL WORDS);
 - position, scientific degree, scientific status if any (IN FULL WORDS);
 - contacts (an e-mail).
3. The paper should be of 5—10 pages of A4 format.
4. Bibliography (both in Russian and in English) should be arranged according to GOST P 7.0. 100-2018.
5. The paper should be supplied with a review of Doctor or Candidate of the respective Sciences.
6. The editors have a right to reject the paper if the requirements aren't met.